

STUDIA POLITOLOGICZNE

VOL. 40

INSTYTUT NAUK POLITYCZNYCH UNIWERSYTETU WARSZAWSKIEGO

POLITICAL SCIENCE STUDIES

MODERNIZATION IN RUSSIA

edited by Alicja Stępień-Kuczyńska, Stanisław Sulowski,
Andrey Yurevich Shutov

WARSAW 2016

VOL. 40

UNIVERSITY OF WARSAW • INSTITUTE OF POLITICAL SCIENCE

STUDIA POLITOLOGICZNE

MODERNIZACJA W ROSJI

pod redakcją Alicji Stępień-Kuczyńskiej, Stanisława Sulowskiego,
Andreya Jurewicza Szutowa

WARSZAWA 2016

VOL. 40

INSTYTUT NAUK POLITYCZNYCH UNIwersYTETU WARSZAWSKIEGO

Rada Naukowa Stanisław Filipowicz (Uniwersytet Warszawski)
Ks. Helmut Juros (Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego)
Rubén Torres Kumbria (Universidad Nacional de Educación a Distancia)
Gerd Meyer (Eberhard Karls Universität Tübingen)
Szewach Weiss (University of Haifa)
Jan Zielonka (University of Oxford)
A. Ju. Szutow (Moskiewski Uniwersytet Państwowy)

Redaktorzy Administracja publiczna: Grzegorz Rydlewski (Uniwersytet Warszawski)
tematyczni Badania wschodnie: Tadeusz Bodio (Uniwersytet Warszawski)
Studiów Bezpieczeństwo: Andrzej Misiuk (Uniwersytet Warszawski)
Politologicznych Historia polityczna: Wojciech Jakubowski (Uniwersytet Warszawski)
Integracja europejska: Konstanty A. Wojtaszczyk (Uniwersytet Warszawski)
Myśl polityczna: Tomasz Żyro (Uniwersytet Warszawski)
Parlamentaryzm współczesny: Tadeusz Mołdawa (Uniwersytet Warszawski)
Polityki sektorowe: Agnieszka Rothert (Uniwersytet Warszawski)
Psychologia i socjologia polityki: Jan Garlicki (Uniwersytet Warszawski)
Ruchy społeczne: Grażyna Ulicka (Uniwersytet Warszawski)
Systemy polityczne: Zbigniew Kiełmiński (Uniwersytet Warszawski)
Teoria polityki: Mirosław Karwat (Uniwersytet Warszawski)

Komitet Stanisław Sulowski (redaktor naczelny)
Redakcyjny Daniel Przastek (członek)
Włodzimierz Ulicki (członek)
Jacek Zaleśny (sekretarz)

Redaktorzy językowi: Eva Allen, Halina Maczunder, Ewa Rydlewska, Izabela Kraśnicka-Wilk,
Ekaterina Kolb

Redaktor techniczny: Marta Grabarczyk

Redaktor statystyczny: dr Viera Gafrikova

„Studia Politologiczne” znajdują się w wykazie czasopism naukowych prowadzonym przez Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego na potrzeby oceny jednostek naukowych z przyznaną liczbą 13 punktów.

„Studia Politologiczne” są dostępne w bazie danych CEJSH.

Czasopismo recenzowane przez recenzentów zewnętrznych.

Wersja pierwotna czasopisma: papierowa.
www.studiapolitologiczne.pl

© Copyright by Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego,
Warszawa 2016

ISSN 1640-8888

Nakład 600 egz.

Opracowanie komputerowe, druk i oprawa:
Dom Wydawniczy ELIPSA,
ul. Inflancka 15/198, 00-189 Warszawa
tel./fax 22 635 03 01, 22 635 17 85
e-mail: elipsa@elipsa.pl, www.elipsa.pl

Содержание

Введение..... 9

STUDIA I ANALIZY

Ирина Александровна Батанина

Динамика качества элиты в условиях модернизации современного
российского общества 15

Анастасия Александровна Лаврикова,**Ольга Евгеньевна Шумилова**

Политическая компетентность российских граждан в контексте
модернизационных процессов. 28

Иван Владимирович Радиков

Модернизация российской повседневности в конце XX–начале
XXI века: эффекты и влияние на политическую активность
граждан. 48

Владимир Александрович Гутуров

Концепции модернизации в посткоммунистическом дискурсе 64

Артем Юрьевич Каратеев

Электронные документы, электронный документооборот
и электронная демократия в России 81

Ирина Алексеевна Василенко, Лариса Григорьевна Титаренко,**Малгожата Абассы**

Политические ценности демократии в России, Беларуси
и Польше: сравнительный анализ 100

Elena Brodovskaya, Anna Dombrovskaya

Behavior on the Internet of Poles and Russians: results of the
comparative cluster analysis. 113

Stanisław Bieleń

Panrussianism in Russia's great power and imperial identity. 121

Круглый стол – Элиты Северного Кавказа: опыт

польско-российского научного сотрудничества. 140

Михаил Иванович Пастухов	
К вопросу об отмене смертной казни в Республике Беларусь	171
Яцек Залесны	
Теоретико-правовые вопросы ответственности Президента Республики Польша	179
RECENZJE	
Stanisław Bieleń, Andrzej Skrzypek (red.), <i>Rosja. Rozważania imperiologiczne</i> (Kazimierz Łastawski)	200
Авторы	204

Contents

Introduction	9
STUDIES AND ANALYSIS	
Irina Alexandrovna Batanina The Dynamics of the Quality of the Elite in the Conditions of Modernization of the Contemporary Russian Society	15
Anastasia Alexandrovna Lavrikova, Olga Evgenevna Shumilova Political Competence of the Russian Citizens in the Context of Modernization Processes	28
Ivan Vladimirovich Radikow Modernization of Russian Everyday Life in the Late XX-Early XXI Century: the Effects and Impact on Political Activity of Citizens	48
Vladimir Aleksandrovich Gutorov Conceptions of Modernization in the Post-communist Discourse	64
Artem Karateev E-records, E-records Management and E-democracy in Russia	81
Irina Alekseevna Vasilenko, Larisa Grigorevna Titarenko, Małgorzata Abassy The Political Values of Democracy in Russia, Belarus and Poland: A Comparative Analysis	100
Elena Brodovskaya, Anna Dombrovskaya Behavior on the Internet of Poles and Russians: Results of the Comparative Cluster Analysis.	113
Stanisław Bieleń <i>Panrussianism</i> in Russia's Great Power and Imperial Identity.....	121

Round Table – The elite of the North Caucasus: the experience of the Polish-Russian scientific cooperation	140
Mikhail Ivanovich Pastukhov Ont the Issue of Abolition of the Death Penalty in Belarus	171

Jacek Zaleśny	
Theoretical and Legal Aspects of Responsibility of the President of the Republic of Poland.....	179
REVIEWS	
Stanisław Bieliń, Andrzej Skrzypek (red.), <i>Rosja. Rozważania imperiologiczne</i> (Kazimierz Łastawski).....	200
Authors	204

Введение

Журнал «*Политические исследования*» – лидер среди польских периодических изданий, представляющих сферу политических наук – в течение нескольких лет ведет активное сотрудничество с ведущими политологами наших восточных соседей. Мы неоднократно предоставляли вниманию читателей выпуски нашего ежеквартального журнала, посвященные проблематике трансформации, перемен и реформирования, осуществляемых на постсоветском пространстве. Данная совместная деятельность имеет необычайно важное значение, поскольку разрушает мифы и стереотипные подходы в раскрытии образа данного региона, сверх того – это попытка представить реальный процесс перемен. Следует подчеркнуть, что мы предоставляем слово исследователям, непосредственно связанным с регионом, а не только наблюдателям, анализирующим в данный момент процесс перемен и преобразований, наступивших после 1989 года.

Процесс трансформации, начавшийся в конце восьмидесятых годов XX века, до сегодняшнего дня является крайне важным, исключительным элементом политологических исследований. Связанные с ним концепции модернизации, являющиеся производной социально-политических реформ, долгосрочный, непрерывный и мирный характер перемен все еще представляют научный интерес для исследователей, осуществляющих детальный анализ и интерпретацию трансформации, начавшейся двадцать семь лет назад.

Проблематика модернизации в государствах региона Восточной Европы, в том числе России, с момента начала трансформаций все еще остается предметом дискуссии, вплоть до споров и разногласий. Реформирование посткоммунистических государств оказалось сложным заданием, не укладывающимся в функционирующие на тот момент модели и схемы. В случае данных государств попытки модернизации представляют собой своего рода «бегство в будущее» от угрожающей им маргинализации и периферизации. Безо всякого сомненья, большинство стран бывшего СССР (за исключением Литвы, Латвии и Эстонии) после распада структур империалистического государства очутились перед чрезвычайно важным вызовом – какой путь модернизации выбрать? Очевидно то, что это касалось не только экономической сферы (все еще находящейся в кризисном состоянии, углубленном вследствие распада государственных структур), но и связанной с ней модер-

низации в сегменте политики (политической системы), а также социальных изменений. Все эти сферы связаны между собой, проникают друг в друга и оказывают влияние друг на друга. Следует дополнить, что успех модернизации зависит от влияния внешнего окружения, которое, как в случае Китая, способствовало и укрепляло данные перемены. Государства, созданные на руинах советской империи, получили такую помощь в небольшой степени. Внешнее окружение, главным образом, декларативно, опасаясь ядерных угроз и общественной революции, оказывало помощь данным государствам в выходе из экономического коллапса. Замкнутые в рамках собственных ограниченных возможностей, они пытаются реализовать специфические сценарии модернизации. Правящие элиты прекрасно осознают, что дистанция, разделяющая их от современных обществ со значительным уровнем инновационности, научно-технологических решений, постоянно возрастает. Все прежние попытки осуществления реформ в каждом из данных государств – неудовлетворительны. Население этих стран критично относится к очередным попыткам реформирования систем, поскольку в памяти до сих пор остались «шоковые терапии» (Н. Кляйн), проводимые в этих государствах после распада СССР, всеобщее предоставление права собственности номенклатуре, которое привело к олигархизации общественной жизни, политических и экономических отношений. Исключительно высокая стоимость трансформации в сочетании с экономической нестабильностью и низким уровнем жизни усложняют, вплоть до невозможности, реализацию дорогостоящих модернизационных реформ. Модернизацию в регионе осложняет тот факт, что здесь представлены традиционные типы обществ, которые характеризуются негибкой, закостенелой общественной структурой, доминирующим традиционным образом жизни, преемством социальных ролей, что ограничивает уровень открытости данных обществ к модернизационным изменениям.

Россия не является исключением, все эти проблемы касаются ее, причем в значительно большей степени. На тему промодернизационных изменений в общественном дискурсе проходят постоянные споры. В начале XXI века правящие круги предприняли определенные действия в направлении так наз. «модернизационного толчка». В данном контексте выделено три сферы модернизации: системную, заключающуюся в разработке новых решений в области управления государством, социально-культурную модернизацию, цель которой заключалась в имплементации моделей, главным образом – западных, и научно-технологическую, которая должна повысить степень участия государства в глобализационных процессах. Тогда оптимистично предполагалось, что связанные между собой модернизационные процессы в данных сферах возможно осуществить, что в результате приведет к сокращению дистанцирования России относительно государств так наз. глоба-

лизационного корня. Условия построения современного государства, экономики и общества в России требовали бы сохранения в течение длительного периода хорошей экономической конъюнктуры и благоприятных внешних условий. Рассчитывая на это, в то время было предложено построение модернизационных центров, использующих потенциал регионов, городов-лидеров, в частности – столицы страны, создание технологических парков. Тогда осознавалось, что в России невозможна открытая модернизационная модель, требующая постоянного роста инновационности и гражданской активности. В связи с этим правящие круги, используя неплохую экономическую конъюнктуру и относительную политическую стабильность, предложили модель модернизационных филиалов, которые должны были стимулироваться и руководиться политическими и бюрократическими элитами. Это своего рода «модернизация сверху». Окружение тогдашнего президента Медведева предложило программу так называемых четырех «и» (инновации, институции, инфраструктура, инвестиции). Были определены приоритетные отрасли: биотехнология, медицина, альтернативные источники энергии, космические, телекоммуникационные и ядерные технологии. Была принята программа развития до 2020 г., предложено, совместно с Европейским Союзом, «Партнерство для модернизации». Были назначены специальные правительственные комиссии, соответственные структуры при президенте, принята стратегия развития в области науки, образования и коммуникации.

По объективным причинам том представленного «Политологического образования» не может рассмотреть все вопросы, касающиеся модернизации политической сферы в России. С теоретической точки зрения, процессы модернизации политической сферы в эру глобализации отличаются чрезвычайной сложностью, им сопутствуют великие вызовы. Один из них – это тот факт, что общественные структуры находятся в значительной динамике, в связи с этим мы наблюдаем новое явление спонтанной мобилизации граждан в различных формах протеста.

Таким образом, правящие круги в России должны считаться с реакцией общества, которое теперь очень восприимчиво к реформаторским экспериментам, всем формам нарушения «относительной стабилизации и чувства безопасности». Не забыт период горбачевской перестройки. С тех пор уровень доверия к политическим элитам и государственным институциям стал невысок и прямо зависит от практических результатов предложенных изменений. Модернизация в России, но какая? События последних лет, в частности конфликт в Украине, экономический кризис, снижение уровня жизни населения, очерчивают другую перспективу для данного государства.

Настоящий том «*Политических исследований*» посвящен проблематике модернизации в России. Он представляет собой плод развивающихся кон-

тактов польских и российских политологов в достаточно сложных политических условиях. Мы убеждены, что содержание статей дает возможность ознакомления с некоторыми вопросами российской модернизации в трактовке российских авторов, что должно также послужить расширению знаний и дальнейшему развитию отношений между учеными обоих государств, равно как и других стран региона.

В. Гутуров из Санкт-Петербургского Государственного Университета (*Концепции модернизации в посткоммунистическом дискурсе*) представляет сквозь призму характеристики существующих в мире модернизационных моделей специфику российской модернизации. Автор напоминает об опыте исторических реформ, пресловутой «шоковой терапии», социально-экономические, а порой и политические последствия которой Россия ощущает по сегодняшний день. По мнению В. Гутурова, специфика объясняет рождение в России гибридных решений в сфере политической и экономической систем. С содержанием статьи перекликается анализ результатов социологических исследований, представленный И. Батаниной из Тульского государственного университета в статье *«Исследование динамики качества элит в условиях модернизации современного российского общества»*. Автор указывает на процесс перемен, происходящих в правящих элитах некоторых регионов России в контексте их потенциала, системы ценностей, открытости к изменениям. И. Батанина сопоставляет это с общественным восприятием правящих кругов, уровнем доверия и поддержки их деятельности. Два других автора из этого университета – А. Лаврикова и О. Шумова – в статье *«Политические компетенции российских граждан в контексте модернизационных процессов»* на основании проведенных социологических исследований представили анализ взглядов в сфере политики и политических позиций некоторых социальных групп. В свою очередь, И. Радиков из Санкт-Петербургского государственного университета представил статью *«Модернизация российской действительности в конце XX – начале XXI века: результаты и влияние на политическую активность граждан»*. С точки зрения польского читателя данная работа интересна, поскольку ее автор представляет специфику и культурно-историческую сложность, обуславливающую сознание российского общества. Именно данные условия, наряду с объективными процессами, происходящими в глобальном мире, особенно в сфере массовой культуры и в связи с общедоступностью информации, являются важным источником формирования политических взглядов граждан в России. Автор статьи задает принципиальный вопрос, касающийся уровня открытости россиян к промодернизационным решениям и глобальному миру. Оценка применения новых технологий в процессах управления государством и работе государственной администрации была представлена

в статье А. Каратеева из Московского государственного университета. Автор сфокусировался на способе создания электронных документов и электронного документооборота. В свою очередь, вопросам использования Интернета в Польше и России посвящена статья Е. Бродовской и Е. Домбровской из Московского гуманитарного университета. Авторы представляют в ней результаты социологических исследований, осуществляемых в последнее время в обоих государствах. Сравнительный контекст предложили также авторы статьи: И. Василенко, (Московский государственный университет), Л. Титаренко (Белорусский государственный университет), М. Абассы (Ягеллонский университет в Кракове), посвященной сравнению отношения к демократии, ее пониманию в обществе Польши, России и Беларуси.

В данном томе нам также удалось опубликовать незаурядный текст известного польского россиоведа С. Беленя из Варшавского университета, который анализирует идею «панроссианизма», российского великодержавия и империалистской самоидентификации.

Редакторы

Ирина Александровна Батанина

Динамика качества элиты в условиях модернизации современного российского общества

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

элита, модернизация, ценностная система, ценностные ориентации

Стабильность и консолидационный потенциал элитных групп является одним из показателей особенностей политического пространства российских регионов.

Тенденции изменения элитных групп нашли отражение в динамике взаимодействия исполнительных и законодательных структур регионов. Согласно результатам проведенного исследования, направленность и интенсивность экспертных оценок разграничения функционала исполнительной и законодательной властей характеризуется как нейтральная (показатели моды и медианы совпали и составили 3 при распределении шкальных значений от 1 до 5) и во многом обусловлена возможностями, предоставляемыми системой управления региона для сохранения/улучшения конкретного сегмента элитного сообщества. Так, в регионах-лидерах наиболее оптимистичные оценки дают представители политической и экономической элит, что объясняется благоприятными условиями для повышения их статуса; в регионах-середняках лояльное отношение к существующему распределению функционала исполнительной и законодательной властей демонстрируют политический и социокультурный сегменты. Меньший уровень толерантности к сложившейся взаимосвязи исполнительных и законодательных органов проявляют представители социокультурного сегмента регионов-аутсайдеров при сдержанных оценках политической и экономической элит, что связано с неоднозначностью перспектив развития данных субъектов

ЦФО и наименее благоприятными условиями для самореализации социокультурной элиты.

Более четко проследить тенденцию сращивания функционала исполнительных и законодательных властей региона (при определенном доминировании исполнительных органов) в субъектах середняках позволяет анализ переменной «изменения состава органов власти». Среди факторов обновления законодательных органов власти эксперты называют обстоятельства, связанные с функционированием исполнительных структур, в свою очередь, кадровые перестановки в исполнительных органах детерминируют практиками формирования представительных институтов (табл. 1). Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что сложившаяся система государственного управления в регионах-лидерах оценивается элитным сообществом как более респонсивная в силу большей чувствительности как к институциональным, так и неинституциональным формам влияния на систему. В целом, мнение экспертов по данным вопросам отличается большей интенсивностью, что свидетельствует о высоком уровне консолидации позиций. Снижение же качества жизни в регионах сопряжено с политической эксклюзией граждан, что фиксируется в ответах респондентов: легальным способом обновления власти признается только электоральное участие граждан, легитимация власти в других формах не рассматривается как обязательное условие сохранения властных позиций.

Сенситивность системы управления регионов-лидеров к внутренним и внешним факторам способствует сохранению стабильного состава властных структур (представители элиты данного территориального сегмента при ответах на вопрос относительно частоты обновления основного состава региональных законодательных и исполнительных органов власти отдавали предпочтение индикаторам «3–5 лет» (по 15 экспертов) и «6 лет и более» (15 и 14 экспертов соответственно)) и, как следствие, воспроизводству системных характеристик. В регионах-середняках и регионах-аутсайдерах интервал смены элит также обозначался сроком «3–5 лет». Однако, отмечено увеличение числа респондентов преимущественно за счет политической элиты, считающих, что кадровая ротация в исполнительных органах власти региона происходит значительно чаще (1–2 года), что подтверждает сделанный ранее вывод о высокой степени закрытости системы управления в регионах данного типа.

Различаясь по уровню респонсивности, политические системы ориентированы на единый тип рекрутирования элиты – систему гильдий. При этом наиболее полный пакет характеристик, включая идеологическую составляющую, присущ исполнительным органам регионов-середняков и регионов-аутсайдерах при большей интенсивности последних.

Таблица 1. Факторы обновления состава органов государственной власти региона
С чем Вы связываете обновление кадрового става региональных органов власти? (Выбор вариантов ответа не ограничен)

	Законодательные органы власти			Исполнительные органы власти		
	лидеры	средняки	аутсайдеры	лидеры	Средняки	аутсайдеры
Смена главы региона	7	13	11	28	22	24
Электоральный цикл	20	18	18	4	9	5
Изменение экономической ситуации в регионе	12	9	2	17	11	12
Изменение состава федеральных органов власти	4	11	9	18	15	9
Изменение расстановки политических сил в регионе	19	8	13	18	11	13
Снижение уровня доверия населения представителям властных структур	14	12	4	18	9	6
Вскрытие фактов коррупции во властных структурах региона	16	10	6	19	14	20
Рост протестных настроений в регионе	16	8	5	15	8	3
Другое	1	2	0	2	1	1

В оценках тенденций развития элитных групп демонстрируется запрос на авторитаризм: среди базовых черт политической элиты в среднесрочной перспективе называются клановость (49,2%), лояльность к вышестоящему начальнику (43,1%). Обозначенная характеристика не имеет территориальной локализации.

Указанный факт подтверждается и при анализе переменной «взаимовлияние институциональных и неинституциональных субъектов». Результаты исследования показали, что потенциал влияния на систему управления определяется степенью институционализированности субъектов, их отношением к существующему режиму, уровнем легитимности. Главными факторами, определяющими роль в процессе принятия политических решений, выступают наличие неформальных связей с представителями органов власти и обладание определенными видами ресурсов (финансовый, силовой, информационный, административный). В качестве значимых участников политического процесса экспертным сообществом названы устойчивые политико-экономические группы (кланы) ($M_0 = 5$), парламентские партии ($M_0 = 5$), бизнес-структуры (имеется две моды:

$M_0 = 4$ и $M_0 = 5$), силовые структуры ($M_0 = 4$), СМИ ($M_0 = 4$). При этом наибольший потенциал влияния имеется у бизнес-структур (средняя балльная оценка составила 3,83 из 5). Не признаются в качестве значимых политических акторов внепарламентские политические партии, молодежные проправительственные движения, женские проправительственные движения, экологические движения, церковь, волонтерские движения, протестные движения, профсоюзы ($M_0 = 1$, где 1 – не оказывают влияния на процесс принятия решений). Среди них наименьшим потенциалом влияния обладают внепарламентские политические партии, что позволяет подтвердить гипотезу относительно деформации политических партий как института в силу выполнения ими функционала ограниченного парламентской деятельностью. Таким образом, политика либерализации партийной системы не будет способствовать не только усилению партийной системы, но и политической мобилизации граждан.

Наибольшая интенсивность негативной направленности мнений при ответе на данный вопрос проявляется среди экспертов регионов-аутсайдеров. Крайний скептицизм демонстрируется в отношении политической субъектности экологического, волонтерского, профсоюзного движений, молодежных и женских проправительственных организаций. Регионы-лидеры, в свою очередь, отличает завышенные оценки лоббистских способностей Общественной палаты РФ на фоне разочарований в протестном движении и роли церкви.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди неинституционализированных субъектов значительный ресурс представительства принадлежит инициативным группам граждан (средняя балльная оценка составила 2,73). При этом активность участия граждан в данной форме оценивается экспертным сообществом достаточно высоко. Среди возможных форм участия в политической жизни страны создание инициативных групп по решению местных проблем (ТСЖ, «обманутые дольщики» и т.д.) занимает 4 место; территориальное распределение позволило выявить значительные различия в отношении: если в регионах-середняках и аутсайдерах данная форма рассматривается как предпочтительная для политического вовлечения, то в регионах-лидерах как реализуемая.

Модель политического участия определяет не только стабильность элитных групп, но и характер их консолидации, прежде всего ценностной. Структура ценностной системы элитных сообществ ЦФО изучалась посредством построения иерархии. В соответствии с подходом Н.И. Лапина структурные пласты ценностной иерархии были разграничены, исходя из выполняемых ими функций: универсально-интегрирующей (ядро), социокультурно-интегрирующей (резерв), социокультурно-дифференцирующей (дифференциал) и конфликтно-регулирующей (периферия). Распределение ценностей по уровням представлено в таблице 2.

Таблица 2. Структура ценностного сознания элитного сообщества ЦФО

Что из представленного перечня является для Вас ценным в жизни (выбор не ограничен), в %

Структурные пласты	Процент наблюдений
Интегрирующее ядро (свыше 57%)	семья (91,1)
	здоровье (90,0)
	безопасность (67,8)
	совесть (72,2)
	свобода (66,7)
	достоинство (64,4)
	справедливость (64,4)
	мир (63,3)
	труд (62,2)
	закон (62,2)
	стабильность (61,1)
права человека (57,8)	
Интегрирующий резерв (45,0%–56,9%)	порядок (56,7)
	достаток (55,6)
	успех (50,0)
	собственность (48,9)
	духовность (48,9)
	патриотизм (46,7)
Оппонирующий дифференциал (30,0%–44,9%)	защита (42,2)
	демократия (41,1)
	религия (30,0)
Конфликтогенная периферия (менее 30,0%)	солидарность (27,8)
	терпимость (27,8)
	держава (24,4)
	сила (18,9)
	твёрдость (17,7)

Анализ структуры иерархии ценностной системы элитных групп позволил прийти к выводу относительно консолидации данного сообщества, поскольку число ценностей, относящихся к интегрирующему ядру достигает 50% полного перечня. При этом на оппозирующий дифференциал и конфликтогенную периферию приходится менее трети.

Результаты исследования показали, что наряду с общепринятыми, социально одобряемыми, идеологически нейтральными ценностями (семья, здоровье, безопасность) в иерархии ценностей сознания элитных групп высокие статусные позиции принадлежат и неоднозначно трактуемым ценностям, таким как свобода, справедливость, права человека. При анализе полученных данных автор исходил из того, что более высокие по рангу ценности активнее и чаще реализуются в поведении. Высокая статусная позиция той или иной ценности в иерархии является показателем высокой степени социального конформизма по отношению к ней. Низкий рейтинг ценности (периферическое положение в иерархии) указывает на ее неактуализированность, нежелание индивида руководствоваться ею в своем поведении, слабую потребность в том, чтобы этой ценностью руководствовались в обществе.

В процессе анализа выявлен определенный уровень диссонансности ценностного сознания: интенсивность мнений экспертов по поводу значимости ценностей «свобода», «достоинство», «закон» и «права человека» сопряжена с отсутствием однозначности по поводу ценностей «демократия», «солидарность», «терпимость», что обуславливает размытость оценок политической системы.

Сравнительный анализ ценностных систем элитных групп в соответствии со сферой их деятельности позволил выявить следующие различия. Наиболее интегрированным является политический сегмент, модернизационным потенциалом обладают политические и социокультурные элиты при большей демократической ориентированности последних. Экономическое элитное сообщество демонстрирует направленность на решение повседневных вопросов и высокий уровень конфликтности, что опровергает стереотип об инновационных возможностях данного кластера.

Кроме того, выявлена сопряженность двух показателей: качество жизни в регионе и уровень консолидации элит. Обращает на себя внимание тот факт, что ценности, составляющие интегрирующее ядро и интегрирующий резерв, их количество в регионах ЦФО резко различается. Если в регионах-лидерах в интегрирующее ядро входят 16 ценностей (как традиционных, так и модернизационных), а ценности «демократия», «собственность» и «солидарность» включены в интегрирующий резерв, то в аутсайдерах лишь четыре ценности составили интеграционный пласт (все традиционные), и значимые с точки зрения культуры участия ценности отнесены к конфликтной периферии. Данный факт подтверждает вывод, сделанный ранее, об утверждении авторитарных тенденций в отстающих регионах. При этом сохраняется выраженная переориентация на проблемы повседневной жизни, обособление обыденных ценностей от политических (ценности «патриотизм», «держава»,

«демократия» устойчиво занимают место в периферийной части иерархии). Обращает на себя внимание также расширение дифференцирующего пласта, что свидетельствует о высоком внутреннем конфликтогенном потенциале элитных групп субъектов ЦФО с низким уровнем жизни.

Сделанный вывод подтверждается и при анализе переменной «конфликтогенность отношений внутри элиты». Несмотря на то, что экспертное сообщество регионов-лидеров указывает соперничество в качестве основного принципа взаимоотношений между представителями политической элиты субъектов ЦФО, четкое определение предмета конфликта (стремление перераспределить ресурсы и коррупционные практики) при высоком уровне интенсивности высказываний свидетельствует об открытой фазе конфликтных взаимодействий, что дает больше возможностей для регулирования и, как следствие, снижения уровня социальной напряженности в данном сегменте. Характеристика внутриэлитных коммуникаций в регионах-средняках свидетельствует о сращивании политического пространства и пространства повседневных практик, о чем свидетельствует акцент на таких стратегиях поведения как сотрудничество и избегание столкновения. Такая ситуация носит противоречивый характер: с одной стороны, гражданские инициативы способствуют расширению политических практик, с другой, – ограничивают политическую субъектность граждан и способствуют развитию патернализма. Размытость взглядов представителей элитного сообщества регионов-аутсайдеров, отмечаемая выше, находит отражение в неоднозначности определения как принципов взаимоотношения элитных групп политической сферы, так и предмета разногласий. Данный факт свидетельствует о доминировании конфликтов в латентной фазе, что является следствием проявления авторитарных тенденций в субъектах ЦФО данного типа и ведет к повышению социальной напряженности.

Характер протекания конфликтов определяет уровень политической толерантности элитного сообщества. Эффективное урегулирование противоречий в регионах-лидерах коррелирует с низким уровнем демонстрации неприязненного отношения к политическим оппонентам, в числе которых, прежде всего, называются экстремистки ориентированные (по целям / способам деятельности) оппозиционные группы (Левый фронт – 8 экспертов, НБП – 8 экспертов, ОДД «Солидарность» – 9 экспертов)). И наоборот, высокий уровень внутригрупповой напряженности отражается на направленности и интенсивности оценок противостоящих политических сил (Левый фронт – 11 экспертов, НБП – 15 экспертов, ОДД «Солидарность» – 10 экспертов). При этом спектр негативно воспринимаемых субъектов расширен за счет системной оппозиции в лице КПРФ. Интересным представляется тот факт, что вне зависимости от типа регионов в числе упоминаний оппонен-

тов представители элитного сообществ не называют политическую партию «Единая Россия», что подтверждает высказанное ими мнение относительно принадлежности к партии власти как базового критерия рекрутирования элит. Следует отметить, что имена лидеров протестных движений являются знаковыми при оценке данных политических сил. Отсутствие в инструментарии фамилий руководителей заметно снижает интенсивность демонстрируемой неприязни.

В качестве критериев определения уровня политической толерантности были избраны следующие индикаторы – возможность участия политических оппонентов в избирательных процессах различного уровня, право на использование информационных ресурсов, вовлечение в процесс принятия и реализации политических решений. Анализ данных социологического исследования показал, что элитные сообщества допускают реализацию политическими противниками пассивного избирательного права в ходе формирования законодательных собраний (индекс толерантности $I_{T1} = 14,4$) и свободы слова ($I_{T2} = 9,7$), ограничивая при этом возможность участия в определении кадрового состава исполнительных органов власти ($I_{T3} = -3$), принятии и реализации политических решений ($I_{T4} = -35,5$), контроля за СМИ ($I_{T5} = -50,8$). Различия в индексах толерантности применительно вовлечения в деятельность исполнительных и законодательных органов власти во многом обусловлено доминированием первой ветви над второй, что позволяет уточнить характеристику параметров политических систем субъектов ЦФО.

Перекрестный анализ переменных, характеризующих отношение политической элиты к политическим противникам, по индикатору «тип региона» позволил конкретизировать сделанные выводы. Расхождения в оценках политических прав оппонентов определяются, во-первых, уровнем разграничения функционала исполнительных и законодательных органов власти, во-вторых, соотношением декларируемых и реализуемых ценностных ориентаций, в-третьих, режимными характеристиками политических систем региона. Так, наличие характеристик – более высокий уровень респонсивности, демократической ориентированности, ценностной консолидации – присущих регионам-лидерам, обуславливают лояльность в отношении различных политических сил по значительному числу показателей. На фоне повышенного патернализма граждан развивается интолерантность элитных групп в регионах-середняках к представителям внесистемной оппозиции, базовым отличием которой является противостояние политике государства. В результате последним отказано практически во всех проявлениях политической активности. Отличительной особенностью восприятия политических противников в регионах-аутсайдерах является сочетание лояльности

к реализации профессиональной политической деятельности и ограничения активности по политической мобилизации граждан. Такая противоречивая ситуация может быть объяснена, во-первых, определением элитой политической культуры массовых групп как подданнической/патриархальной, во-вторых, признанием авторитарного характера мобилизации, доминирующим субъектом которой являются государственные структуры, в-третьих, высокой оценкой манипулятивных возможностей СМИ.

Сравнение переменных «представления о качествах прежней политической элиты» и «представления о качествах новой элиты» показало, что в сознании элитного сообщества сложились различные образы политической элиты конца XX и начала XXI вв. Базовыми чертами «старой элиты» определяются следующие: наличие связей (71,9%), карьеризм (47,2%) и опыт (40,4%); «новая элита», при сохранении ряда характеристик (связи (75,9%), карьеризм (74,7%)) в большей степени рассматривается как инновационная: в оценках появляются такие качества как компетентность (40,2%), способность идти на компромисс (43,7%). Выявлено усиление интенсивности мнений экспертного сообщества относительно образа элит начала XXI в. со значительной дифференциацией по критерию «тип региона».

Анализ данных позволил прийти к выводам об инновационном тренде трансформации политической элиты в регионах-лидерах и относительно традиционализме элитного сообщества регионов-средняков и аутсайдеров. Обращает на себя внимание тот факт, что способность нести ответственность (одна из системообразующих характеристик элиты как социальной группы) указана только экспертами субъектов ЦФО с высоким качеством жизни. В целом, в регионах одного типа наблюдается достаточно высокий уровень преемственности с усилением интенсивности оценок доминирующих качеств.

Изучение формальных и неформальных характеристик политических систем регионов ЦФО позволило прийти к следующим выводам. Сложности, возникшие у элитного сообщества при оценке параметров региональных политических систем, свидетельствуют о незавершенности процесса формирования последних. При этом наблюдается относительная дифференциация позиций экспертов, связанная с принадлежностью к определенному типу региона, выделенному по критерию качества жизни. Так, в регионах-лидерах респонденты в большей мере склонны выделять характеристики, присущие демократическим тенденциям (открытость, надежность, стабильность, ориентация на рыночную экономику), в аутсайдерах – авторитарным.

Оценивая качество функционирования института разделения властей, эксперты отметили тенденцию сращивания функционала исполнительных и законодательных региональных структур (при доминировании исполни-

тельных органов). Кроме того, наблюдаются случаи, когда элитное сообщество не наделяет парламенты представительными функциями.

Исследование качества элитных групп как элемента структуры политических возможностей позволило выявить ряд тенденций: переход от смешанных (полуоткрытых) к закрытым видам рекрутирования элит; стагнация элитного сообщества, усиливающаяся в субъектах РФ по мере снижения качества жизни; сокращение межэлитной циркуляции в условиях конфликтной модели взаимодействия и сохранение ее в условиях партнерской модели; проявление идеократических факторов отбора в регионах – середняках и аутсайдерах; доминирование неформальных каналов формирования элитного сообщества, когда административное и политическое продвижение обеспечивается не личными качествами, а исходя из принадлежности в той или иной группе влияния, что непосредственно влияет на характер принимаемых политических решений. Однако, в условиях прогрессирующей закрытости элит, управленческий потенциал правящих групп снижается, а конфликтность отношений в системе «власть – общество» растет, что может привести к актуализации деструктивных методов политического участия.

Анализ структуры иерархии ценностной системы элитных групп позволил прийти к выводу относительно консолидации данного сообщества: число ценностей, относящихся к интегрирующему ядру достигает 50 % полного перечня, а на оппонирующий дифференциал и конфликтную периферию приходится менее трети. Вместе с тем наблюдается определенный уровень диссонансности ценностного сознания: интенсивность мнений экспертов по поводу значимости ценностей «свобода», «достоинство», «закон» и «права человека» сопряжена с отсутствием однозначности по поводу ценностей «демократия», «солидарность», «терпимость», что обуславливает размытость оценок политической системы. Кроме того, степень консолидации различных элит неоднородна: наиболее интегрированным является политический сегмент, модернизационным потенциалом обладают политические и социокультурные элиты при большей демократической ориентированности последних, в то время как экономическое элитное сообщество демонстрирует направленность на решение повседневных вопросов и высокий уровень конфликтности, что опровергает стереотип об инновационных возможностях данного кластера. Также обращает на себя внимание тот факт, что структура ценностных систем элитных групп в регионах ЦФО резко различается: если в регионах-лидерах в интегрирующее ядро весьма значительно по объему и включает как традиционные, так и модернизационные ценности, то в аутсайдерах лишь четыре ценности составили интеграционный пласт (все традиционные), а значимые с точки зрения культуры участия ценности отнесены к конфликтной периферии.

Высокий уровень ценностной интеграции элитного сообщества не исключает возникновение внутригрупповых конфликтов. Наоборот, в регионах – лидерах зафиксированы данные свидетельствующие о наличии открытой фазе конфликтных взаимодействий, что дает больше возможностей для регулирования и, как следствие, снижения уровня социальной напряженности в данном сегменте. Характеристика внутриэлитных коммуникаций в регионах-середняках свидетельствует о сращивании политического пространства и пространства повседневных практик, о чем свидетельствует акцент на таких стратегиях поведения как сотрудничество и избегание столкновения. Такая ситуация носит противоречивый характер: с одной стороны, гражданские инициативы способствуют расширению политических практик, с другой, – ограничивают политическую субъектность граждан и способствуют развитию патернализма. Размытость взглядов представителей элитного сообщества регионов-аутсайдеров, отмечаемая выше, находит отражение в неоднозначности определения как принципов взаимоотношения элитных групп политической сферы, так и предмета разногласий. Данный факт свидетельствует о доминировании конфликтов в латентной фазе, что затрудняет процесс их идентификации и ведет к повышению социальной напряженности.

В целом материалы экспертного опроса показали наличие кризиса представительной системы в регионах, ограничения в реализации социальных функций государства, нарастание социальной напряженности в латентной форме. Вместе с тем, были выделены значительные различия в качестве элитных групп в разных типах субъектов ЦФО (табл. 3), которые обуславливают, с одной стороны, тенденции в развитии структуры политических возможностей, а с другой – цели, репертуар и эффективность действий в рамках доминирующих моделей политического участия.

Анализ основных проявлений механизмов рекрутирования политических элит показывает несколько основных тенденций: переход от смешанных (полуоткрытых) к закрытым видам рекрутирования; стагнация, усиливающаяся в субъектах ЦФО по мере снижения качества жизни; сокращение межэлитной циркуляции в условиях конфликтной модели взаимодействия элит и сохранение ее в условиях партнерской; появление идеократических факторов отбора в регионах-середняках и аутсайдерах; доминирование неформальных каналов формирования элитного сообщества, когда административное и политическое продвижение обеспечивается не личными качествами, а исходя из принадлежности к той или иной группе влияния, в результате чего складываются целевые кланы и группировки, участвующие в распределении «властного клана» между собой и непосредственно влияющие на принятие конкретного решения.

Таблица 3. Характеристики субъектности элитных групп как показатель структуры политических возможностей в регионах ЦФО

Основания	Регионы- -лидеры	Регионы- -середняки	Регионы- -аутсайдеры
Нормативные представления о распределении ответственности за обеспечение блага между индивидом и властью, обязанностях власти по отношению к индивиду власти	Автономия	Патернализм	Патернализм
Нормативные представления о справедливом социальном порядке	Равенство	Иерархия	Иерархия
Установки в отношении «прогресса», готовность к переменам, ценностноокрашенное восприятие нового и привычного/устоявшегося	Инновационность	Традиционализм	Традиционализм
Установки на сотрудничество / способ позиционирования себя по отношению к потенциальным партнерам	Сотрудничество	Номинально – сотрудничество, реально – индивидуализм	Индивидуализм
Толерантность / нетолерантность к культурным, политическим, идеологическим различиям	Толерантность	Интолерантность	Противоречивость позиций
Степень критичности / некритичности в формировании мнения, зависимость мнения и поведения от позиции группы	Самостоятельность	Конформизм	Конформизм
Представления о взаимоотношениях с властью и распределении властных отношений	Сочетание демократических и авторитарных тенденций	Авторитарный тренд	Авторитарный тренд

РЕЗЮМЕ

На примере Центрального федерального округа рассматривается динамика изменения политического, экономического и социокультурного сегментов элитных групп в условиях российских модернизационных процессов. При этом особое внимание уделяется такому фактору как тип экономического развития субъекта федерации. Статья подготовлена на основании результатов исследований¹ выполненных в соответствии с соглашением № 14.В37.21.1018 от 07.09.2012 г. с учетом дополнительного соглашения от 18.03.2013 г. № 1 в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

Irina Alexandrovna Batanina

THE DYNAMICS OF THE QUALITY OF THE ELITE IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

By the example of Central Federal District of the Russian Federation the dynamics of the changes of political, economic and social-cultural segments of the elite group in the conditions of modernization processes in Russia are viewed. Special attention is paid to such factor as a type of economic development of the federal subject. The article is based on the results of the researches carried out within a framework of the Federal targeted programme “Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Innovative Russia” for 2009–2013.

KEY WORDS: *elite, modernization, value system, value orientations*

Библиография

И.А. Батанина, Ю.Б. Киняшева, А.А. Лаврикова, О.Е. Шумилова, *Политическое участие как фактор урегулирования конфликтов в системе «власть – общество» в условиях трансформации современной России*, Тула 2013.

¹ Экспертный опрос. Объем выборочной совокупности – 90 человек. В исследовании приняли участие представители экспертного сообщества из политического, экономического и социокультурного сегментов региональных элит ЦФО (распределение равномерно). 71,1 % респондентов – работники государственного сектора (преимущественно политический и социокультурный сегменты), 28,9 % – частного (преимущественно экономический сегмент).

*Анастасия Александровна Лаврикова,
Ольга Евгеньевна Шумилова*

Политическая компетентность российских граждан в контексте модернизационных процессов

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политическая компетентность, политическое участие, гражданское участие, модернизация

Изучение специфики внутренних и внешних составляющих политической компетентности граждан предполагает анализ особенностей ценностного сознания граждан ЦФО, системы детерминант вовлеченности граждан в политический процесс, выявление доминирующего типа политического участия граждан ЦФО; определение соотношения когнитивного, аффективного, волевого компонентов инструментальности как базовой характеристики вовлеченности в политический процесс; оценку результативности реализации политической компетентности граждан ЦФО.

Особенности ценностного сознания определяют фреймы как отдельных индивидов так и социальных групп, членами которых они являются, что является основой формирования когнитивных практик и задает возможные стратегии поведения как в политической так и неполитической сферах, и соответственно потребность в том или ином уровне компетентности. Структура ценностной системы региональных сообществ ЦФО изучалась посредством построения иерархии. Распределение ценностей по уровням представлено в таблице 1.

Уровень гетерогенности ценностного сознания массовых групп достаточно высок, так как лишь две ценности одобряются представителями местного сообщества. Следует отметить, что интенсивность мнений за последние годы заметно возрастает (от 60 % до 90 %). По сравнению с 2011–2012 гг. значительно увеличился интегрирующий резерв за счет перехода из

Таблица 1. Динамика структуры ценностного сознания регионального сообщества ЦФО
Что из представленного перечня является для Вас ценным в жизни (выбор не ограничен), в %

	2011 г.*	2012 г.*	2013 г.	
Структурные пласты				
	Успех (64,3)	Здоровье (67)	Семья (87,8)	
	Семья (63,1)	Семья (64,8)	Здоровье (79,8)	
Интегрирующее ядро (свыше 57%)	Труд (57,3)			
	Сила (56,7)	Труд (56,8)	Мир (55,1)	
	Здоровье (54,1)	Свобода (56,8)	Справедливость (52,7)	
	Свобода (53,5)	Мир (55,7)	Достаток (52,7)	
	Достоинство (51,6)	Достоинство (48,9)	Стабильность (52,5)	
	Мир (45,2)	Закон (48,9)	Безопасность (52,0)	
			Права человека (51,7)	
			Свобода (51,6)	
			Порядок (49,5)	
			Достоинство (45,2)	
	Оппонирующий дифференциал (30,0%–44,9%)	Стабильность (43,3)	Права человека (40,9)	Труд (44,4)
		Безопасность (40,8)	Успех (40,9)	Защита (40,8)
		Закон (40,1)	Стабильность (38,6)	Закон (40,3)
Защита (38,9)		Справедливость (37,5)	Совесть (38,2)	
Достаток (38,9)		Собственность (37,5)	Успех (35,5)	
Права человека (34,4)		Духовность (38,6)	Собственность (34,9)	
Религия (31,8)		Достаток (35,2)		

Структурные пласты	2011 г.*	2012 г.*	2013 г.	
Конфликтотенная периферия (менее 30,0%)		Порядок (35,2)		
		Безопасность (34,1)		
		Защита (34,1)		
		Совесть (31,8)		
		Патриотизм (31,8)		
		Сила (30,7)		
		Собственность (29,9)		
		Религия (27,3)	Духовность (27,6)	
		Совесть (26,8)	Твердость (22,7)	Религия (26,7)
		Справедливость (26,1)	Терпимость (20,5)	Демократия (25,6)
		Терпимость (23,6)	Солидарность (18,2)	Патриотизм (24,3)
		Твердость (23,6)	Держава (17,0)	Солидарность (22,3)
		Демократия (22,9)		Сила (18,9)
		Солидарность (22,3)		Терпимость (15,8)
		Порядок (21,0)		Твердость (15,3)
	Патриотизм (21,0)		Держава (12,2)	
	Духовность (14,6)			
	Держава (12,1)			

* При составлении таблицы использовались материалы исследования проведенного в рамках реализации Государственного контракта № 16.740.11.01.08 «Достижение базового ценностного консенсуса как фактор стабилизации политической системы современной России» в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

оппонирующего дифференциала таких диссонирующих ценностей как стабильность, безопасность, права человека, порядок. Т.е. с одной стороны, наблюдается актуализация витальных потребностей, связанных с выживанием, а другой стороны они становятся неотделимыми от мотивов самореализации. При этом в трактовке данных ценностей важен не столько правовой аспект, сколько неформальные практики их реализации. Скептицизм в отношении формальных норм негативно сказывается на функционировании всей институциональной среды, в том числе ограничивает возможности реализации поведенческих стратегий, связанных с ортодоксальным политическим участием.

В процессе анализа выявлен определенный уровень диссонансности ценностного сознания: интенсивность мнений представителей местного сообщества по поводу значимости ценностей «свобода», «достоинство» и «права человека» сопряжена с отсутствием определенности по поводу ценностей «демократия», «солидарность», «терпимость», что обуславливает размытость оценок политической системы (схожая картина наблюдается и при анализе экспертного сообщества).

Также неоднозначно трактуются респондентами ценности, составляющие основу этики предпринимательства: ценности «труд», «защита», «закон», «совесть», «успех», «собственность» составили оппозирующий дифференциал. Рассматривая данный ценностный ряд в соответствии с теорией рационального выбора Э.Даунса можно предположить, что активность на политическом поле определяется, с одной стороны, преимущественно экспрессивными факторами, а с другой, индивидуальной интерпретацией их содержания, что резко понижает значимость такой ценности как «солидарность». Обращает на себя внимание увеличение объема конфликтогенной периферии, что также свидетельствует о деконсолидации общества субъектов ЦФО (аналогичная тенденция наблюдалась в 2011 г., т.е. ценностная система не стабильна за счет значительного влияния факторов среды на конфликтогенный потенциал массовых групп).

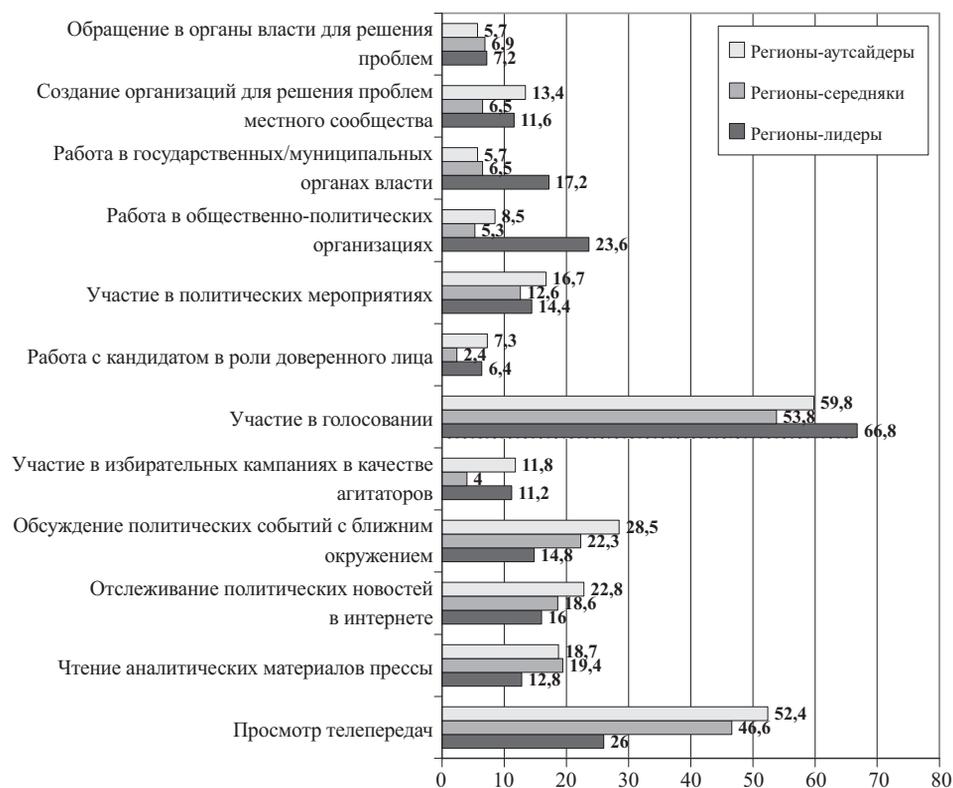
Развитие ценностной составляющей политической компетентности сопряжено с проявлением интереса к политической жизни и качеством информированности, что позволяет судить об инструментальности политической активности.

Большинство опрошенных (42,3%) оценили свой уровень интереса к политической жизни как средний, при этом индексологический анализ позволил выявить негативную направленность вектора включенности в политический процесс ($I1 = -12,5$). Следует отметить, что региональная специфика в данном случае не прослеживается. Основными формами проявления интереса выступают: электоральные практики (60,2%), просмотр телепередач (41,6%), обсуждение политических событий с близким окружением

(21,8%), отслеживание политических новостей в интернете (19,1%), чтение прессы (17,0%). Таким образом, вовлеченность в политический процесс преимущественно носит зрительский характер, не требует особых ресурсных затрат. И с этой точки зрения, участие в голосовании рассматривается как некая рутинная практика, не предполагающая демонстрацию гражданской позиции.

Диаграмма 1. Формы проявления интереса к политической жизни: распределение по типу региона

Для Вас участие в политической жизни страны – это, прежде всего... (Допускается выбор не более трех вариантов ответа), в % от выделенного сегмента.

Графическая интерпретация (Диаграмма 1) результатов перекрестного анализа по основанию тип региона позволила прийти к выводу относительно большей интенсивности мнений в регионах-лидерах и регионах-аутсайдерах. При этом, в первых более востребованными оказываются активные формы проявления интереса, связанные с потребностью на самоорганизацию (работа в общественно-политических организациях, государственных/муниципальных

органов власти, создание организаций для решения проблем местного сообщества), во вторых – пассивные (отслеживание материалов в СМИ, беседы с ближним окружением). В целом оценка форм коммуникации дифференцирована в зависимости от контекста: с одной стороны, как информационного ресурса, с другой, как способа проявления политической активности. При этом отношение к СМИ как источнику информации более консолидировано, что проявляется в интенсивности мнений. Так, если просмотр телепередач как форму проявления интереса назвали 41,6%, то индикатор «Телевидение как источник информации» выбрали 66,7%, интернет – 19,1% и 46,0% соответственно. Интересен тот факт, что респонденты из регионов-аутсайдеров выше оценивают интернет-ресурсы как форму политического участия, а из регионов-лидеров – как информационный ресурс, что не исключает использование телепередач как доминирующего источника информации.

С точки зрения опрошенных, значительна роль неформальных коммуникационных каналов, таких как беседы с родственниками, друзьями, коллегами (30,1%), наиболее актуальна данная тенденция применительно регионов-средняков и регионов-аутсайдеров (Диаграмма 2). Снижение уровня жизни в регионе приводит к самоактуализации респондентов как политических наблюдателей. При этом повсеместно наблюдается скептическое отношение к мероприятиям, инициируемым властными структурами: лишь 5,6% респондентов назвали данный инструмент информирования в перечне основных.

В целом, респонденты считают себя достаточно информированными о жизни страны ($I_2 = 54,8$) и региона ($I_3 = 46,1$), однако, выделяется достаточно устойчивый сегмент неинформированных граждан (6,8%). Следует отметить, что корреляционный анализ не позволил выявить зависимости между переменными «уровень информированности о жизни в стране» и «тип региона», при этом наблюдается дифференциация мнений по поводу своей информационной компетентности: высший уровень информированности среди жителей регионов-лидеров, низший – регионов-средняков ($I_{3л} = 63,4$; $I_{3с} = 32,6$, $I_{3а} = 42,7$).

Инструментальность политического участия детерминирует качество политической компетентности, индикатором которой выступают мотивы действий. Анализ переменных «достижительные мотивы действий», «избегательные мотивы действий» показал, что последние являются доминирующими, их придерживается более 70% респондентов. При этом избегание санкций со стороны государства выступает главным регулятором политической активности: 61,3% опрошенных, принимающих активное участие в жизни страны при ответе на вопрос «Чем, прежде всего, вызвано Ваше желание принимать активное участие в политической жизни страны?» выбрали индикатор «это мой гражданский долг». Политическое участие

Диаграмма 2. Иерархия источников информации о деятельности региональных и местных органов власти

Из каких источников Вы черпаете основную информацию о деятельности региональных и местных органов власти? (Допускается выбор трех вариантов ответа), в % от выделенного сегмента.

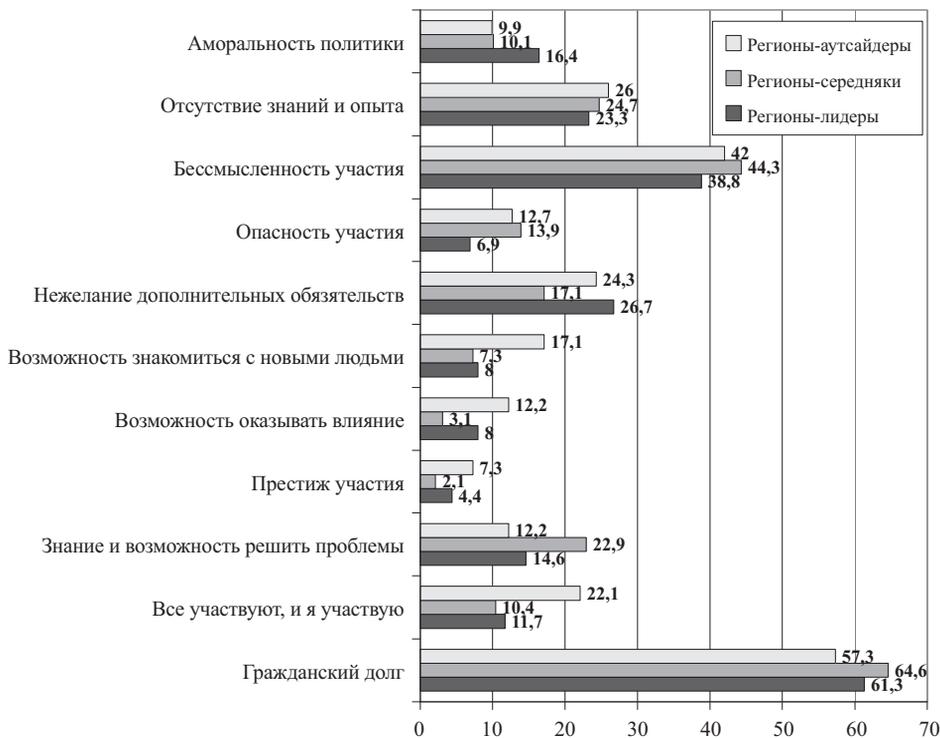
не ассоциируется с престижем, способом влияния на других, сферой коммуникативных возможностей. Таким образом, вовлечение в политический процесс не рассматривается как способ достижения конкретных результатов в предметной деятельности (обратной позиции придерживаются только 16,5%). Среди приверженцев абсентеизма 42,0% отмечают в качестве причины отказа «нет смысла принимать участие»; 24,8% указывают на личную некомпетентность в данном вопросе; 22,4% – нежелание возлагать на себя дополнительные обязательства.

При этом наблюдается некоторая дифференциация в распределении мотивов политической активности в зависимости от типа региона (диаграмма 3).

Интересной, с данной точки зрения, представляется ситуация в регионах аутсайдеров: выбор индикатора «все участвуют, я участвую» (второе место по степени значимости – 22,0%, что в 2 раза превышает данный по лидерам и середнякам) свидетельствует не столько о конформизме, сколько о стремлении оказывать консолидированное влияние на власть, взаимодей-

Диаграмма 3. Достижительные и избегательный мотивы действия/бездействия

Чем, прежде всего, вызвано Ваше желание принимать активное участие в политической жизни страны? (Допускается выбор не более двух вариантов ответа), Каковы основные причины отказа от участия в политической жизни страны? (Допускается выбор не более двух вариантов ответа), в % от выделенного сегмента.

ствовать с другими людьми. Вместе с тем, значительная часть респондентов достаточно скептически воспринимает политическое участие как средство реализации своих интересов. Несколько по иному выглядит ситуация в регионах середняках, где существенный сегмент составляют лица, ориентированные на достижение результатов в политической сфере (22,9% респондентов выбрали позицию «знание и возможность решить проблему» в регионах-середняках, 14,6% – лидерах, 12,2% – аутсайдерах), что не исключает отношение к политическому участию как к бессмысленной трате времени (44,3% в регионах-середняках против 38,8% – в регионах-лидерах).

Последний вывод подтверждается и неостребованностью практически всех форм политического участия вне зависимости от направленности действия, о чем свидетельствуют отрицательные значения индексов участия (табл. 2). При этом наименьшее неприятие вызывают гражданские ортодоксальные, среди них наибольшим одобрением пользуется подписание коллективных писем,

Таблица 2. Направленность политических действий: индексологическое значение

	Гражданское		Негражданское	
	Ортодоксальное	Неортодоксальное	Насильственное	Ненасильственное
Проведение избирательных кампаний	-12,5			
Подписание коллективных писем в органы власти	20,2			
Участие в разрешенных демонстрациях		-3,0		
Участие в запрещенных демонстрациях				-65,9
Отказ от оплаты налогов				-43,5
Пикетирование		-54,3		
Отказ от оплаты счетов за ЖКХ				-33,2
«Народные гуляния»		7,9		
Встречи с политическими лидерами	-1,3			
Создание инициативных групп по решению местных проблем		3,8		
Подготовка обращений в СМИ	-19,2			
Участие в работе органов местного самоуправления	-21,4			
Захват административных зданий			-84,6	
Порча личного и государственного имущества			-84,4	
Среднее значение	-6,84	-11,4	-84,5	-47,4

петиций. Данный факт может быть объяснен следующим образом: характеристика коллективность, с одной стороны, позволяет повысить результативность за счет консолидированного действия, с другой, обеспечивает анонимность, тем самым снимая индивидуальную ответственность за принятие решения. Кроме того, данная форма участия не требует особых усилий со стороны граждан за исключением инициативной группы. Среди неортодоксальных форм политической активности наибольшей популярностью пользуются народные гуляния, которые зачастую не имеют в восприятии респондентов политической окраски. Достаточно традиционно неприятие негражданского политического участия как насильственного, так и ненасильственного характера.

Корреляционный анализ позволил выявить сопряженность между переменными, раскрывающими различные виды участия, что свидетельствует о стабильности позиций респондентов. Принятие отдельных видов актив-

ности в рамках одного типа (подтипа) обеспечивает вероятность симпатии к другим. При этом зависимость между выбором негражданских форм политических действий внутри групп (ненасильственные / насильственные) выше, чем гражданских. Исключение составляет только такая форма как пикетирование, которая являясь неортодоксальной гражданской активностью, оказывается связанной с негражданским действием – участие в запрещенных демонстрациях (коэффициент корреляции Спирмена составил 0,441 при значимом уровне 0,01), что свидетельствует о специфическом смысловом наполнении респондентами данной категории и придании ей однозначно конфликтного характера, а также отсутствии ее легитимации.

Кроме того, корреляционный анализ позволил проследить интерпретацию отдельных политических явлений в сознании региональных сообществ. Так, проведение избирательных кампаний связывается с использованием медиаресурсов (0,405 при значимом 0,01), что объясняет ограниченность возможностей использования данного вида деятельности повседневных политических практиках. Реализация петиционного права взаимосвязана в представлениях респондентов с легальными массовыми мероприятиями (0,548 при значимом 0,01), поскольку типичной ситуацией подписания коллективных писем выступают совместные действия, подчиненный единой цели. Высок коэффициент корреляции между переменными «народные гуляния» и «встречи с политическими лидерами» (0,456 при значимом 0,01), так как именно последние популяризируют данную инновацию в политической сфере. Особый интерес вызывает интерпретация такой формы участие как создание инициативных групп по решению местных проблем: значительна корреляция с категориями «встречи с политическими лидерами» (0,518 при значимом 0,01) и «участие в работе органов местного самоуправления» (0,501 при значимом 0,01). Т.е. гражданские инициативы, с одной стороны, являются результатом мобилизации профессиональных политиков высокого уровня, с другой, требуют вовлечения представителей органов местного самоуправления.

Следует отметить, что востребованность политических действий дифференцирована в зависимости от типа региона. Наибольшим потенциалом реализации обладают практически все виды участия в регионах аутсайдерах. В регионах-лидерах больший скептицизм по сравнению с другими субъектами ЦФО продемонстрирован в отношении участия в избирательных кампаниях (индексологическое значение в регионах-лидерах ($И4_{л} = -34,2$), регионах-середняках – ($И4_{с} = -9$); аутсайдерах ($И4_{а} = 6,9$)); симпатии – гражданским инициативам (регионы-лидеры ($И5_{л} = 14$), регионах-середняках – ($И5_{с} = -12,6$); аутсайдерах ($И5_{а} = 10,1$)). Обращает на себя внимание тот факт, что представители регионов со средним уровнем социально-экономического развития демонстрируют наибольшую апатию.

Следует отметить, что используя конвенциональные формы, респонденты в большей степени ориентированы на негражданское по содержанию участие, о чем свидетельствует корреляционный анализ переменных, выделенных в рамках анализа «направленности действий» (табл. 3). Выбор в качестве приоритетных коллективных действий преимущественно сопряжен с ориентацией на реализацию, прежде всего, частных интересов. Особенно данная зависимость проявляется при обращении к таким формам как создание инициативных групп по решению местных проблем и вовлечение в деятельность органов местного самоуправления, что не позволяет рассматривать сферу местного самоуправления как составляющую гражданского общества, так как функционирование последнего предполагает «выход» за пределы узких индивидуальных интересов, таким образом, имеет место быть асоциальный индивидуализм.

Об устойчивости выявленных тенденций свидетельствует совпадение значений моды и медианы (на уровне 4) по позиции «Интересы страны – мои интересы». Вместе с тем, выявлена определенная дифференциация в пози-

Таблица 3. Характер интересов, реализуемых в рамках различных форм политического участия (корреляционный анализ)

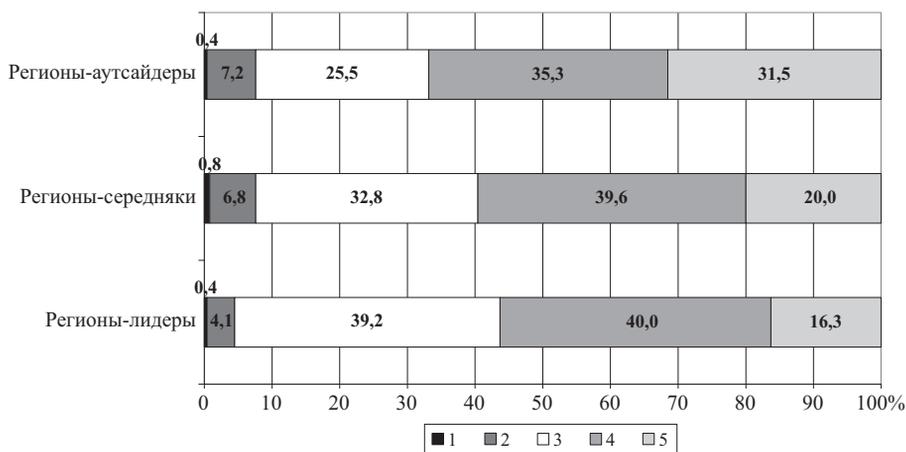
	Коэффициент корреляции по переменной «интересы»
Проведение избирательных кампаний	0,204**
Подписание коллективных писем в органы власти	0,230**
Участие в разрешенных демонстрациях	0,240**
Участие в запрещенных демонстрациях	0,141**
Отказ от оплаты налогов	0,064
Пикетирование	0,125**
Отказ от оплаты счетов за ЖКХ	0,091*
«Народные гуляния»	0,101**
Встречи с политическими лидерами	0,227**
Создание инициативных групп по решению местных проблем	0,262**
Подготовка обращений в СМИ	0,203**
Участие в работе органов местного самоуправления	0,270**
Захват административных зданий	0,000
Порча личного и государственного имущества	0,021

** Значима на уровне 0,01.

* Значима на уровне 0,05.

циях респондентов из различных типов регионов (Диаграмма 4). Так, сегмент носителей индивидуалистических ориентаций в регионах-аутсайдерах многочисленнее в 2 раза, чем в регионах-лидерах, и на 50% больше, чем в регионах-средняках. В то же время значительна доля респондентов в регионах, занимающих срединные позиции, что создает оптимальные условия для формирования конструктивной модели политического участия.

Диаграмма 4. Характер интересов представителей общественности субъектов ЦФО
 На шкале «Нет забот кроме интересов страны (1) – Нет забот кроме личных, собственных интересов, интересов моей семьи (5)» выберите позицию, соответствующую вашим взглядам.

Для позитивной динамики развития политического участия важным фактором является психологическая удовлетворенность вовлеченностью в политический процесс, показателем чего выступает внутренняя результативность.

Степень реализации внутриличностного потенциала в рамках политического участия является низкой, что демонстрирует соотношение индекса политических возможностей ($I_6 = 3,2$) и индекса реализации политических возможностей ($I_7 = -7$). При этом наблюдаются существенные различия в уровне дисбаланса в региональном аспекте. Для регионов-лидеров характерно равновесие переменных при высокой удовлетворенности ($I_{6л} = 16,4$ и $I_{7л} = 12,8$); для регионов-средняков и регионов-аутсайдеров характерна негативная направленность векторов оценок возможностей и реализации, однако, в последних наблюдаются более значительные расхождения в силу того, что политические возможности оцениваются гораздо более позитивно (график 3).

Однако, ярко выраженная неудовлетворенность личной вовлеченностью в политическую жизнь в указанных регионах не сопряжена с эмоциональным самочувствием: 60,8% на вопрос «В каком настроении Вы чаще всего

бываете последнее время?» выбрали индикатор «как правило, нормальном, ровном». Вместе с тем, в регионах-лидерах высокая степень реализации внутриличностного потенциала способствует позитивному социально-психологическому климату (68,9%), что подтверждает корреляционный анализ (коэффициент корреляции по Спирману составил 0,131 при значимом уровне 0,01). Внутренняя результативность гражданской активности зависит от ресурсообеспеченности действий. По мнению респондентов, наибольшее значение имеют уровень дохода (И8 = 58,4), профессиональная принадлежность (И9 = 53,3), членство в общественно-политических организациях (И10 = 51,8), уровень образования (И11 = 51,1).

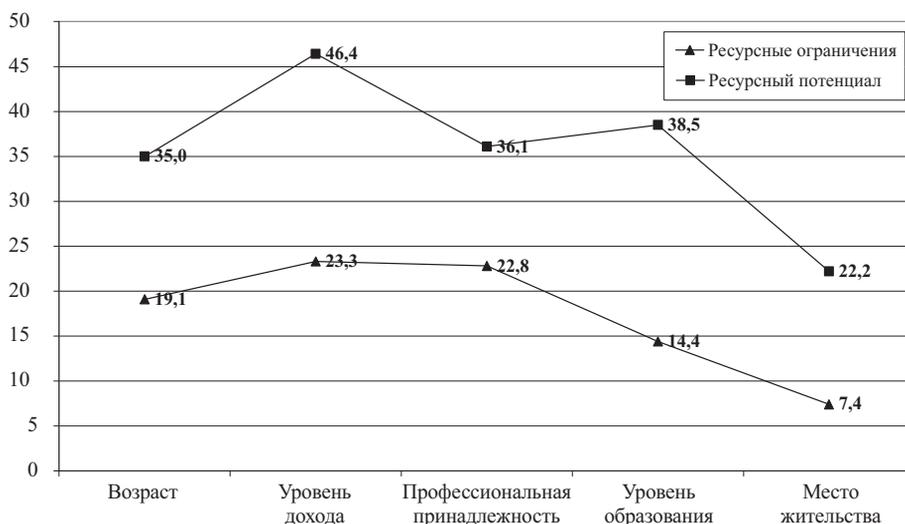
Устойчивость представлений относительно необходимой и достаточной ресурсной базы подтверждается распределением ответов респондентов на вопрос «Что ограничивает Ваше участие в политической деятельности?». При этом по самооценкам ощущается явный дефицит профессионального и экономического ресурсов. При общей направленности оценок наблюдается дисбаланс необходимого и достаточного объема ресурсов (график 1).

Наибольший интерес представляют позиции «уровень дохода», «профессиональная принадлежность», «уровень образования». При этом наибо-

График 1. Соответствие необходимого и достаточного объема ресурсов политического участия

Что ограничивает Ваше участие в политической деятельности? (Выбор вариантов ответа не ограничен), в % от общего массива опрошенных.

Как Вы считаете, зависит ли возможность воздействия на принятие политических решений от следующих характеристик субъекта?, в % от общего массива опрошенных по позиции «да».

неадекватная оценка ресурсных возможностей характерна для индикатора «профессиональная принадлежность», также достаточно оптимистично выглядит распределение по «уровню образования». Проблемной зоной выступает экономический ресурс, так как, признавая его приоритет при определении возможностей воздействия на принятие политических решений, респонденты достаточно скептически рассматривают личное имущественное состояние. Такая позиция является отражением мировоззрения, в основе которого лежат представления об элитарности власти, в том числе исходя из материального критерия, что препятствует массовому вовлечению граждан в процесс принятия политических решений.

Последний вывод подтверждается снятием ответственности с рядовых граждан за события, происходящие в стране (11,2% респондентов на вопрос «Как Вы считаете, рядовые граждане несут ответственность за события, происходящие в стране?» выбрали индикатор «да», 35,2% – «скорее да, чем нет»), хотя в регионах-лидерах более существенный сегмент граждан признает значимость гражданской ответственности (51,9% против 42,3% в регионах-средняках, и 45,1% в регионах-аутсайдерах). Снимая ответственность с себя, респонденты также указывают на недостаточную эффективность государства, что свидетельствует о низком уровне реципрокности (коэффициент корреляции по Спирману составил 0,32 при значимом уровне 0,01). В то же время более нейтральные позиции снова наблюдаются в регионах-лидерах (48,0% против 33,7% в регионах-средняках, 37,9% в регионах-аутсайдерах).

Наряду с чувством общей удовлетворенности своими возможностями в сфере политического участия значительное влияние на самооценку своей политической компетентности оказывает личный опыт участия в процессе принятия политических решений. Изучение внешней результативности базируется на анализе переменных: «респонсивность органов власти», «интеграция со средой», «реализация политической деятельности», «регулярность совершаемых действий».

Результаты исследования показали, по уровню респонсивности иерархия областных и местных органов власти выглядит следующим образом: администрация муниципального образования (И12 = 20), глава муниципального образования (И13 = 17,3), губернатор области (И14 = 13,7), Городская Дума (И15 = 9,2) и Областная Дума (И16 = 3,3). С одной стороны, представленные данные подтверждают факт, что местные органы власти воспринимаются как более открытые для влияния рядовых граждан, с другой стороны, свидетельствуют о дисфункциональности представительных органов, которые традиционно рассматриваются как более чувствительные к запросам со стороны населения.

При этом респонденты из регионов-лидеров более оптимистично оценивают уровень открытости региональной и муниципальной власти, что находит отражение в готовности к взаимодействию с властными структурами и определении его эффективности (46,3% имеют опыт обращения в органы власти, при этом 18,2% удалось добиться справедливости по защите своих прав). Обратная ситуация наблюдается в регионах-средняках, где указание на закрытость исполнительной и законодательной власти сопряжена с отсутствием обращений в данные структуры (58,9% не имеют опыт обращения против 34,7%).

Обозначенная зависимость проявляется и при анализе установки на апеллирование государству при решении проблем социального обеспечения. Так, в регионах-лидерах наблюдается значительный сегмент граждан, ориентированный на поиск альтернативных вариантов социальной поддержки: 47,3% респондентов считают, что наиболее оптимальным способом социального обеспечения является деятельность благотворительных организаций; в то время как широкую поддержку в регионах-средняках получили патерналистские позиции (69,0%) (диаграмма 5).

Одним из системообразующих факторов гражданской активности является способность к солидаризации на горизонтальном и вертикальном уровнях.

Диаграмма 5. Установка на апеллирование государству: распределение по типу регионов

Каков, на Ваш взгляд, наиболее оптимальный способ социального обеспечения нуждающихся?, в % от выделенного сегмента

В первом случае речь идет об ориентации на первичные/вторичные референтные группы и соответствующем типе идентификации, во втором, – наличии доверия общественно-политическим институтам. Анализ общего распределения показал, что среди референтных групп доминируют первичные (семья, друзья, коллеги и т.д.), что свидетельствует о высоком уровне интеграции в микросредах. Однако, характер ориентации на интеграцию в макросреде сопряжен с социально-экономическим развитием региона (табл. 4).

Таблица 4. Ориентация на первичные / вторичные референтные группы: распределение по типам регионов

Как часто Вы ощущаете близость и находите общий язык с различными группами людей?, индексологическое значение

	Регионы-лидеры	Регионы-средняки	Регионы-аутсайдеры
Семья, близкие друзья	89,9	88,6	83,8
Товарищи по работе	59,9	56,2	58,0
Люди того же поколения, возраста	47,2	52,7	58,8
Люди моей веры	24,0	33,4	40,7
Люди той же профессии, рода занятий	27,8	46,1	44,6
Люди моей национальности	22,3	38,3	40,6
Живущие в том же городе, селе	18,6	29,1	40,4
Соседи по улице	17,4	19,6	35,3
Россияне	17,8	23,5	28,7
Люди того же достатка	33,0	40,6	39,2
Люди, разделяющие мои увлечения	60,2	58,8	59,3
Близкие по политическим взглядам	41,2	31,9	30,0

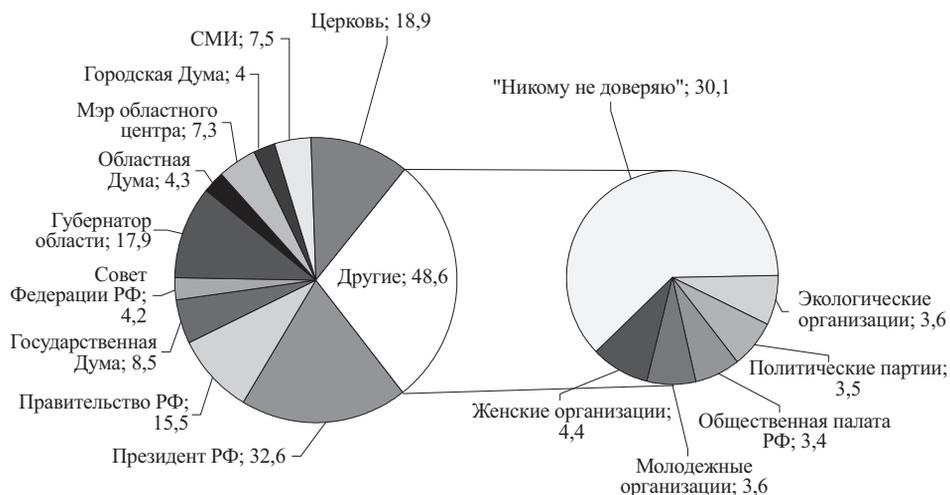
Обращает на себя внимание тот факт, что в регионах-аутсайдерах граждане в большей мере ориентированы на взаимодействие и в более широких сообществах (в рамках возрастных когорт, общего вероисповедания, территориальной локализации и т.д.). Вместе с тем, политическая идентичность сформирована недостаточно в отличие от регионов-лидеров. Отличаются представители различных субъектов и по типу идентификации, так если для аутсайдеров характерен преимущественно трансверсальный тип идентификации (исключение составляет категория дифференциации «достаток»), то у лидеров трансверсальный тип идентификации определяется прежде всего ближним окружением, схожим материальным положением и поли-

тическими взглядами, при этом критерии «конфессиональная принадлежность» и «гражданство» являются незначимыми. Направленность мнений в регионах-середняках близка распределению позиций в регионах-лидерах. Таким образом, политизация социальной проблематики может оказывать противоположное влияние на развитие гражданской активности в данных субъектах: в регионах-лидерах активизирует, в аутсайдерах блокирует.

Интеграция по вертикали взаимосвязана с уровнем респонсивности органов власти. Как было отмечено выше, наибольшим доверием пользуются исполнительные органы власти, за исключением правительства (его функционал не определен в сознании общественности), и церковь (преимущественно за счет регионов-аутсайдеров), которая воспринимается гражданами как элемент властной структуры, под влиянием политики государства в отношении религиозных организаций (диаграмма 6). Следует отметить, что организациям, предполагающим личное участие рядовых граждан, доверяет незначительный сегмент общества (суммарно 18,5%).

Диаграмма 6. Уровень доверия общественно-политическим институтам

Каким общественно-политическим структурам Вы доверяете? (Выбор вариантов не ограничен), в % от общего массива опрошенных.

Опасения вызывает доминирование позиции «Никому не доверяю», характерной для трети респондентов, так как ограниченность неперсонифицированного доверия выступает основным фактором распространения индифферентно-апатичного поведения. Особенно актуален данный вывод для регионов-середняков, где сегмент скептиков является преобладающим, при ограниченности остальных.

Переменной, выделенной для изучения внешней результативности является уровень реализации и регулярность совершаемых политических действий. По данному критерию большинство респондентов демонстрируют аполитичную позицию и иногда выступают «политиками по случаю» (по М. Веберу): по направленности мнений наибольшая интенсивность проявляется в отрицательном полюсе. При этом представители регионов-лидеров более активны и чаще включаются в политический процесс, вместе с тем, вовлеченность носит преимущественно зрительский характер и ограничена в инструментальности (диаграмма 7).

Диаграмма 7. Регулярность совершаемых политических действий

Можете ли Вы сказать о себе, что Вы активно участвуете в политической жизни страны? (Допускается выбор вариантов ответа), в % от общего массива опрошенных.

Подтверждением данного факта является распределение ответов на вопрос «Состоите ли Вы в каких-либо политических партиях, общественных организациях?»: 84% респонденты указали, что нигде не состоят. Из вовлеченных в деятельность общественно-политических организаций большинство являются рядовыми членами (47,7%).

Таким образом, полученные эмпирические данные позволили также провести типологизацию гражданской субъектности, в основу которой положена система интегративных показателей, определенных посредством операционализации категории «политическая компетентность»: внешняя и внутренняя результативность, инструментальность. В результате выделены следующие типы: инновационный, реформистский, стабилизирующий, конъюктурно-приспособительный, индифферентно-апатичный и дезадаптивно-агрессивный. Все из указанных типов гражданской субъектности представлены в региональном политическом пространстве, однако доминирующий сегмент носителей субъектности сопряжен с качеством жизни в регионе. Так, в регионах – лидерах модель политического участия определяют реформистский и стабилизирующий типы с некоторым перевесом последнего; в регионах – середняках – индифферентно-апатичный и дезадаптивно-агрессивный с доминированием первого; в регионах-аутсайдерах равномерно представлены все типы с незначительным преобладанием сегмента индифферентно-апатичных.

Как показал анализ материалов, снижение уровня социально-экономического развития имеет следствием рост пассивности граждан, что проявляется в отсутствии стремления осваивать различные формы социальной активности, включаться в созданные сверху социальные структуры, а также выстраивать работу самостоятельно. В результате социально-политические возможности оказываются невостребованными. В условиях дефицита политического участия расширяются функции государственных органов власти, что воспринимается более модернизированными сегментами региональных сообществ как усиление авторитарных тенденций. Обозначенные сегменты реагируют на создавшуюся ситуацию моносубъектности власти посредством неортодоксальных форм политического поведения, что может привести к риску радикализации.

Исходя из состояния и тенденций развития структуры политических возможностей и характеристик доминирующего сегмента носителей гражданской субъектности были определены модели политического участия для каждого типа регионов.

РЕЗЮМЕ

На основе результатов социально-политических исследований¹ выполненных в соответствии с соглашением № 14.В37.21.1018 от 07.09.2012 г. с учетом дополнительного соглашения от 18.03.2013 г. № 1 в рамках федеральной целевой

¹ Массовый опрос. Эмпирический объект – жители центрального федерального округа в возрасте старше 18 лет. Объем выборочной совокупности – 750 человек.

программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, представлен анализ политической компетентности граждан Российской Федерации на примере различных по уровню экономического развития субъектов Центрального федерального округа.

Anastasia Alexandrovna Lavrikova, Olga Evgenevna Shumilova

POLITICAL COMPETENCE OF THE RUSSIAN CITIZENS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES

Based on the results of the socio-political researches carried out in compliance with the Federal targeted programme “Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Innovative Russia” for 2009-2013 the analysis of the political competence of the citizens of the Russian Federation was given. The present analysis of the political competence is presented by the example of subjects of the Central Federal District which are different in the level of economic development.

KEY WORDS: *political competence, political participation, civil participation, modernization*

Библиография

И.А. Батанина, Ю.Б. Киняшева, А.А. Лаврикова, О.Е. Шумилова, *Политическое участие как фактор урегулирования конфликтов в системе «власть – общество» в условиях трансформации современной России*, Тула 2013.

Иван Владимирович Радиков

Модернизация российской повседневности в конце XX–начале XXI века: эффекты и влияние на политическую активность граждан

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

повседневность, бытие, повседневный мир, структура повседневности, модернизация

Повседневная жизнь стала с 50–60 годов прошлого столетия объектом исследования для целого ряда гуманитарных дисциплин, однако пристального внимания российских политологов она еще не привлекала, оставаясь слабо концептуализированной в контексте социокультурных трансформаций, в том числе модернизационного типа, переживаемых Россией на протяжении трех последних столетий. В настоящее время в России оформилось несколько точек зрения на рассмотрение данного понятия. Первая – пренебрежительное отношение к повседневности из-за её обыденности, рутинности, привычности. Несмотря на то, что повседневность сопровождает человека от его рождения до смерти, в российском общественном сознании она, как правило, воспринимается как нечто шаблонное, косное, неизменное, недостойное особого внимания. Но отсутствие интереса к повседневности вовсе не означает, что она отрефлексирована. Скорее дело в том, что повседневность с трудом поддается рефлексии – достаточно трудно дать определение привычному, «бывающему всегда» или «осуществляемому изо дня в день». Поэтому изучение повседневности, например, социологами, было связано лишь с процедурами удовлетворения материальных и духовных потребностей в процессе обеспечения жизнедеятельности, рекреации и социализации человека.

С другой стороны повседневность – неисчерпаемый источник познания человека не только в исторической, но и в реальной действительности. Сама

повседневность может быть причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества, оказывать влияние на политическое поведение граждан. Повседневные практики способны оказывать на развитие институциональности общества и изменение сущности институтов даже большее влияние, нежели воздействие со стороны власти. В связи с этим в российской гуманитарной науке высказывается идея о необходимости создания особой научной дисциплины «коммансологии» или «повседневноведения», актуализируется необходимость политологического анализа данной проблемы.

За последние годы существенно вырос теоретико-методологический инструментарий изучения повседневности. В 90-х годах XX века было критически переосмыслено ее понимание. Получив в качестве ориентира определения А. Шюца¹, П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривающих повседневный жизненный мир как область реальности, которую индивид воспринимает как данность, как само собой разумеющееся, как мир рутинной работы, мир работы, особую форму восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности², российские исследователи гуманитарного направления, соглашаясь с такими существенными характеристиками повседневности как «бодрствующее внимание», привязанность к практической деятельности, коммуникативность, дополнили его разнообразным содержанием. Например, культурологу Л.Г. Ионину повседневная жизнь представляется как процесс жизнедеятельности индивидов, «развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий»³. В отличие от него, А.В. Ахутин подчеркивает, что повседневностью является искусственно созданный мир, который потом превращается в культуру. Он говорит о двойственности человеческого мира повседневности: целесообразном мире практической деятельности, где правит здравый смысл и о фантастическом, избыточном мире формул понимания мира⁴. Философ Б.В. Марков утверждает, что повседневность – это привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами⁵. На аксиологическом смысле повседневности акцентирует особое внимание Г.С. Кнабе. Он обращает наше внимание на

¹ Использованный А. Шюцем термин *Alltaglichkeit* означал и повседневность, и будничность, и обыденность, и заурядность.

² А. Шюц, *Структура повседневного мышления* «СоцИс» 1988, № 2, с. 129; П. Бергер, Т. Лукман, *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, Москва 1995, с. 52.

³ Л.Г. Ионин, *Повседневная культура*, [в:] *Культурология XX век. Энциклопедия*. Т. 2, СПб 1998, с. 122–123.

⁴ А.В. Ахутин, *Мир повседневности*, [в:] *Теоретическая культурология*, Москва, Екатеринбург 2005, с. 371.

⁵ Б.В. Марков, *Храм и рынок. Человек в пространстве культуры*, СПб 1999, с. 129–130.

то, что абсолютизация повседневности как ценности превращается в абсолютизацию ее практицистской стороны. По его мнению, «комфортно ориентированный современный быт начинает монополизировать, подчинять себе, начинает судить все явления духовной жизни по своим критериям»⁶. Вместе с тем, повседневность – это не просто рутинная и бесконечная череда дней, это, прежде всего становление ценностей, обретение навыков, выработка смысла существования и действий человека⁷.

Основываясь на этих и других представлениях, под повседневностью мы будем понимать совокупность привычных, рутинных, повторяющихся форм и стереотипов жизнедеятельности человека, специфический круг социальных отношений, в котором проявляются социокультурные противоречия и конфликты, происходит столкновение ценностей, присущих различным типам сознания и осуществляется тот или иной выбор индивида, его линия поведения.

Повседневность – открытая система, имеющая подвижные, проницаемые границы, пронизана массой сложных взаимосвязей с окружающим миром: с одной стороны, повседневность определяется воздействующими извне идеями, ценностями, а с другой, сама повседневность становится причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества, является основой его институционализации.

Не случайно М. Хайдеггер, отмечал, что концепт повседневности неотделим от жизнедеятельности субъекта, так как человек может существовать только внутри бытия и через свое *присутствие* как обозначение «здесь-бытия» определяет «бытие-в-мире», давая тем самым возможность проявиться бытию. Следовательно, *повседневность* немислима вне *бытия* (общего и индивидуального), постижение как повседневности, так и бытия обеспечивается существованием таких общих составляющих как наличие материальных вещей, присутствие идеальных и социальных компонентов, событийностью и повторяемостью действий⁸.

Всесторонний анализ повседневного мира позволяет выделить три важнейших его характеристики:

1. В силу своего рутинного характера повседневность в большей мере, чем другие социальные сферы, обеспечивает преэминентность социокультур-

⁶ Г.С. Кнабе, *Диалектика повседневности*, [в:] *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*, Москва 1993, с. 52.

⁷ С.М. Фролова, *Повседневность как основа институционализации общества*, «Известия Саратовского университета», Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика 2012, Выпуск № 3, Т. 12, с. 60.

⁸ М. Хайдеггер, *Бытие и время*, СПб 2006, с. 110.

ных форм, позволяет «сохранить в изменениях неизменность, а неизменность делать формой изменений»⁹.

2. Чем устойчивее повседневность общества, тем более оно жизнеспособно, прочно и стабильно, тем менее болезненно происходят в нем различные трансформации.
3. Устойчивость и стабильность повседневности не исключает изменений. Повседневность постоянно меняется. Все изменения повседневности в тернарных культурах носят системный характер и затрагивают одновременно как объективные структуры, так и интерпретационные схемы, накладываемые на них людьми: «система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система; она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она все еще остается подходящим инструментом для управления жизнью»¹⁰.

Помимо этих характеристик, для выявления значимости повседневности в политическом мире, обозначим также несколько важных методологических позиций:

1. Изменение структуры повседневности детерминировано воздействием быстро развивающихся информационных процессов и коммуникативных технологий, других культур в условиях глобализации и усиливающейся миграции, быстрых и непредсказуемых трансформаций социальных институтов общества. В свою очередь изменяющаяся структура повседневности может детерминировать политические изменения. Основатель социогенетической теории цивилизаций Н. Элиас в своей статье «О понятии повседневности» показал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является частью структуры определенного социального строя. Поскольку один слой нельзя рассматривать изолированно, повседневность является также частью властных структур всего общества»¹¹.
2. Характер повседневности может определяться идеологией¹². Напомним вывод Г. Маркузе, который показал, как современная западная культура с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования – может рождать репрессивную терпимость всех членов общества и их «однородность»¹³.

⁹ Ю.М. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992, с. 268.

¹⁰ А. Шюц, *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*, Москва: Институт фонда «Общественное мнение» 2003, с. 215.

¹¹ Н. Элиас, *Понятие повседневного*, [в:] *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*, СПб 2001, с. 24.

¹² К группе таких мыслителей относятся марксисты, представители структурализма, социальной феноменологии, этнометодологии.

¹³ Г. Маркузе, *Репрессивная толерантность*, <http://coolib.com/b/277449/read.12.07.2015>.

3. Важно видеть не только действия индивидов в социальных процессах, но и роль их переживаний и мыслей¹⁴.

Особо сложные и неоднозначные процессы в сфере повседневности происходят во время модернизации экономической и политической сфер. Перемены, происходящие в России в последние десятилетия, могут быть рассмотрены как очередной этап модернизации, осуществляемый в принципиально иной ситуации, когда ряд наиболее развитых стран мира вступил уже в новый – постиндустриальный или информационный этап. Вместе с тем, исследование специфики российской модернизации и ее влияния на политическое поведение человека в рамках традиционного сопоставления Россия-Европа или Россия-Запад имеет существенный методологический недостаток. Складывается впечатление, что есть некая универсальная модель модернизации и отклонение от нее не только недопустимо, но и страдает издержками. В этой связи напомним, что модернизация дословно означает «осовременивание», то есть – обновление, приведение чего-либо в соответствие с требованиями сегодняшнего дня. Тем не менее, сопоставление модернизационных процессов в разных сферах жизнедеятельности государств и обществ позволяет определить степень их эффективности.

Содержание процессов изменения повседневности в России и западных государствах существенно и априорно отличается. Еще М. Вебер заметил, что христианская аскеза на Западе, как духовная основа повседневности, «превратилась в систематически разработанный метод рационального жизненного поведения, целью которого было преодоление *status naturae*, освобождение человека от иррациональных инстинктов, от влияния природы и мира вещей и подчинение его жизни некоему планомерному стремлению, а его действий – постоянному *самоконтролю и проверке* их этической значимости»¹⁵. Иными словами, именно протестантская этика, наложив существенные ограничения на традиционный уклад жизни, в значительной степени предопределила становление на Западе стабильных форм жизнедеятельности. Не менее важную роль в формировании повседневной жизни сыграли отношения власти. С конца XVII–начала XVIII в. в Европе формируется такая система власти, которая «выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата»¹⁶. Эта власть, названная М. Фуко «дисциплинарной», насильственно преобразовывала повседневную жизнь, под-

¹⁴ Г. Гарфинкель, *Исследования по этнометодологии*, СПб 2007, с. 47–86.

¹⁵ М. Вебер, *Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения*: Пер. с нем, Москва 1990, с. 153–154.

¹⁶ М. Фуко, *История сексуальности*: Пер. с нем, Москва 1996, с. 118.

чиняя традиционные устои новым институтам модерна, таким как фабрика, армия, больница, школа, система профессионального обучения, рабочий дом для бродяг и нищих, тюрьма. Дисциплинарная власть распоряжалась не только пространством и временем. Как власть над жизнью, ее процессами она тотально починила повседневность постоянному и целенаправленному воздействию. Эти два указанных обстоятельства придавали западному обществу стабильность при всех исторических потрясениях.

В отличие от европейских процессов, в России на протяжении всей истории отчетливо проявлялось пренебрежение повседневностью, легкость ее радикального разрушения во имя «светлого будущего». Все российские модернизационные проекты (относительно успешные – при Петре I, Александре II и И.В. Сталине и неудачные – при Александре I, М.С. Горбачеве и Д.А. Медведеве), в сущности, носили догоняющий, экзогенный характер. Ни один из них (за исключением, может быть, петровских реформ) не был комплексным и не затрагивал одновременно все сферы общественной жизни. Сопровождающие эти модернизационные проекты социокультурные трансформации характеризовались заимствованием иностранных идей, ценностей, форм организации жизни.

Каждая из попыток модернизации в той или иной мере изменяла повседневную жизнь. В свою очередь, повседневность в той или иной мере становилась причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества. Другими словами, повседневность, хотя и обладает устойчивостью и стабильностью, не противостоит изменениям, как утверждают некоторые исследователи. Поэтому проблема российских преобразований, включая «перестройку» и рыночные реформы 1990-х гг., состояла не в торможении преобразований «реакционными традициями», как часто утверждают неудачливые реформаторы, а в отсутствии устойчивого срединного, повседневного уровня бытия, на котором преобразования могут закрепляться в стабильных, органичных структурах. В этой связи, приведем постулат Ю.Лотмана о приоритете взрыва как формы развития русской культуры перед постепенностью. Ученый прав, отмечая, что бинарное противопоставление противоположных интенций при каждой трансформации приводит к глубинным переменам, затрагивающим все сферы общественной жизни, включая и повседневность, даже если, выражаясь его словами, «взрывные» изменения далеко от нее отстоят: «Даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего и апокалиптического рождения нового»¹⁷.

¹⁷ Ю.М. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992, с. 268.

Сложившийся тип повседневности в советское время имел очень небольшую глубину истории, унаследовал крайне мало преемственных форм с дореволюционными, поскольку изначально был построен на их отрицании. В этом была принципиальная уязвимость советской культуры повседневности, ставшей, в свою очередь, объектом деструкции в постсоветский период. Современная российская система повседневного мира, по сравнению с предыдущим историческим периодом, существенно изменилась: значительно расширилась номенклатура используемых вещей и предоставляемых услуг: имущество россиян, составляющее предметную среду их повседневной жизни, меняется довольно быстро и в целом, безусловно, нарастает, причем преимущественно за счет высокотехнологичных товаров. Признавая, что современное российское государство, практически отказалось от организации, планирования и контроля над системой повседневного мира, что, естественно, сказывается на обыденной жизни россиян, отметим все же, что оно опосредованно, через модернизацию экономической жизни, управления, социальную политику инициирует соответствующие процессы и в повседневной жизни. Вызывают изменения в структурах повседневности и независимые от государства институты, фирмы, общественные организации, включенные в экономику общества потребления.

Исходя из вышерассмотренных положений, сформулируем основные направления воздействия изменения повседневности на российскую политическую жизнь.

а) влияние изменяющихся норм и правил повседневного бытия на институциональность общества

Институализация и повседневность выступают как взаимозависимые составляющие, где нормативные установки определяют и регулируют каждодневное поведение субъектов, а повседневное бытие способствует выработке институциональных норм, основанных на прагматизме и общезначимом понимании их необходимости. Повседневное бытие выступает как системообразующее состояние, в соответствии с которым задаются структурные детерминанты, определяются социальные действия и система отношений, а также вырабатываются поведенческие установки в соответствии с потребностями социума. Роль повседневности, несмотря на часто скептическое отношение к ней, в институализации общества огромна: она, во-первых, является связующим, институциональным звеном, присущим всякому обществу, во-вторых, объединяет отдельные элементы человеческого бытия в единое целое, в третьих, отражает даже незначительные изменения

в ее нормировании. Поэтому повседневность обнаруживает себя при любых условиях существования человека и независимо от исторической эпохи способствует выработке норм поведения, стимулирует ускорение адаптационных процессов практических знаний и формирование установок общественного бытия не просто обезопасивших каждодневное существование человека, но и урегулировавших межличностные и социально-культурные отношения.

Трансформация институтов, регулирующих повседневное бытие современного общества, проявляется с того момента, когда формальные институты начинают заменяться неформальными нормами и правилами. Видоизменение и приспособление формальных правил и норм к обыденным практикам приводит к двойственной социализации и образованию «институциональных ловушек», подрывающих доверие к политическим институтам и системе права. Неформальные правила повседневного бытия по-разному воздействуют на институциональность общества, на особенности пути модернизации институтов. Произошедший в постсоветском обществе «надлом» традиционных и ценностных установок, способствовал деформации существовавших норм и правил, усилил рискогенность повседневного бытия российского общества, обозначил известный приоритет неформальных норм над формальными. Это вносило дезорганизацию в существовавший институциональный порядок и, в известной мере, способствовало изменению социальных институтов.

б) влияние изменения физических границ повседневного пространства

В современном мире наиболее заметные отличия в повседневном бытии, мышлении и мировоззрении можно наблюдать в видоизменяющихся пространствах быта, предметного мира, обыденной рефлексии, переживаний человека. Жизненное пространство – это зона вовлеченности личности в мир, пространственная структура бытия человека, охватывающая географически определённое место пребывания индивида, своеобразие его природной и социокультурной среды, жилище, мебель, окружающие вещи, рабочее место, обычные маршруты передвижения, места проведения досуга и т.д., детерминированная человеческой субъективностью и рассмотренная сквозь призму субъективного восприятия. Именно жизненное пространство обеспечивает протекание повседневной жизни людей, их взаимодействие, уклад их непосредственного бытия.

В современном мире организация пространства зависит от параметров техники, скорости её работы и стоимости её использования. По выражению Тимоти У. Люка, «пространство, построенное с помощью такой техники,

носит совершенно иной характер: это сконструированное, а не Богом данное, искусственное, а не естественное пространство; информация в нём передаётся машинами, а не людьми, оно рационализировано, а не обобществлено, его масштаб – национальный, а не локальный»¹⁸.

Характеризуя пространственные трансформации, Э. Тоффлер и Х. Тоффлер говорят о наступлении периода «пространственной турбулентности»¹⁹. Они отмечают, что современный человек постоянно пребывает в движении, причём это воспринимается как норма. Если две тысячи четыреста лет назад в Древнем Китае, где крестьяне были привязаны к земле, философ Чжуан-Цзы говорил, что люди, которые путешествуют по свету, «вносят беспорядок, они беспокойны, лживы и тайно замышляют дурное», то сегодня пространственные перемещения стали вполне естественными, ведь около 8% населения Земли – примерно полмиллиарда человек – хотя бы раз в год пересекают границу своей страны²⁰. Сегодня отдых, туризм, учеба, работа за границей стали в России массовым явлением. Хотя не надо преувеличивать его масштабы: по данным Левада-центра, на начало 2013 г. 70% россиян никогда не выезжали за границу, у 83% не было загранпаспорта. Но и 30% выезжавших и 17% имеющих загранпаспорта – это серьезные цифры²¹.

Персональная география человека постоянно меняется. Причём меняется не только место его физического местоположения. Современный человек регулярно общается с людьми, находящимися в разных уголках земного шара посредством электронной и обычной почты, телефонных звонков и видеосвязи. Изменяется пространство российских городов, где часто с целью создания новой среды обитания для людей с ориентациями на инокультурные образцы идет процесс фактического уничтожения историко-культурного наследия. Происходит, выражаясь словами Д. Лихачева, подмена кодов культуры. Городская культура наполняется культурными симулякрами сомнительного качества.

Физические границы повседневного пространства задают программу организации искусственной среды обитания, определяют среду бытия, моделируют характер взаимодействий, воздействуют на род занятий индивидов, обеспечивают чувство безопасности и защищенности, формируют понимание ценностей и определяют набор вещей, необходимых для повседневного существования.

¹⁸ Цит. по: З. Бауман, *Глобализация. Последствия для человека и общества*: Пер. с англ., Москва 2004, с. 31.

¹⁹ Э.Тоффлер, *Революционное богатство*, Москва 2008, с. 99.

²⁰ Там же, с. 114.

²¹ Левада-центр. *Опрос 16–19 марта 2012*, <http://www.levada.ru/05-04-2012/70-rossiyan-nikogda-ne-byvali-za-granitsei.12.07.2015>.

в) влияние потребительства, культа вещей на политическое поведение

Пространство повседневности, неотделимо от заполняющих его вещей. В «Протестантской этике» М. Вебер пишет, что потребительство служит человеку²² средством удовлетворения материальных потребностей и становится целью его жизни. В современном российском обществе наблюдается культ вещей, которые не просто перекраивают повседневное бытие, но и вторгаются в пространство, отведенное человеку (роботы), в его тело (имплантаты), не оставляя место традиционному пониманию телесности.

Стремление «иметь», тяготение к безграничному потреблению в постсоветский период стало навязываться, формироваться СМИ и рекламой. Однако ценностная ориентация на приобретение вещей приводит к господству материальных интересов над духовными, к индивидуализму и эгоизму. Духовное развитие личности заменяется потребительством и рационализмом, которые принижают духовную сферу. Хабитуализация идеи обогащения, потребительская культура ведет к онтологическому разрушению социального порядка, последствием которого является низведение человеческого существования на уровень существования вещи, соответствующей моде и всеобщей стандартизации жизни. Вирус накопительства заражает все общество. Такое общество меняет интересы граждан: от приоритета общественных переходит к индивидуализму, постепенно гасит желания участвовать в решении общественных дел, быть политически активными. Оно не в состоянии сохранять свою культуру, национальную идентичность, прежние здоровые нормы повседневного бытия. Общество задает новые границы организму, а организм ставит пределы обществу, загоняя в стандартные нормы всевластных потребительских предпочтений, регулируя по своему усмотрению поведение субъектов и закрепляя новые типы идентичностей. Так потребление постепенно переходит в категорию устоявшихся поведенческих норм, играя роль основного руководства поведением индивидов в их повседневной жизни.

Многие изменения в социокультурной жизни России (опосредованно и в политической) начались с изменений в сфере потребления. Их укоренение было связано с обращением к подсознательному в психике людей, апелляцией к иррациональному. Так, изменение в потреблении продуктов в России в течение двух десятилетий на уровне повседневности осуществлялось через создание супермаркетов, ресторанов инонациональной кухни,

²² М. Вебер, *Протестантская этика*, [в:] М. Вебер, *Избранные произведения*, Москва 1990, с. 206.

распространение различных кулинарных стилей. Американский гамбургер, итальянская пицца, японские суши стали своеобразными символами перемен, а Coca-cola и Pepsi-cola обозначением «поколения пепси» — молодых людей, для которых газированный напиток в сочетании с сигаретами «Marlboro» и «Kent» воплощал «западную мечту». Чипсы и попкорн превратились в неперемный атрибут посещения кинотеатров. Заметим здесь, что исчезновение традиции питания ведет к разрушению одной из основ идентификации личности и всей нации с предшествующей культурой.

Еще одной активной сферой обновления для российских граждан стал внешний вид — одежда, обувь, прически. Сотни тысяч перекупщиков уже в первые постсоветские годы снабдили одежду страну сначала по образцам Китая, а затем Кореи, Турции и Польши. В это же время открылись «бутики», магазины готовой одежды, задающие иные, западные параметры внешнего вида товарами из Италии, Германии, Австрии, Канады, США. Одежда стала различаться по назначению, в отличие от прежде бытовавшего отечественного универсального подхода, по маркам, престижу и лишь в последнюю очередь по соответствию внешнему виду. Помимо одежды появились различные, ранее непривычные аксессуары. Социально-психологическим механизмом освоения моды на эмоциональном уровне стало заражение — желание идентифицировать себя с привлекательным образом западной жизни.

Возможность и сознательность подражания выбранным образцам духовного и предметного мира фактически исподволь приводили к глубокому изменению личности, переосмыслению ее прежнего образа жизни. Знаками нового стиля жизни стали также автомобили — «иномарки».

Важнейшим фактором, приведшим к радикальным переменам в российской интеллектуальной жизни, стали поездки за границу. Из этих поездок россияне привозили не только вещи, напоминающие о чужом быте, но и впечатления о другом образе жизни, общественного устройства.

Таким образом, фактором внешней и внутренней культурной динамики российского общества становится инокультурный габитус. Основанный на чужих ценностях, культе потребления, он затрудняет социализацию российских граждан в традиционной культуре, поскольку ставит под сомнение необходимость поддержания преемственности и сохранения традиций в развитии общества, порождает иллюзорное симулятивное сознание, инокультурную ментальность, вседозволенность. Как итог, люди, стремящиеся к инокультурным заимствованиям, конструируют социальный мир «псевдокультуры». Но они не могут сложить из созданных по чужим образцам элементов внутренне связную картину своей жизни (или чужой жизни в своей), русский человек, усваивавший инокультурный габитус, утверждая чужебытность, становится «своим среди чужих» и «чужим среди своих».

г) изменение коммуникативного пространства повседневного бытия

Коммуникационное пространство представляет качество внутреннего содержания повседневной деятельности индивидов. Поскольку повседневность является своеобразной системой общественных отношений, то она не может существовать вне коммуникации как способа передачи информации. Коммуникация выступает способом бытия повседневности. Модификация коммуникационного пространства существенно влияет на социальные стороны жизни общества, корректирует поведенческие стандарты, ценностные ориентиры индивидов, что в совокупности ведет к изменению специфики обыденности, топологических характеристик бытия.

Если на ранней стадии развития человека, на этапе невербального, знакового общения, коммуникативное пространство ограничивалось рамками визуальной доступности, то в период вербального обмена информацией, оно расширилось до предела звуковой досягаемости человеческого голоса, а в условиях современных технических возможностей границы общения практически разрушены.

Одним из наиболее важных явлений, в корне изменившим повседневность, трансформировавшим время и пространство, стало превращение интернета из чисто информационного фактора, инструмента профессионального деятельности, поиска информации в феномен повседневности, своеобразный аналог радиовещания и телевидения, форму времяпрепровождения, составляющую частной жизни человека. По данным Фонда «Общественное мнение» 73,8 миллиона россиян (63% взрослого населения страны) пользовались интернетом хотя бы раз в месяц. 60,8 миллиона человек (52% взрослого населения РФ) ежедневно выходят в Сеть. В 23% российских семей есть дети моложе 18 лет, которые пользуются интернетом²³.

Для подрастающего поколения россиян он становится школой жизни. Политические последствия использования интернета противоречивы. С одной стороны, он позволил снять географические и структурные ограничения прямого политического участия, изменил политический радиус деятельности отдельных личностей и общественных организаций, снял дистанцию между гражданами и лицами, принимающими политические решения, расширил горизонты гражданственности, облегчил достижение сплоченности. Интернет минимизировал затраты на согласование возможных путей политического взаимодействия, между индивидами, придержи-

²³ Опрос проведен в апреле 2015 г. с выборкой, репрезентирующей население России старше 18 лет. Опубликован 03.06.2015 источник: Фонд «Общественное мнение» (ФОМ).

вающимися схожих взглядов, но не взаимодействующих непосредственно, поставил вопрос о возможности создания виртуальных политических структур. С другой стороны, современные информационные технологии, по мере расширения их применения в повседневной жизни, делают общество более уязвимым перед политическим контролем, создают возможности для авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на человека.

Латентные последствия изменения российской повседневности

Изменение политической, экономической системы в России, произошедшее в конце XX века, повлекло за собой радикальную трансформацию существующей повседневности большинства социальных групп. С одной стороны, потеря значительной частью населения прежнего социального статуса и уровня благосостояния сопровождалась аномией, моральной деградацией, развитием деструктивности в их поведении. С другой стороны, быстрый рост благосостояния другой части населения, названной «новыми русскими», также привел к радикальным изменениям повседневности, которые не были подготовлены предыдущим развитием. Отсутствие повседневной культуры богатства, не сложившиеся стандарты поведения привели к аномии и в этих материально благополучных группах. Имущественное расслоение российского общества своим следствием имело раскол и потерю коммуникации между группами, существенные изменения претерпевали прежние ценности, связанные с ними правила поведения, роли и статусы, оценки, целеполагание и формы рациональности.

Деконструкция политического участия и гражданской активности, присущего России в начале 90-х годов, привела к снижению количества активных участников уличного противостояния, но впоследствии она негативно сказалась на развитии гражданского общества. Обратной стороной «реабилитации повседневности» стал растущий нигилизм в отношении «большого мира», проявляющийся, в частности, в гражданской демобилизации населения. По данным социологов, по сравнению с 2003 г., в 2010 г. доля респондентов, не участвующих ни в одной из тестируемых форм общественной жизни, возросла с 56% до 70%, и по показателям гражданского участия Россия существенно стала отставать от стран Европы²⁴.

Авторы социологического исследования «Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений» отмечают, что по сравнению

²⁴ М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, *Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад*. Москва 2010, с. 95.

с советским периодом в повседневности россиян «произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями»²⁵. В результате стала формироваться повседневная среда обитания, насыщенная конфликтами, агрессией, тревогой, неуверенностью в будущем, сложная для выживания большинства социальных групп.

С другой стороны, в результате «реабилитации» повседневности произошло изменение жизненных приоритетов в сознании россиян. Сфера «малого мира» – мира повседневности – семья, родственные и дружеские отношения выдвинулись на первый план²⁶. Уход большинства населения в «малый мир» повседневности означал его нежелание принимать на себя ответственность за происходящее в большой политике, в экономике. Одновременно с неприятием в возможности очередного рационального переустройства росло недоверие к социальным и политическим институтам.

Резюмируя вышеотмеченное, скажем, что

1. технологическая модернизация повседневной жизни в России в значительной мере осуществилась. Ее особенностью стало то, что она не инициировалась сверху, не проводилась за счет ущемления или экспроприации каких-то социальных классов или слоев, она не была затратной. Это была модернизация, ориентированная на гражданское общество, поскольку повседневность – это атрибут и измерение этого общества.
2. массовое политическое поведение россиян неоднократно меняло вектор идейно-политической направленности, оно сегодня дифференцировано по мотивам, интенциям и формам.
3. резкое падение жизненного уровня большинства населения, политические и финансовые кризисы (1993, 1998 гг.) генерировали рост недовольства либеральными моделями демократии и рыночных отношений. Это порождало политическую апатию, отчуждение масс от политики, конформистское политическое поведение. Разочарование масс в демократической модели развития, сочеталось со склонностью к авторитаризму, готовностью поддержать силы, способные навести порядок в стране. С другой стороны, это требовало изменения политического курса.
4. современные тенденции в повседневной жизни России сводятся к:

²⁵ *Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений*, Москва 2009, с. 49.

²⁶ М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, *Готово ли российское общество к модернизации...*, с. 13, 54.

- а) постепенному продвижению от ограниченной возможности рационального массового политического поведения, неустойчивости политических предпочтений и ориентиров, хаотичности, растерянности, дезориентированности части населения в происходящем, дистанцированности от политики – к рационализации его, поиску демократической модели общественного устройства.
- б) распространению демократических тенденций в сознании россиян.
- в) стремлению масс не быть лишь молчаливым участником, не просто приспособливаться к политической реальности, а реально влиять на нее.

РЕЗЮМЕ

в статье показывается, что все попытки модернизации в России, в той или иной мере, сопровождались изменением повседневности. В отличие от европейских процессов, в России на протяжении всей истории отчетливо проявлялось пренебрежение повседневностью. Автор анализирует основные направления воздействия изменения повседневности на российскую политическую жизнь: влияние изменяющихся норм и правил повседневного бытия на институциональность общества; изменения физических границ повседневного пространства и коммуникативного пространства повседневного бытия, привнесённого потребительства, культура вещей на политическое поведение.

Ivan Vladimirovich Radikow

MODERNIZATION OF RUSSIAN EVERYDAY LIFE IN THE LATE XX-EARLY XXI CENTURY: THE EFFECTS AND IMPACT ON POLITICAL ACTIVITY OF CITIZENS

The paper shows that all attempts at modernization in Russia, in one way or another, accompanied by a change in everyday life. In contrast to the European processes in Russia throughout history clearly manifested neglect everyday. The author analyzes the main directions of change impact on everyday Russian political life: the impact of changing regulations at the institutional everyday life of society; changes in the physical boundaries of everyday space and communication space of everyday life, to introduce consumerism, the cult of things on the political behavior.

KEY WORDS: *everyday life, being, the everyday world, the structure of everyday life, the modernization*

Библиография

- А.В. Ахутин, *Мир повседневности*, [в:] *Теоретическая культурология*, Москва, Екатеринбург 2005.
- П. Бергер, Т. Лукман, *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, Москва 1995.
- Г. Гарфинкель, *Исследования по этнометодологии*, СПб 2007.
- М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, *Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад*, Москва 2010.
- Л.Г. Ионин, *Повседневная культура*, [в:] *Культурология XX век. Энциклопедия*, Т. 2, СПб 1998.
- Г.С. Кнабе, *Диалектика повседневности*, [в:] *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*, Москва 1993.
- Ю.М. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992.
- Б.В. Марков, *Храм и рынок. Человек в пространстве культуры*, СПб 1999.
- Э. Тоффлер, *Революционное богатство*, Москва 2008.
- С.М. Фролова, *Повседневность как основа институционализации общества*, «Известия Саратовского университета», Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика 2012, Выпуск № 3, Т. 12.
- А. Шюц, *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*, Москва: Институт фон- да «Общественное мнение» 2003.
- А. Шюц, *Структура повседневного мышления* « СоцИс» 1988, № 2.
- Н. Элиас, *Понятие повседневного*, [в:] *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*, СПб 2001.

Владимир Александрович Гутуров

Концепции модернизации в посткоммунистическом дискурсе

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

модернизация, посткоммунизм, транзитология, либеральная демократия, экономическая трансформация, свободный рынок, интернационализация, капитализм

В 1985 г. Адам Пшеворский, предупреждая о неизбежности краха «реального социализма», писал в заключении своей работы «Капитализм и социальная демократия»: «Имеется явное основание полагать, что капитализм продолжит демонстрировать возможность улучшать материальное положение и что его будут защищать с помощью силы даже там и тогда, когда он этого делать не станет, в то время как условия для социализма будут и дальше загнивать. Вот почему мечты об утопии не могут быть заменой борьбы за то, чтобы сделать капитализм более эффективным и более гуманным»¹.

Ровно десять лет спустя в другой своей книге «Устойчивая демократия» он буквально по свежим следам «бархатных революций» попытался сформулировать ряд теоретических доводов, обосновывавших причины существенного поворота в политике модернизации в различных регионах мира во второй половине XX в., поворота, который в конечном итоге привел к распаду СССР и краху социалистических режимов в Центральной и Восточной Европе. «Последнее десятилетие, – отмечал он, – засвидетельствовало беспрецедентное, имеющее мировой масштаб движение в направлении политической демократии, происходившее одновременно с глубокой и также широкомасштабной экономической стагнацией. В последние пятнадцать лет многие страны Южной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки прово-

¹ A. Przeworski, *Capitalism and Social Democracy*, Cambridge; Paris 1985, p. 248.

дили конкурентные выборы вообще в первый раз или же, по крайней мере, впервые за десятилетия. И как только этот проект был инициирован, этот список распространился на Восточную Европу и несколько новых стран, которые возникли после распада Советского Союза и Югославии. Никогда прежде такое большое количество стран не пользовалось или, по крайней мере, не экспериментировало с демократическими институтами. В то же самое время модели экономического развития, которые были успешными в течение нескольких десятилетий, по всей вероятности, потерпели крах во многих странах. Экономические кризисы, затронувшие в 1980-х гг. Аргентину, Бразилию и Мексику, равно как и Болгарию, Венгрию и Польшу, были беспрецедентными в истории этих наций. В результате мы, вероятно, являемся свидетелями одновременно почти фаталистического признания экономического принуждения и отчаянного поиска новых моделей и новых стратегий генерирования устойчивого роста. Стандартные предписания, исходящие из Вашингтона и международных финансовых институтов, социально накладны и сомнительны экономически, и все же ситуация представляется столь сильно напряженной в результате тяжести кризиса и международного давления, что она, по всей видимости, не оставляет никаких альтернатив»².

Пшеворский при этом исходил из того, что по своим исходным параметрам экономическая модель, возникающая в странах, вошедших после второй мировой войны в зону влияния СССР, и основанная на государственной собственности на средства производства, централизованном управлении экономикой и предельно автаркической стратегии развития, была не менее успешной по сравнению с латиноамериканской экономической моделью, для которой было характерно сочетание частной собственности, активной роли государства и «отчетливой дозы протекционизма». «Почему же, – спрашивал он, – восточные европейцы в массовом порядке отвергают свою экономическую систему, а латиноамериканцы не отвергают? Если сравнивать относительные экономические характеристики Польши и Аргентины за последние десять лет, никто не смог бы предсказать на основе какой-либо экономической статистики, что одна система рухнет, а другая нет. И все же, если бразильцы были склонны рассматривать свои лишения как результат несправедливости, в Польше респонденты в опросах приписывали свое жалкое состояние иррациональности коммунистической системы. Единственной очевидной причиной была явная демонстрация влияния Западной Европы: сравнение, которое становилось все более унижающим по мере того, как проходило время. «Почему Восточная Германия не может быть такой же, как

² A. Przeworski, *Sustainable Democracy*, Cambridge 1995, p. VII.

Западная Германия?» Вот в чем был вопрос, на который в конечном итоге давался один ответ – “экономическая система”. В то время как народы, живущие при коммунизме, могли наблюдать успешные капиталистические экономики, как только разразился кризис, народы, живущие при капитализме, не имели какой-либо парадигмы успеха на примере командных экономик. В то время, как причины коллапса роста на Юге и Востоке не очевидны, ответ на него, как представляется, идентифицировать гораздо легче. Он может быть наилучшим образом охарактеризован как “модернизация через интернационализацию”. Различные политические силы на капиталистическом Юге и пост-коммунистическом Востоке не видели никакой альтернативы, кроме как отправиться в “Северо-Западный Перелет”: в путь, который привел бы их общества в Первый Мир, для одних – на Север, для других – на Запад. Это стратегия усвоения политической, экономической и культурной организации, уже существующей повсеместно: демократии, рынков и индивидуалистической, ориентированной на потребление культуры, которая доминирует в передовом капиталистическом мире. В этой стратегии модернизация становится синонимом интернационализации: интеграции в мировую экономику, соединенной с имитацией экономических, политических и культурных образцов, превалирующих в развитых капиталистических странах»³.

Но не прошло и десяти лет с тех пор, как А. Пшеворский сформулировал свои вполне уравновешенные и корректные выводы о характере экономических и политических процессов, происходивших в странах Центральной и Восточной Европы, и в научной литературе, и в политической публицистике стали задавать тон совсем другие мысли и прогнозы. Например, канадский политолог Петр Дуткевич следующим образом обрисовывал ситуацию, сложившуюся в посткоммунистических странах, уже переживших «бархатные революции» и приступивших к осуществлению «модернизации через интернационализацию», т.е. нового глобализационного проекта: «Одно из наиболее интересных наблюдений состоит в том, что посткоммунизм подпитывает глобализацию, которая, в свою очередь, является структурой, которая направляет и контролирует посткоммунизм. В этом плане, как мне представляется, то, что действительно в целом недооценивалось в недавних дебатах, так это воздействие самого посткоммунизма на процесс глобализации (читай: реакция периферии на структурные проблемы своего центра). Посткоммунизм, с *необузданной силой* оттеняющий свою сущностную структуру (т.е. направление, на котором происходит глобализация мировой экономики), а также способы, с помощью которых воссозданная структура (т.е. глобализирую-

³ А. Przeworski, *Sustainable Democracy...*, p. 3.

щаяся мировая экономика) формирует траекторию посткоммунизма, должны стать объектами дискуссии. Следовательно, в то время как глобализация или то, что некоторые более скептически настроенные наблюдатели называют интернационализацией, несомненно, не представляет собой ничего нового, путь, по которому она развивается со времен краха коммунизма, поставил новые и важные вопросы относительно ее содержания, значения, темпа и размаха. Моя точка зрения состоит в том, что глобализация и посткоммунизм являются взаимными отражениями, совместно участвующими в определении того, что они отражают. Я доказываю, что глобализация и посткоммунизм могут рассматриваться и анализироваться как форма диалектического мимесиса (мимикрии или имитации) по отношению к друг другу. Особый характер подобной миметической рефлексии состоит в том, что она имеет способность показывать или представлять в истинном свете то, что где-нибудь в другом месте затушевано или неопределенно. Представляется, что это обстоятельство имеет особое значение в плане того, что посткоммунизм хочет сказать нам относительно обсуждаемой природы глобализации. Это означает, что проблематичная практика и опыт посткоммунизма, такие как широкомасштабные экономические и социальные расстройтва, беспощадная монетаризация политики, криминализация общества вместо “гражданского общества” и правового государства, целенаправленная деполитизация общества и т.д. являются не столько затруднительными “абберациями” или “отклонениями” от “правильного” пути глобализации (или “ошибочным исполнением”, допущенным восточноевропейскими политиками, или же, как говорят некоторые, “долговременным историческим вырождением”), но, скорее, грубыми проявлениями возникающих глобальных тенденций. В этом смысле, “реально существующая глобализация” в Восточной Европе может быть отражением процессов и структур, являющихся грядущими и для более индустриализированных стран»⁴.

В определенном плане «Восточная Европа служит в качестве “широкомасштабной лаборатории” для определения среднесрочных эффектов глобализации (среди прочих “результатов тестирования”) мы, пережив десять лет трансформации, гораздо лучше информированы относительно того – насколько далеко можно притеснять рабочий класс, лишая его преимуществ государства всеобщего благосостояния; до каких пределов может дойти пауперизация прежде чем могут прорваться широкомасштабные социальные волнения; как эффективно манипулировать “свободными средствами массовой информации”; каковы политические и экономические издержки

⁴ П. Дуткевич, *Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей*, “ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза” 2006, № 4, с. 43–44.

драматического подрыва социальных связей; каковы различные последствия глобализации, опосредованной различными культурами). Это всего лишь несколько фундаментальных вопросов, на которые хотели бы ответить менеджеры капиталистического проекта. Восточная Европа (в сопровождении Латинской Америки и Африки) теперь способна выступить в качестве коллективного свидетеля по этим делам, потому что посткоммунизм находится впереди Запада по своему опыту глобализации (в том смысле, что, если продукт прошел проверку в лаборатории, необходимо некоторое время для того, чтобы его разместили на полках и он стал доступным для всеобщего потребления). Я полагаю, что Ирак является первым “произведенным продуктом” такого нового подхода⁵.

Между представленными выше двумя точками зрения располагается бескрайнее море аналитических суждений и прогнозов, свидетельствующих о крайне драматическом и далеко не однозначном характере происходящих в посткоммунистическом мире процессов. В чем же заключается причина столь контрастных оценок? Характеризуют ли они лишь различные аспекты и стороны одного и того же процесса? В таком случае исследователь может ограничиться сведением этих оценок воедино для того, чтобы воспринимать феномен посткоммунизма во всей его полноте и сложности. Или проблема заключается в неадекватности научных методологий, с помощью которых этот феномен исследовался до настоящего времени? Или же, наконец, ученые не учитывают каких-либо внешних и внутренних факторов, влияющих на посткоммунистический мир таким образом, что он выглядит столь трудно познаваемым и не поддающимся однозначным оценкам?

Современный уровень научного анализа позволяет сделать вывод о том, что все обозначенные выше вопросы являются вполне правомерными, но представленные на них ответы далеко не всегда выглядят убедительными и зачастую имеют характер эвристических гипотез. Во всяком случае, адекватность обозначенных А. Пшеворским путей решения кризисных проблем, вставших перед народами и политическими элитами в странах Центральной и Восточной Европы и посткоммунистической России, неоднократно подтверждается многими исследователями. Большинство разработанных ими научных гипотез и методологический инструментарий, как правило, не вписываются в транзитологические схемы, с помощью которых западные специалисты когда-то изучали процессы демократических трансформаций в Южной Европе, Латинской Америке и других регионах мира во второй половине XX в. «Большинство представителей социальных наук в Германии, – пишет, например, немецкий политолог П. Штыков, – сегодня сходятся на

⁵ Там же, с. 44–45.

том, что “транзитология” не состоялась как субдисциплина меж- и мультидисциплинарной науки об обществе»⁶.

Позицию своего коллеги разделяет и профессор Гумбольдтского университета К. Оффе. «...Транзитологический подход, – отмечает он, – плодотворный сам по себе, оказывается непригодным и вводящим в заблуждение, если использовать при анализе прежний аналитический инструментарий... Ввиду дополнительных измерений революционный переворот в Восточной Европе можно анализировать только такими понятийными средствами, которые со времен Первой мировой войны не употреблялись на Западе и Юге Европы»⁷.

Ш. Эйзенштадт также относит события в Центральной и Восточной Европе к тем «большим революциям», которые бросают вызов давно ставшим традиционными категориям макросоциологического анализа⁸.

Причина такого резкого поворота в направлении поиска новых методов научного анализа ученые нередко объясняют «сменой центров модернизации» (Е. Тиракьян)⁹, причем не только в географическом, но и в социально-политическом, идеологическом и культурном смыслах. Проблема состояла, прежде всего, в том, что традиционные теоретические модели модернизации разрабатывались с использованием теоретического инструментария, ориентированного на «идеальный тип» зрелых рыночных хозяйств. «Неожиданный болезненный ход восточноевропейской трансформации поставил “приверженцев старого подхода” (*old line apologists*), как их назвал Джеффри Александер, перед целым рядом аномалий. Вместо адаптационного роста (*adaptive upgrading*) наблюдался экономический крах, вместо расширяющегося гражданского участия и универсальных ценностей – этнически и религиозно определяемые границы, вместо целостного достижения системных целей (*goal attainment*) появились хрупкие коалиции реформ, которые противостоят

⁶ П. Штыков, *Исследования трансформационных процессов в Восточной Германии и Восточной Европе: достижения, проблемы и перспективы немецких социальных наук (1992–2002 годы)*, [в:] П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003, с. 29; ср., однако: Ф.Б. Рюб, *Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы*, [в:] Там же, с. 435–473.

⁷ К. Оффе, *Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе*, [в:] П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе*, Санкт-Петербург 2003, с. 8–9.

⁸ S. Eisenstadt, *Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency*, “International Social Science Journal” 1992, № 133, p. 385–401.

⁹ E. Tiryakian, *The Changing Centers of Modernity*, “Comparative Social Dynamics”, Boulder (CO) 1986, p. 131–147.

неуправляемым обществам, особенно на территории бывшего Советского Союза»¹⁰. В этих условиях классическая теория модернизации, оказавшись вынужденной существенно перестраивать свою методологию, представлялась, тем не менее, в глазах большинства западных ученых гораздо более пригодной для изучения посткоммунистических процессов по сравнению с «транзитологией» и тем более с еще более традиционными школами, разрабатывавшими в различных направлениях теорию тоталитаризма.

Прежде всего, было необходимо определить общие направления научной «перестройки». Так, например, Кр. Хэрпфер, выделив три основных традиционных подхода в исследованиях демократизации – «модернизационный», «транзитологический» и «структурный», рассматривает в качестве наиболее перспективного новый «трансформационный подход», в рамках которого анализируются три основных процесса: «демократизация в направлении демократии», «маркетизация в направлении рыночной экономики», «создание гражданского общества»¹¹.

Анализ работ других сторонников данного подхода свидетельствует о том, что обозначенные выше определения характера исследуемых в его рамках процессов только внешне выглядят банальными и тавтологичными. Еще в 1993 г. немецкий политолог Й. Хессе следующим образом обозначал наиболее отличительные черты трансформаций, происходивших в посткоммунистическом мире:

- переход от систем однопартийного правления с главенствующей ролью коммунистической партии во всех сферах общества к плюралистическим, многопартийным парламентским системам с демократически избираемыми и ответственными правительствами;
- отход от принципа «демократического централизма» в пользу далеко идущей децентрации и децентрализации политической власти, осуществляемой под эгидой правового государства;
- отказ от принципа единства между экономикой и политикой, который влечет за собой появление отличных друг от друга сфер политической и экономической жизни;
- всеобъемлющие экономические реформы, главная цель которых заключается в усилении частного предпринимательства, денационализации

¹⁰ К. Мюллер, *От посткоммунизма к постмодерну? К объяснению социальных изменений в Восточной Европе*, [в:] П Штыков, С Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003, с. 131–132.

¹¹ Chr. W. Haerpfer, *Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. The Democratization of the General Public in Fifteen Central and Eastern European Countries, 1991–1998*, London–New York 2002, p. 1.

(или, скорее, приватизации) обширной доли продуктивного капитала, ранее контролируемого государством, и существенная отмена контроля, а также либерализация национальной экономики¹².

В представленной Й. Хессе схеме бросается в глаза не только хорошо знакомая из трудов теоретиков ленинизма идея «примата политики над экономикой», но и другая черта, обозначенная немецким политологом весьма примечательным сочетанием английских и латинских слов – «*transformation as rejection of the old administrative system, change via negationis*» (трансформация как отказ от старой административной системы, изменение *путем отрицания*)¹³. Именно в отрицании многие адепты новой версии теории модернизации усматривали сущностный момент, отражающий глобальный контекст изменений происходивших в посткоммунистических странах.

Хорошо известным является то историческое обстоятельство, что исходный момент посткоммунистических трансформаций в современном мире совпал с началом реализации на глобальном уровне неолиберального проекта. В Китае после смерти Мао Цзэдуна китайское руководство во главе с Дэн Сяопином в декабре 1978 г. объявило о начале реализации программы экономических реформ под лозунгом *xiaokang* – создании общества, гарантирующего благополучие всех граждан. Усилия Дэн Сяопина были сконцентрированы на «четырёх направлениях модернизации» – сельском хозяйстве, промышленности, образовании и науке, обороне. Итогом этих реформ стало превращение коммунистического Китая в мирового лидера, обладающего второй после США экономической мощью.

Характеризуя итоги китайских реформ, Д. Харви в своей книге «Краткая история неолиберализма», в частности, отмечает, что китайская экономика не развивалась бы столь стремительно и не достигла бы столь впечатляющих результатов, «если бы параллельно не происходили значительные и, казалось бы, не имеющие отношения к Китаю процессы в развитом капиталистическом мире, связанные с механизмом функционирования мирового рынка. Начиная с 1980-х неолиберальная политика набирала силу в международной торговле, и в результате весь мир оказался открытым трансформирующему влиянию рыночных и финансовых процессов. В результате этого процесса появилась возможность вхождения Китая в мировой рынок, что невозможно было бы в рамках Бреттон-Вудской системы. Победоносное появление Китая

¹² J.J. Hesse, *Introduction*, [in:] J.J. Hesse (ed.), *Administrative Transformation in Central and Eastern Europe. Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies*, Oxford–Cambridge 1993, p. V.

¹³ J.J. Hesse, *From Transformation to Modernization: Administrative Change in Central and Eastern Europe*, [in:] *Ibid.* p. 220.

в качестве глобальной экономической силы после 1980-го было отчасти непредвиденным последствием поворота к неолиберализму в развитых капиталистических странах»¹⁴.

При этом Китай, двигавшийся «собственным особым путем к “социализму с китайским лицом”» и «отказавшись от “шоковой терапии” немедленной приватизации, которую навязали России и Центральной Европе МВФ, Всемирный банк и “Вашингтонский консенсус”, смог избежать экономической катастрофы»¹⁵. В целом итоги реализации неолиберального проекта оказались крайне удручающими: резкое падение мировых темпов экономического роста, колоссальные экономические и человеческие потери, понесенные, за некоторыми исключениями, всеми странами, ранее входившими в состав СССР и другими государствами Восточной Европы, стагнация в странах Латинской Америки и отсутствие перспектив к лучшему на африканском континенте¹⁶.

Но имелся еще один итог, который стал общим для всех без исключения стран, участвующих в этом дорогостоящем эксперименте: неолиберализация «как процесс, а не как теория, оказался крайне успешным с точки зрения правящей верхушки. Она либо привела к восстановлению классово власти правящей элиты (как в США и до некоторой степени в Великобритании...), либо создала условия для формирования класса капиталистов (как в Китае, Индии, России и других странах). Средства информации отражали интересы правящего класса, а потому оказалось возможным распространение мифа о том, что государства оказывались экономически несостоятельными, так как не были конкурентоспособными (что дополнительно стимулировало спрос на неолиберальные реформы)»¹⁷.

«Таким образом, – резюмирует свой анализ Д. Харви, – мы можем говорить о неолиберализации либо как об *утопическом проекте*, призванном воплотить теоретическую модель реорганизации международного капитализма, либо как о *политическом проекте*, связанном с восстановлением условий для накопления капитала и власти экономической элитой. Я не берусь утверждать, что на практике доминировала вторая из двух целей. Неолиберализация оказалась не очень эффективной для возрождения глобального процесса накопления капитала, но оказалась невероятно успешной в отношении восстановления, а в некоторых случаях и предоставле-

¹⁴ Д. Харви, *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*, Москва 2007, с. 163–164.

¹⁵ Там же, с. 164.

¹⁶ Там же, с. 206–208.

¹⁷ Там же, с. 209.

ния власти новой (как это произошло в России и Китае) экономической элиты»¹⁸.

Анализ Харви опирается и на другой общеизвестный факт: нелиберальные экономические реформы «не только рекомендовались, но и навязывались Востоку посредством финансовой помощи Запада»¹⁹. Первые большие программы такой помощи были сформированы в тесной кооперации между восточноевропейскими правительствами и западными экспертами. По инициативе польского правительства Дэвидом Липтоном и Джефффри Саксом была разработана новая версия концепции «догоняющей модернизации», т.е. перехода социалистических стран к рыночной экономике через «шоковую терапию». «Советское руководство с ней согласилось, а МВФ этому способствовал – “чтобы провести радикальные реформы в той же степени, как они были проведены в послевоенной Германии”»²⁰. При этом, несомненно, искусственно игнорировалось следующее важнейшее обстоятельство: модель, на которой базировалась экономики восточноевропейских стран, была не рыночной, но плановой. Равным образом игнорировался и тот факт, что в результате ранее проведенной *социалистической модернизации* как СССР, так и государства Центральной и Восточной Европы достигли достаточно высокого уровня экономического и технического прогресса, позволявшего относить их к разряду экономически модернизированных стран. Реализация «гарвардского проекта» могла привести не к их реформированию, но к экономической разрухе со всеми вытекающими социальными и политическими последствиями.

В соответствии с новыми перспективами теория модернизации подвергалась в ряде своих аспектов весьма существенной корректировке в духе неоконсервативных идей и проектов. «С начала 1980-х годов, – отмечает К. Мюллер, – “модернизация” проходила под знаком международной политики дерегулирования, которая сильно сократила возможности политического управления... “Модернизация” с 1980-х годов понимается главным образом как исключительно рыночный процесс, который получает свои импульсы из технологических инноваций и либерализации рынков. Комплекс распределительной справедливости и институционального регулирования конфликта интересов были оставлены без должного внимания. И это несмотря на то, что в нем принимаются решения об основах налогообложения, порядке

¹⁸ Р. Гётц, *Теории экономической трансформации*, [в:] П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003, с. 93.

¹⁹ К. Мюллер, *От посткоммунизма к постмодерну?...*, с. 135.

²⁰ Там же.

собственности, производстве коллективных благ и месте общественного сектора»²¹.

В этом плане трудно согласиться с достаточно широко распространенным среди западных политологов мнением, согласно которому антикоммунистическая революция по своему идейному содержанию была «атеоретической» (П. Штомпка), что «этот переворот – революция без исторического прецедента и без революционной теории. Ее отличительная черта – отсутствие заранее разработанных положений и нормативных аргументов по вопросам, кто, при каких условиях, с какими целями выполняет какие действия, с какими дилеммами придется столкнуться и как устроить постреволюционный порядок» (К. Оффе)²².

Действительно, западные международные институты – МВФ, Мировой банк, Европейский банк реконструкции и развития и их эксперты не утруждали себя разработкой специальных теорий трансформации для бывших социалистических стран и использовали вместо этого «арсенал уже имеющейся в их распоряжении теории в виде программы “Структурная адаптация для развивающихся стран”. Они рекомендовали ее правительствам трансформирующихся стран и оказывали помощь в зависимости от интенсивности применения данных рецептов»²³. Тем не менее, сторонники концепции «атеоретической революции» не учитывают уже обозначенный выше важный момент, характеризующий как интеллектуальную, так и практически-политическую стороны посткоммунистических переворотов, который свое время был хорошо подмечен Д. Харви. «... Различные группы элит в странах Восточной Европы, – отмечает также по этому поводу Р. Гётц, – оказались особо восприимчивыми к либерализму по учебнику. В то время как прежние представители номенклатуры могли за счет этого демонстрировать свое превращение в демократов и приверженцев рыночной экономики, настоящим противникам бывшего режима максимально далеко зашедшая трансформация представлялась преградой на пути к восстановлению старого порядка»²⁴.

Иными словами, для того, чтобы реализовать практическую задачу создания новой экономической и политической элиты, представители нового молодого поколения коммунистической номенклатуры, занятые преимущественно приватизацией и переделом государственной собственности, не нуждались в особо сложных теоретических изысканиях и спорах подобно тем, которые вели социалисты и коммунисты начала XX века. Для этого было достаточно поручить университетским интеллектуалам, перешедшим

²¹ Там же, с. 138.

²² Там же, с. 132; К. Оффе, *Дилемма одновременности...*, с. 7.

²³ Р. Гётц, *Теории экономической трансформации...*, с. 91.

²⁴ Там же, с. 93.

на их сторону и достаточно освоившимся в новой «референтной группе», зачитывать те или иные неолиберальные тексты применительно к тем или другим идеологическим кампаниям и политическим «мероприятиям».

Другим аспектом новой модели стал еще один важный тезис, выкристаллизовавшийся из опыта постсоциалистических трансформаций: *демократизация является предпосылкой экономической либерализации*. Он основывался, в первую очередь, на необходимости решения двуединой задачи – создание в чрезвычайно короткие исторические сроки нового класса предпринимателей в процессе реставрации частной собственности и соответствующего типа социально-экономических отношений наряду с одновременным формированием механизмов эффективного демократического контроля над частнособственнической стихией «дикого капитализма», характерной для раннего исторического этапа «первоначального накопления». «Рыночная экономика, возникающая в Восточной Европе, – отмечает К. Оффе, – по своему происхождению является “политическим капитализмом” – в отличие от ее западного образца. Она будет капитализмом, насаждаемым реформаторской элитой. При этом движущий мотив – не дополитическое (локковское) естественное право *собственника* на свою собственность и на свободное распоряжению ею. Напротив, движущим мотивом в развитии капитализма становится заинтересованность всего *общества* в эффективном экономическом механизме... Возникает парадокс: в обществах советского типа с их политически насажденной деполитизацией демократия становится необходимой предпосылкой экономической либерализации»²⁵.

Постсоциалистическая трансформация стала реализовываться в тот исторический период, когда западный мир вступил в новый период развития, наложившего отпечаток на его экономику, политику, культуру, моральные и социальные основы жизни. Этот новый поворот в направлении формирования принципиально нового порядка, некоторые ученые называют «постдемократией». Под постдемократией, – отмечает, например, британский политолог К. Крауч, – понимается «система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, остаются на своем месте... Я не утверждал, что мы, жители сложившихся демократий и богатых постиндустриальных экономик Западной Европы и США, уже вступили в состояние постдемократии. Наши политические системы все еще способны породить массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсуль-

²⁵ К. Оффе, *Дилемма одновременности...*, с. 12–13.

тантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам. Феминистское и экологическое движение служат главными свидетельствами наличия такой способности. Я пытался предупредить, что, если не появится других групп, способных вдохнуть в систему новую жизнь и породить автономную массовую политику, мы придем к постдемократии. Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно также постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии»²⁶.

В рамках такой перспективы большинство посткоммунистических стран оказываются в очень сложном положении: обладая только внешними атрибутами демократических режимов, они явно демонстрируют тенденцию к формированию собственной версии «постдемократии», лишённую каких-либо преимуществ традиционных западных демократий. Рецидивы «дикого рынка», криминализации экономических структур и общества, разгул бюрократизма, сопровождающие движение в сторону рыночной экономики постоянно подпитываются ретроградными процессами на Западе, свидетельствуя о том, что современный мир вступает в новую фазу развития.

Трансформация обществ реального социализма была процессом возврата или реинтеграции в социальные, политические и экономические структуры, для преодоления которых они были когда-то созданы. Легитимирующую основу этого процесса большинство постсоциалистических стран нашли в различных формах политического и экономического либерализма, вернувшись тем самым и на идеологическом уровне к учению, возникшему в ранний период эволюции капитализма. Эта тенденция усиливалась отмеченным выше изменением цикла развития западных обществ, в частности – стремлением неоконсерваторов «свернуть» структуры «общества благосостояния» под аналогичными либеральными лозунгами классического капитализма.

В этом плане неудивительно, что в условиях тотального господства в посткоммунистических странах неолиберальной догматики, обосновывавшей необходимость искусственного создания власти новой экономической и политической элиты и, до известной степени, являвшейся идеологическим

²⁶ Там же, с. 132; К. Оффе, *Дилемма одновременности...*, с. 7.

коррелятом апатии и приватизма, этот процесс сопровождался, как и в тоталитарный период их истории, множеством легенд и мифов. Как справедливо отмечал Х. Видра в предисловии к сборнику статей с характерным названием «Демократия и миф в России и Восточной Европе»: «В то время как Россия до 1917 г. создала “бутафорский конституционализм”, Восточная Европа видела неудавшиеся демократические эксперименты. Коммунистическая власть в России и Восточной Европе после 1945 г. полагалась на конституционные мифы, культ личности и догматический марксизм-ленинизм, а равным образом и на эсхатологический миф о переходе к коммунизму. Соответствующая литература о демократизации в посткоммунистической Восточной Европе не только скрывала этот парадокс, но и использовала его в целях навязывания программы истины. Демократия была сведена к институционализации основанной на интересах партийной политики, руководимой интересами и знаниями просвещенных элит, которые смастерят, разовьют и консолидируют демократию. После 1989/1991 гг. парадигма “перехода к демократии” приобрела квази-мифический характер, равным образом, как и идея ее проектного учреждения в политическом плане, ставшая необсуждаемой. Недавнее исследование “Создавая капитализм без капиталистов” доказывало, что посткоммунистические общества не только развивают новые формы капитализма, но что этот новый опыт также вынуждает нас пересматривать классические подходы к капитализму. В условиях отсутствия при коммунизме класса частных собственников в Центральной Европе другая социальная страта – культурная буржуазия (*Bildungsbürgertum*) возложила на себя историческую миссию строительства капиталистического экономического порядка. Капитализм вступил в Восточную Европу не через профессиональную элиту, но опираясь на гуманистически ориентированных интеллектуалов»²⁷.

РЕЗЮМЕ

В статье демонстрируется – каким образом различные концептуализации модернизации могут приводить к совершенно различным объяснениям и заключениям в отношении динамики демократизации и вообще политических изменений в посткоммунистическом мире. Послевоенный опыт коммунистического Востока акцентировал стремление преодолеть недоразвитость, стимулируя экономический и политический прогресс. Специфические характеристики посткоммунистического

²⁷ *Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*, edited by Alexander Wöll and Harald Wydra, London–New York 2008, с. 2.

транзита фактически состоят в том, что они свидетельствуют не только о политической трансформации от тоталитарного режима к плюралистической демократии в странах Центральной и Восточной Европы, но одновременно и к экономической трансформации от плановой командной экономики к свободной рыночной экономике и гражданскому обществу, основанному на принципе свободных ассоциаций. В 1995 г. А. Пшеворский отмечал, что крах коммунизма в Восточной Европе широко интерпретировался как триумф демократии и капитализма. Новые посткоммунистические страны избрали стратегию заимствования политической, экономической и культурной организации, уже существовавшей повсеместно в развитом капиталистическом мире со свойственными ему демократией, рыночной системой и индивидуалистической, ориентированной на потребление культурой. Школа транзитологии, которая стала к этому времени очень влиятельной, возможно, «в глубине души» не возлагала слишком больших надежд на широкое распространение демократии, но все же подчеркивала, что именно выбор политических акторов играет жизненно важную роль в отходе от авторитаризма. Решительно возражая против подобного взгляда, противники транзитологических подходов настаивали на том, что история посткоммунистических стран вообще и коммунистическое наследие, в особенности, так или иначе, исключают неуклонное движение в направлении либеральной демократии. Они, в частности, утверждали, что фундаментальный разрыв отделяет, по крайней мере, половину коммунистических стран от Запада, и, следовательно, – от демократии. В рамках подобной стратегии модернизация становится синонимом интернационализации и сводится к интеграции в мировую экономику в соединении с имитацией экономических, политических и культурных образцов, превалирующих в развитых капиталистических странах. Однако немногие политики полностью отдавали себе отчет в том, что в развитых демократических странах демократические институты и типы капиталистической экономики имеют значительные различия. Более того, те, кто стремится подражать этим странам, часто забывают о многих примерах провала капитализма в достижении процветания или демократии.

Vladimir Aleksandrovich Gutarov

CONCEPTIONS OF MODERNIZATION IN THE POST-COMMUNIST DISCOURSE

The article demonstrates how different conceptualizations of modernization can lead to very different explanations and conclusions about both the dynamics of democratization and political change in post-communist world. The postwar experience of the communist East has constituted an attempt to overcome underdevelopment and establish economic and political progress. The specific characteristics of the post-communist transition consist in the fact that we are witnessing not only a political transformation from a totalitarian regime to a pluralistic democracy, but at the same time an economic transformation from a planned command economy to a free market economy in Central and Eastern Europe and

a transformation towards a civil society with free associations. In 1995 A. Przeworski noted that the fall of communism in Eastern Europe has been widely interpreted as a triumph of democracy and of capitalism. The new post-communist countries have chosen a strategy of adopting political, economic, and cultural organization already existing elsewhere – democracy, markets, and an individualistic, consumption-oriented culture that dominates the advanced capitalist world. The school of transitology, which was very influential at the time, may have had low expectations concerning the spread of democracy at heart but it also stressed that in the heat of the transition from authoritarianism it was only the political actors' choices that were of vital importance. Staunchly opposed to this view, the opponents of the transitology approaches argued that the history of the post-communist countries, and the communist legacy, in particular, more or less ruled out a steady movement toward liberal democracy. They claimed, in particular, that a fundamental gap separated at least half of the former communist countries from the West and, by extension, from democracy. In this strategy, modernization becomes synonymous with internationalization: integration into the world economy, combined with an imitation of economic, political, and cultural patterns prevalent in the advanced capitalist countries. However few politicians fully realized that both democratic institutions and capitalist economies differ in significant ways even among the developed democratic countries. Moreover, those who seek to imitate these countries often forget that there are many cases in which capitalism has failed in generating either prosperity or democracy.

KEY WORDS: *modernization, post-communism, transitology, liberal democracy, economic transformation, free market, internationalization, capitalism*

Библиография

- П. Дуткевич, *Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей*, “ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза” 2006, № 4.
- К. Крауч, *Постдемократия*, Москва 2010.
- трансформации в сравнительной перспективе*, Санкт-Петербург 2003.
- Д. Харви, *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*, Москва 2007.
- П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003.
- Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*, edited by Alexander Wöll and Harald Wydra. London and New York 2008.

- S. Eisenstadt, *Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency*, "International Social Science Journal" 1992, № 133.
- Chr. W. Haerpfer, *Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. The Democratization of the General Public in Fifteen Central and Eastern European Countries, 1991–1998*, London–New York 2002.
- J.J. Hesse (ed.), *Administrative Transformation in Central and Eastern Europe. Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies*, Oxford–Cambridge 1993.
- A. Przeworski, *Capitalism and Social Democracy*, Cambridge; Paris 1985.
- A. Przeworski, *Sustainable Democracy*, Cambridge 1995.
- E. Tiryakian, *The Changing Centers of Modernity*, "Comparative Social Dynamics", Boulder (CO) 1986.

Артем Юрьевич Каратеев

Электронные документы, электронный документооборот и электронная демократия в России

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

электронный документ, электронный документооборот, электронное правительство, электронная демократия, межведомственное информационное взаимодействие

Предпосылки развития новых технологий обмена данными

Последние 20 лет стали в России временем расширения использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в самых различных сферах. Если в 80-е годы внедрение компьютерной техники затрагивало, главным образом, только научные и крупные производственные организации, а использование ее в органах власти или в быту было довольно редким (в основном, как тогда представлялось, в силу ее высокой стоимости), то в 90-е годы ситуация принципиально поменялась. Персональные компьютеры оказались доступны большей части населения и стали важным атрибутом домашней обстановки семьи среднего класса. Компьютерная техника появилась в офисах частных компаний, массово возникших в постсоветский период. Помимо исчисляемых выгод от использования ИКТ, немаловажную роль в этот период играли соображения престижа – иметь дорогостоящую технику было модно, профессия программиста стала одной из самых популярных и высокооплачиваемых. Компьютеризация России представлялась многими признаком перехода страны к западным стандартам жизни и культуры производства. Компьютеризация провела границу между руководителями «старыми» (выходцами из советской системы управления) и «новыми» (получившими свои посты на волне Перестройки и последовавших событий). «Старые» руководители, как правило, скептически относились к внедрению

ИКТ и, хотя и не отказывались совсем от них, продолжали работать с бумажными документами, не испытывая доверяя к новой импортной и дорогостоящей технике. «Новые» руководители охотно ставили в свои кабинеты персональные компьютеры, самостоятельно работали на них и требовали компьютерной грамотности от подчиненных. Для многих из них, надо полагать, наличие компьютеров на рабочих столах было самым зримым доказательством произошедших в стране перемен.

В те же годы осознается необходимость обмена данными между компьютерами, и организации создают компьютерные сети. Затем закономерно возникает задача обмена данными не только внутри организаций, но и между ними. Во второй половине 90-х годов в России получает развитие Интернет, однако еще до этого в стране предпринимаются попытки организации межведомственного обмена, например, на базе сети «Искра», созданной еще в советское время в качестве выделенного канала связи для органов государственной власти. Пропускная способность сетей долгое время затрудняла передачу изображений, видео- и звуковых записей, больших объемов текстовых документов. Все это, а также перебои в работе сетей и другие сложности в обмене данными заставили каждую организацию создавать собственные базы данных (знаний): о клиентах, поставщиках услуг, товарах и так далее. В результате базы различных организаций в значительной мере повторяли друг друга, информация о каждом гражданине дублировалась в нескольких десятках баз государственных органов: начиная от поликлиники, в которой он лечился, и до органов Министерства внутренних дел, ведавших выдачей паспортов. Вследствие ошибок при вводе данные о гражданине в одном ведомстве могли отличаться от данных в другом ведомстве, что создавало дополнительные неудобства.

Тем не менее, появлялись и централизованные базы данных, доступные широкому кругу пользователей. По инициативе коммерческих компаний, создавались базы нормативно-правовой информации, базы адресов и телефонов и так далее. Большим подспорьем стало появление таких носителей информации, как емкие и дешевые лазерные диски.

Первое десятилетие XXI века принесло решения многих технических проблем, тормозивших развитие и распространение ИКТ. Произошла массовая «интернетизация» населения России, государственных органов, предприятий. С 2000 по 2010 годы число Интернет-пользователей выросло на 1826%. При этом доля населения в возрасте от 18 лет, пользующаяся Интернетом, составила в 2010 году только 37 %, что было существенно ниже показателей развитых стран¹. На порядок выросла пропускная способность

¹ *Развитие Интернета в России*, <http://ria.ru/infografika/20100930/280796937.html>, 30.09.2010.

каналов связи, как внутренних, так и внешних. Получили широкое распространение мобильные устройства. Выросли вычислительные мощности компьютеров, практически неограниченными стали возможности по хранению информации. Эти и другие достижения создали основу для развития и распространения технологий электронного документооборота, ставших базовыми для концепций предоставления государственных услуг в электронном виде, а также концепций электронной демократии.

Автоматизация документооборота и электронный документооборот

Вопреки расхожему мнению, первые подходы к использованию ИКТ в области управления документами были сделаны еще в советское время. Одним из примеров являются работы, проводившиеся в 80-е годы в аппарате Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС)². Уже тогда было осознано, что применение информационных технологий может повысить эффективность управления и скорость прохождения документов, упростить их поиск, снизить потери информации.

В течение долгого времени ИКТ играли, скорее, вспомогательную роль, осуществляя так называемую «поддержку бумажного документооборота», что было характерно для всех стран. То есть использование электронных систем не приводило к отказу от традиционного создания бумажных документов с печатями, подписями и прочими реквизитами, и обмена ими. В документах, где фиксировались сведения о том, кто, кому и когда передал бумажный документ, кому и когда он был выслан. Сведения о самом документе в электронных системах ограничивались несколькими атрибутами, как правило, номером, датой создания, названием, автором документа. Однако даже только это одно усовершенствование имело большое значение, позволяя быстро формировать списки документов по определенным признакам, получать статистику о движении документов, отслеживать предусмотренные законодательством или внутренними правилами организации сроки обработки (исполнения) документов, а также легко находить данные о нужном документе (где, у кого, на каком этапе обработки он находится).

Такую технологию с трудом можно было назвать электронным документооборотом. По сути, это были учетные системы, электронные картотеки, системы *автоматизации бумажного документооборота*. Их совершенство-

² *Особенности национального документооборота*, http://www.eos.ru/pk6/work/press_center/detail.php?ID=4281 (дата обращения 26.04.2015).

вание шло по пути усложнения регистрационной карточки документа, куда можно было вносить все больше и больше сведений о документе, например, указывать адресатов исходящего из организации документа с тем, чтобы последние печатались потом автоматически на почтовом конверте.

Революционным шагом на пути развития таких систем стала техническая возможность прикрепления к регистрационным карточкам файлов с текстами или отсканированными образами документов, появившаяся благодаря росту возможностей вычислительной техники и компьютерных сетей. Теперь уже для ознакомления с документом пользователю не было необходимости брать в руки бумажный документ. С этого момента можно отсчитывать начало эпохи собственно систем *электронного документооборота*, получивших краткое наименование «СЭД».

Технические проблемы развития электронного документооборота в России

Электронная подпись

В первое десятилетие нынешнего века системы электронного документооборота быстро совершенствовались, предоставляя пользователям все больше различных возможностей, однако ряд действий по-прежнему требовал работы с бумажными документами. Это касалось, например, процессов визирования и подписания документов. Появление электронных подписей значительно упростило этот процесс, но здесь развитие электронного документооборота столкнулось с проблемами юридическими – требовалось на нормативном уровне уравнивать в правах бумажные документы, визированные и подписанные традиционным способом, и электронные документы, подписанные электронными подписями. В России Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» появился в 2002 году, однако на практике большинство организаций и государственных ведомств и сейчас продолжают использовать традиционные способы визирования и подписания документов.

Причин такой ситуации несколько. Во-первых, положения закона в ряде моментов расходились с аналогичными иностранными документами и предусматривали довольно сложную процедуру организации применения электронных цифровых подписей. Закон подвергся критике экспертного сообщества и в настоящее время заменен новым Федеральным законом «Об электронной подписи» 2011 года. Во-вторых, использование цифровой подписи требовало изменения других нормативных актов

и ведомственных инструкций; возникла необходимость разработки специальных регламентов использования нового вида подписи в организациях. В-третьих, не был проработан механизм обеспечения долгосрочного хранения документов, подписанных электронной подписью, что фактически вело в будущем к потере электронным документом своей юридической значимости. В-четвертых, играло (и продолжает играть) роль недоверие к новым формам документов и новым способам обеспечения их юридической значимости. Как для населения в целом, так и для значительной части чиновников привычным является бумажный документ, заверенный подписью и печатью.

Архивы электронных документов

Другой сложной проблемой развития электронного документооборота стал вопрос организации архивов электронных документов. В каком виде (в каком формате и на каких носителях) должны храниться отработанные электронные документы? Как должны систематизироваться? Как должна обеспечиваться их сохранность? Это все вопросы, которые встали перед архивными работниками во всем мире и потребовали, по сути, перестройки сложившейся за века традиции хранения документов. В России, да и в других странах, многие из поставленных вопросов все еще ждут своего решения. В рамках настоящей статьи нет возможности детально описывать существующие проблемы архивной отрасли и предпринимаемые шаги к их решению, но важно отметить, что решение этих проблем может повлечь за собой и перестройку сложившихся уже правил электронного документооборота.

Взаимодействие между системами электронного документооборота

Следующей важной задачей стало обеспечение обмена данными между системами электронного документооборота. Действительно, ситуация получалась парадоксальная, когда в Организации 1 создавался электронный документ, с ним шла работа в электронном виде, а затем, для передачи в Организацию 2 он распечатывался на бумаге, подписывался, на нем ставилась печать, и по почте или курьером этот документ отправлялся в Организацию 2. В Организации 2, где тоже была установлена СЭД, на документ создавалась новая регистрационная карточка, заполнялись нужные реквизиты, а сам бумажный документ сканировался и прикреплялся в виде файла к регистрационной карточке. Такая практика была и остается типичной для большого числа российских организаций.

Естественным выходом предоставлялось наладить обмен документами между организациями в электронном виде, минуя стадию передачи бумажного экземпляра, которая может занимать от нескольких часов до нескольких дней. Однако сперва требовалось решить ряд проблем:

Во-первых, Организация 1 должна формировать документ в таком формате, который был бы понятен в Организации 2, то есть между ними должен быть обговоренный формат обмена данными. Особенно сложной эта проблема оказывается, если в организациях стоят разные системы электронного документооборота разных разработчиков.

Значительным шагом вперед в этом вопросе стало создание национального стандарта ГОСТ Р 53898-2010 «Системы электронного документооборота. Взаимодействие систем управления документами. Требования к электронному сообщению», который описал рекомендуемый формат обмена данными между СЭД. Стандарт стал примером успешной совместной работы представителей бизнес-сообщества, общественных и научных организаций, показавшим, что эти структуры способны к самоорганизации и самостоятельной выработке правил работы.

Во-вторых, при обмене электронными документами важно было гарантировать неизменность и сохранность передаваемых документов в целях сохранения их юридической значимости. Для этого использовались и используются электронные подписи, шифрование данных, защита каналов связи и иные средства.

Особый интерес представляет опыт России по организации механизмов электронного взаимодействия и документооборота между органами государственной власти, о котором будет рассказано ниже.

Государственное регулирование

Стоит отметить, что в течение долгого времени государственные органы не оказывали существенного регулирующего влияния на процесс развития электронного документооборота в России. Однако с начала нулевых годов федеральный центр стал активнее принимать нормативные акты, затрагивающие сферу ИКТ, электронного документооборота, электронного правительства и электронной демократии. Регулирование стало необходимым – как для разрешения возникавших споров, так и для определения правил на будущее, в целях обеспечения юридической значимости электронных документов, их сохранности и так далее.

Важным моментом стало появление государственных концепций: была принята Федеральная целевая программа «Электронная Россия», действовав-

шая в 2002–2010 годах. Несмотря на то, что программа не достигла заявленных целей, она была важна как осмысление современного положения ИКТ в стране и дальнейших направлений развития.

Процесс государственного регулирования, тем не менее, не был стабильным, после пика законотворческой деятельности 2002 года наступил спад. Новая волна нормативных актов, затронувших ИКТ, началась в 2006–2008 годах.

Вместе с тем, даже в период спада нормотворческой деятельности на федеральном уровне, довольно активно этот процесс шел в регионах, которые часто попросту были вынуждены решать встававшие перед ними вопросы. Особенно это касалось тех регионов, где электронный документооборот внедрялся в органах государственного управления.

За последние годы были приняты Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», ставящая целью повышение качества жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий, и другие концептуальные документы.

Что касается конкретных проблем и их решений, то здесь дела обстоят не так гладко. Прежде всего, в российском законодательстве нет единых требований к сфере электронного документооборота, а имеющиеся требования – не всегда совершенны. Упомянутый выше Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» 2002 года не был единственной государственной инициативой, вызвавшей бурное обсуждение в экспертном сообществе. Резкой критике подвергались и подвергаются и другие законопроекты. Критикуется как общее направление законотворческой деятельности, игнорирование ряда важных для развития электронного документооборота проблем, так и качество законопроектов, а также квалификация тех, кто эти законопроекты разрабатывает, не просчитывая всех последствий принимаемых решений. «В результате, – заявила один из ведущих российских экспертов в области электронного документооборота, член ARMA International³ Наталья Храмовская, – мы получаем иногда даже худшее нормативное регулирование, чем было до того. И поэтому совершенно понятно, что в такой ситуации одна из особенностей нашего рынка – это то, что нам приходится достаточно часто, в том числе и при разработке программного обеспечения, действовать на свой страх»⁴.

³ ARMA International – Association of Records Managers and Administrators.

⁴ Н.А. Храмовская, *Есть ли будущее у СЭД/ЕСМ систем? Выступление на 21-й международной конференции-выставке по управлению информационными ресурсами*

Также государственные регулирующие органы, а также организации, реализующие государственные проекты нередко обвиняются в неэффективном или нецелевом использовании выделенных средств, неэффективном управлении, рассогласованности действий.

Вместе с тем существуют и положительные сдвиги: за последние годы при создании нормативной базы все больше внимания уделяется иностранному опыту, иностранным подходам и стандартизации в области электронного документооборота. Тем не менее, очевидно, что требуется более активное взаимодействие нормотворческих органов с бизнес-сообществом, экспертами в области ИКТ и документооборота, разработчиками программного обеспечения, с другими государственными органами.

Межведомственное взаимодействие и предоставление государственных услуг

Одним из важных направлений государственной деятельности в последние годы стало создание механизмов и правил межведомственного электронного документооборота и взаимодействия.

В мировой практике сложились два подхода к созданию механизмов межведомственного электронного документооборота. Централизованный подход предполагает создание единого центра обработки данных и четких требований к форматам обмена данными. Информация из одного ведомства поступает в центр, а затем направляется другому ведомству-адресату. Децентрализованный подход не предполагает создания такого центра, требования к форматам обмена являются более мягкими, ведомства сами выстраивают каналы связи между собой.

В России довольно давно сложилась ситуация, затруднившая реализацию централизованного подхода. Еще в первой половине 90-х годов ряд ведомств приступил к разработке систем автоматизации документооборота, различных картотек и баз данных. Как такового рынка СЭД в России на тот момент не существовало, не было и зарекомендовавший себя системы, которую можно было бы взять в качестве базовой для всего государственного сектора, а иностранные разработки были малопригодны для использования ввиду специфики российского документооборота. В результате системы проектировались для конкретных заказчиков с учетом их нужд и требований, но почти без всякого расчета на будущие потребности в интеграции различ-

и электронным документооборотом «Docflow 2015», 19 мая 2015 г., Москва, <http://www.docflow.ru/2015/materials/video.php?login=yes>.

ных приложений и межведомственный обмен данными. Этот будущий обмен данными, по причине тогдашнего состояния технических средств, казался слишком отдаленной перспективой.

Когда же уже в нынешнем веке технические возможности позволили осуществлять межведомственный обмен или даже произвести интеграцию систем, выявился целый ряд организационных и юридических проблем, мешающих этому.

Во-первых, специально разрабатывавшиеся под требования заказчиков системы за годы эксплуатации и модернизации стали настолько специфичными, что в разных ведомствах не совпадали форматы представления данных. К примеру, в Ведомстве А регистрационная карточка документа имела 25 полей для заполнения, а в Ведомстве Б – 35. В Ведомстве А номер документа был числовым полем, а в Ведомстве Б – текстовым и так далее. Соответственно, обмен данными между Ведомством А и Б требовал либо создания специального конвертера, либо кропотливой и медленной дополнительной ручной работы.

Таким образом, удобство работы каждого в отдельности ведомства при децентрализованном подходе (за счет максимально приспособленной под требования ведомства системы) компенсируется неудобством обмена данными с другими ведомствами. Несложно посчитать, что если 5 ведомств имеют различные системы, то для обмена данными между ними необходимо создать 20 конвертеров (для обмена данными между 2 ведомствами требуются 2 конвертера: из формата первого ведомства в формат второго и из формата второго в формат первого).

Во-вторых, вопрос интеграции систем (например, в рамках перехода к единому центру обработки данных) фактически не рассматривался, поскольку по сложившейся в еще советский период традиции каждое ведомство полагает накопленные в ходе своей деятельности документы своеобразной собственностью и мало расположено делиться этой собственностью с другими ведомствами или даже просто передавать ее куда-то на хранение. Таким образом, сыграла роль традиционная разобщенность российских ведомств, которые даже в периоды сильной централизации сохраняли относительную автономность друг от друга.

В-третьих, сотрудники ведомств крайне опасаются утечек информации, хотя, как понятно из здравого рассуждения, большая часть ведомственного документооборота не представляет ценности для кого-либо вне этого ведомства.

В настоящее время в России созданы системы, которые используют одновременно оба подхода – централизованный и децентрализованный.

В 2009 году было утверждено создание системы межведомственного электронного документооборота (МЭДО) для организации взаимодействия

СЭДов органов государственной власти. Цель использования системы – сокращение времени прохождения документов между организациями и контроль исполнения поручений.

МЭДО состоит из головного узла, связанного защищенными каналами связи с узлами ведомств. Обслуживание системы осуществляет Федеральная служба охраны (ФСО). По каналам МЭДО осуществляется как передача самих электронных документов, так и информация (уведомления) о прохождении документов между организациями, о порядке исполнения документов. Данные передаются в едином формате обмена, что требует наличия конвертеров из формата, который используется в СЭД ведомства, в формат МЭДО и обратно.

Годом позже, в 2010 году, было утверждено создание единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) для предоставления государственных услуг в электронной форме и организации взаимодействия между ведомствами в ходе предоставления этих услуг.

Возможности СМЭВ позволяют заявителю подать электронный запрос на получение услуги (1), приложить к запросу необходимые данные и документы (2), осуществлять обмен данными между ведомствами в процессе обработки запроса (3), отслеживать ход предоставления услуги (4), передавать заявителю результаты обработки его запроса (5).

Использование СМЭВ позволило ускорить предоставление ряда государственных услуг и упростить действия заявителей. Согласно Федеральному закону № 201-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010, ведомства, оказывающие услуги, не должны теперь требовать от заявителей предоставления документов и информации, которые находятся в распоряжении других организаций – эти данные должны получаться ведомством-исполнителем по каналам СМЭВ.

Взаимодействие ведомств в рамках СМЭВ осуществляется по децентрализованному варианту – каждое ведомство само разрабатывает приложения для оказания услуг (сервисы СМЭВ) и определяет, какая ему нужна информация и в каком формате от других ведомств.

Предоставление государственных услуг в электронном виде стало значимым признаком модернизации и практической реализацией принципов социального государства. На сегодняшний день успешно действуют как федеральные, так и региональные порталы по предоставлению населению государственных услуг: <https://www.gosuslugi.ru>, <https://pgu.mos.ru> и другие. Порталы позволяют частным и юридическим лицам оставлять заявки на услуги или осуществлять их в режиме on-line. С их помощью можно оформить паспорт или записать ребенка в детский сад. Московский портал городских услуг <https://pgu.mos.ru> предоставляет 285 услуг, на нем заре-

гистрировано 4,5 миллиона пользователей⁵. Общегосударственный портал государственных услуг <https://www.gosuslugi.ru> помимо заявок на оказание услуг позволяет оставить отзыв о работе того или иного ведомства или о качестве предоставленной услуги. Согласно данным Министерства связи и массовых коммуникаций, в 2014 году электронными государственными услугами воспользовались 35,2% граждан России, что на 4,4% больше, чем в 2013 году. Такой рост свидетельствует о том, что далеко не все потенциально заинтересованные в услугах лица используют порталы. Кроме того, обращает на себя внимание разброс показателей по регионам. Например, в Татарстане электронными государственными услугами пользуются 63% населения, в Тамбовской области – 10%, в Дагестане – 2,8%⁶. Качеством предоставляемых электронных услуг полностью удовлетворены 57,5% их пользователей. Эти факты несомненно свидетельствуют о том, что есть много проблем, среди которых и низкая информированность населения, и низкий уровень доверия, и низкий уровень обеспеченностью каналами и средствами связи, и недостаточный уровень оказания самих услуг, неудобство организации их предоставления и так далее.

Неравномерность развития

Согласно международным рейтингам, еще 5 лет назад Россия занимала промежуточное положение между странами, очевидно неготовыми к электронному правительству, и странами, имеющими высокую степень готовности. Рейтинг ООН 2014 года поставил Россию по показателю EGDI (E-Government Development Index) на 27 место в мире⁷, что свидетельствует об успехах проведенной за последние годы работы. Россия вдвое сократила разрыв с Эстонией, которая в деле развития электронного правительства считается самой передовой страной на территории бывшего Советского Союза, и вышла на первое место по Восточной Европе. Однако эти рейтинги (особенно для крупных стран) дают очень приблизительное положение о реальном состоянии дел.

В частности, для России характерны существенные различия по регионам и ведомствам. Различные регионы и ведомства развиваются неравномерно, и наряду с организациями, которые работают на уровне лучших мировых

⁵ <https://pgu.mos.ru/ru/about> (дата обращения 26.04.2015).

⁶ *Доля граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 году, превысила 35%*, minsvyaz.ru/ru/events/33078/, 23.04.2015.

⁷ *United Nations E-Government Survey 2014*. New York, 2014. P. 31. <http://unpan3.un.org/egovkb/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>.

стандартов и могли бы послужить примером на международном уровне, существуют организации, продолжающие вести традиционный бумажный документооборот. Конкретная ситуация зависит как от готовности перейти к электронному документообороту, так и от имеющихся в распоряжении ресурсов для такого перехода: достаточного финансирования, квалифицированных кадров, воли руководства. Естественно, что разные организации и регионы имеют различные ресурсы и разные уровни готовности. Более того, бумажный документооборот в различных организациях также организован с различной степенью эффективности, что не может не влиять на успешность перехода к электронному документообороту.

Такая «многоукладность» создает дополнительные сложности и на пути выработки единых стандартов электронного документооборота и разработки и совершенствования существующих СЭД, и на пути организации межведомственного электронного документооборота и организации оказания в электронном виде государственных услуг населению.

Утвердившееся на практике за государственными ведомствами право иметь произвольные СЭД подстегнуло развитие рынка программных продуктов в России, а с другой стороны обернулось дополнительной проблемой для самих ведомств – среди многих решений им нужно выбрать подходящее, либо сформулировать требования к разработке собственной системы. Тем не менее, вопрос о создании единой СЭД для государственных органов сейчас не стоит, хотя разговоры об этом велись продолжительное время. Тут можно винить запаздывающее государственное регулирование – очевидно, что тот момент, когда плюсы от внедрения единой СЭД покрыли бы с избытком издержки на переход с различных систем, был упущен. Многие ведомства уже давно создали собственные системы, учитывающие их правила работы, и наладили процессы обработки документов. Что-либо менять без серьезного повода им явно нет смысла...

В этом отношении Россия (наряду с США и другими странами) пошла не самым рациональным путем. Другой вариант автоматизации можно увидеть на примере Норвегии или Австрии, где разработка и внедрение систем документооборота шли позднее и более централизованно, где с самого начала была осознана важность единых стандартов представления и хранения информации.

Особую сложность для России имеет ситуация на местном, муниципальном уровне. Тут особенно остро сказывается нехватка ресурсов, необходимых для перехода на электронный документооборот. В районном центре с несколькими тысячами населения значительно сложнее найти средства и грамотных специалистов, чем на федеральном или региональном уровнях.

Одним из вариантов решения проблемы муниципальной автоматизации является использование облачных технологий. Конечный пользователь получает систему электронного документооборота в виде облачного сервиса, он оплачивает абонентскую плату за его использование, но при этом не тратится ни на дорогостоящее серверное оборудование для обработки и хранения информации, ни на покупку СЭД, ни на дорогих специалистов по обслуживанию техники и программного обеспечения (все это берет на себя владелец облачного сервиса). Подобное решение было представлено, например, в 2012 году компанией «Ростелеком», однако проект не получил ожидаемого развития.

Сложность положения на местном уровне, существующие различия в уровне автоматизации между регионами уже осознаны федеральным центром. Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» предполагает улучшение каналов связи, решение острых вопросов стандартизации и другие мероприятия, направленные на сглаживание различий в развитии между регионами.

Мифы и мода

Парадоксально, но такая наукоемкая и передовая отрасль, как ИКТ, испытывает на себе влияние моды и мифологизированных представлений. Более того, рационалистически настроенным специалистам по ИКТ и руководителям профильных служб бывает крайне сложно признать такое влияние.

Мы уже отметили выше, что обладание компьютерной техникой в 90-е годы было вопросом престижа как для частных лиц, так и для организаций. Популярностью пользовалась профессия программиста. Справедливости ради стоит сказать, что популярность была во многом оправданной – в отличие от представителей многих других профессий, российские специалисты по информационным технологиям быстро завоевали признание во всем мире. Однако на практике возможности программистов и создаваемых ими автоматизированных систем в области документооборота были сильно переоценены.

Бывший в ходу два десятилетия назад тезис «компьютеры решат все проблемы» довольно быстро показал свою несостоятельность: компьютер может решить только те проблемы, которые перед ним ставит человек. После объектом упования стали автоматизированные системы. Новый тезис «автоматизация решит все проблемы» и на сегодняшний день продолжает быть в России актуальным. При этом забывается, что автоматизация – сама по себе не является решением проблем, а только средством решения. Сама по

себе автоматизация не может наладить эффективное взаимодействие сотрудников в организации и искоренить рассогласованность действий работников или ведомств. Решить эти проблемы могут организационные меры, создание регламентов взаимодействия, повышение грамотности и ответственности персонала и другие подобные мероприятия. «Если в вашей организации беспорядок, – предупреждают эксперты, – то после внедрения автоматизированной системы у вас будет автоматизированный беспорядок».

Компании, разрабатывающие и внедряющие СЭДы, нередко свидетельствуют о завышенных ожиданиях российских клиентов. Между тем, переход на автоматизированный, а тем более электронный, документооборот требует совместных серьезных усилий и от компании-исполнителя, и от организации-клиента. Зачастую клиент оказывается не готов прикладывать усилия в проекте внедрения, мотивируя это тем, что он и так делает свой вклад, оплачивая работы. Однако практика показывает, что при автоматизации делопроизводственных процессов необходимо менять внутренний порядок работы и регламентирующие его документы. Компания-внедренец может лишь дать свои рекомендации к таким изменениям, но, понятное дело, не имеет права эти изменения произвести. В результате может сложиться ситуация, при которой технические возможности внедренной СЭД используются далеко не полностью, так как сотрудники организации-клиента не смогли договориться об удовлетворяющем всех порядке работы в ней.

Естественным выходом здесь видится развитие сектора консультационных услуг при подготовке к внедрению систем, однако не все потенциальные клиенты готовы платить за них и не так уж много на российском рынке экспертов, которые могли бы такие услуги оказывать. Рынок этот специфичен, поскольку в России много особенностей в документообороте и много особенностей в законодательстве, что затрудняет выход на него иностранных консалтинговых компаний.

На автоматизацию в России существует определенная мода, хотя можно утверждать, что пик ее пройден. Принято и престижно иметь сайт организации. Но далеко не все осознают зачем это нужно. Поэтому многие сайты российских организаций имеют неплохой дизайн, но бедны информацией или содержат устаревшие недостоверные данные (например, телефоны уже не работающих сотрудников или прошлогодний график работы или устаревшие расценки на услуги).

Распространенные представления и всеобщая «мода» на высокотехнологичные устройства и программные продукты создают ситуацию, в которой заказчик (орган власти, коммерческая компания), начиная внедрение этих устройств и продуктов, не осмысливает целей внедрения, не оценивает адекватно возможных приобретений и потерь, не оценивает стоимости про-

екта. Тут, правда, следует оговориться, что, как показывает мировой опыт, вообще оценка выигрыша от внедрения ИКТ-систем – один из тонких моментов.

Электронная демократия

Все упомянутые выше изменения – распространение компьютеров в органах власти и различных организациях, компьютеризация населения, развитие в России Интернета, обмена электронными документами, внедрение электронного документооборота – создали предпосылки для развития таких феноменов, как электронное правительство и электронная демократия.

При обсуждении состояния и перспектив развития электронной демократии в России часто на первый план выдвигаются такие негативные явления, как недостаточно высокий уровень развития каналов связи и подключения населения к Интернету, низкий уровень политической культуры и осведомленности населения, противодействие государственных структур и другие причины.

Действительно, процент населения, использующего Интернет, в России заметно ниже, чем в Германии или США⁸. Тем не менее, имеется положительная динамика, демонстрирующая, что Россия постепенно догоняет лидеров.

С недостаточным уровнем политической культуры и осведомленности дело обстоит сложнее. Один из ярких примеров – нечеткость представлений о сути электронной демократии. Понятия «электронная демократия» и «электронное правительство» стали популярными и часто используемыми, однако их суть остается туманной для значительной части тех, кто их использует. Обнаруживается и разница в понимании этих понятий в России и других странах, что видно на примере сравнения соответствующих статей «Википедии».

Русскоязычный сегмент «Википедии» трактует электронную демократию как «форму демократии, характеризующуюся использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как основного средства для коллективных мыслительных (краудсорсинг) и административных процессов (информирования, принятия совместных решений – электронное голосование, контролирование исполнения решений и т. д.) на всех уровнях – начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным»⁹.

⁸ *United Nations E-Government Survey 2014*. New York, 2014. P. 125. <http://unpan3.un.org/egovkb/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>.

⁹ *Электронная демократия*, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B4

Согласно англоязычной «Википедии»: «E-democracy <...> incorporates 21st-century information and communications technology to promote democracy. That means a form of government in which all adult citizens are presumed to be eligible to participate equally in the proposal, development, and creation of laws. E-democracy encompasses social, economic and cultural conditions that enable the free and equal practice of political self-determination»¹⁰.

Как видно, определения различны по своей направленности и акцентируют различные признаки электронной демократии. Если англоязычное определение ставит в центр гражданина и говорит о его правах, то русскоязычное ставит в центр технологии и полно канцеляризм. Думается, это неслучайно: в России электронная демократия нередко рассматривается как один из элементов государственного управления (в этом смысле характерно встречающееся смешение в публикациях и обсуждениях понятий «электронное правительство» и «электронная демократия»). Часто под электронной демократией понимают именно электронное правительство – то есть использование ИКТ для оказания государством услуг и информирования населения о работе органов власти. С этих позиций качество электронной демократии оценивается по шкале скорости и качества услуг, а также оперативности информирования.

«Россияне не понимают, что такое электронная демократия», – заявляют авторы статьи, опубликованной осенью 2013 года по следам исследования, проведенного разработчиком программного обеспечения «SAP» и ВЦИОМом¹¹. 41% опрошенных полагают, что электронная демократия – это право граждан свободно высказывать свои политические убеждения в Интернете¹².

Наш тезис заключается в том, что одним из наиболее критичных факторов, негативно влияющим на развитие электронной демократии в Российской Федерации, являются проблемы в области электронного документооборота между ведомствами и гражданами, включая и низкий уровень доверия к этим механизмам.

Если проанализировать механизмы электронной демократии, то есть: общение граждан с помощью сетей для обсуждения различных общественных и политических вопросов (1), механизмы для публикации и продвижения инициатив граждан (2), механизмы сбора голосов за инициативы (3), механизмы передачи инициатив в государственные органы (подача пети-

¹⁰ <https://en.wikipedia.org/wiki/E-democracy> (дата обращения 26.04.2015).

¹¹ ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения.

¹² *Россияне не понимают, что такое электронная демократия*, <http://www.amic.ru/news/236049>, 27.09.2013.

ций) (4), механизмы работы с инициативами в государственных органах (5), механизмы отслеживания действий, предпринимаемых государственными органами по поступившим к ним инициативам (6), электронное голосование (7), то мы увидим что проблемы развитости и качества электронного документооборота являются критичными для ряда из них. Так, скорость, качество и прозрачность работы с инициативами граждан в государственных органах (а это пункт, который вызывает сейчас самую большую критику) напрямую зависят от налаживания эффективного внутриведомственного и межведомственного электронного документооборота. И отмечаемое противодействие государственных структур развитию электронной демократии, думается, связано во многом с имеющимися неясностями процедуры работы с инициативами граждан, как эта работа будет выстраиваться не на уровне концепций, а на уровне регламентов. При нерешенности многих вопросов внутриведомственного и межведомственного электронного документооборота – работа с инициативами и обращениями граждан воспринимается в ведомствах в качестве дополнительной проблема.

Для организации обсуждения общественных и политических вопросов, публикации и продвижения инициатив сейчас в России достаточно возможностей – есть социальные сети и специализированные площадки (как поддерживаемые государством – например, «Российская общественная инициатива» www.roi.ru, – так и условно оппозиционные: «Демократия2» <http://democrata2.ru>, «Демократор» <http://democrator.ru> и другие). Все они позволяют опубликовать свою инициативу и собрать голоса в ее поддержку. Однако вызывает нарекания дальнейшая технология обработки инициатив. Например, согласно законодательству, собравшие нужное количество голосов инициативы на www.roi.ru передаются на рассмотрение экспертным советам ведомств. Как обеспечить прозрачность работы этих советов, тем более что уже имели место случаи, когда экспертные советы отклоняли инициативы, собравшие необходимое количество голосов? Как предотвратить возможную «накрутку» голосов, подозрения в которой возникают у некоторых экспертов на основе анализа динамики поданных голосов по нескольким конкретным инициативам? Не нарушает ли используемый на www.roi.ru порядок идентификации голосующих один из основополагающих для демократических процедур принцип тайного голосования? Очевидно, что развитие электронного документооборота не в состоянии дать ответы на все эти вопросы, но может существенно помочь в их поиске.

Обращает на себя внимание и тот факт, что основные концептуальные документы в области применения новых технологий обмена данных – программа «Электронная Россия», действовавшая в 2002–2010 годах, программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», Стратегия развития инфор-

мационного общества в Российской Федерации и Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утвержденные в 2008 году, – не содержат упоминаний про электронную демократию как целостное явление.

Заключение

Таким образом, видна тесная связь между использованием организациями электронных документов, переходом на электронный документооборот и такими явлениями, как электронное правительство и электронная демократия. По всем этим направлениям Россия находится если и не в числе лидеров, то в группе стран, идущих за лидерами. Движение России в сторону модернизации процессов документооборота, оказания государственных услуг можно назвать относительно стабильным и уверенным. Хотя следует признать, что с развитием электронной демократии дело обстоит сложнее.

Среди факторов, усложняющих модернизационные процессы в сфере перехода на новые технологии обмена данными, можно назвать своеобразие российских традиций документооборота и управления, которые затрудняют использование зарубежного опыта, недостаточную развитость в регионах каналов связи, недостатки нормативно-правовой базы. Имеют также значение и «нетехнические» факторы, влияющие и на население в целом, и на представителей бизнеса и государственных органов. Это бытующие мифологизированные представления, недостаточный уровень знаний, осведомленности и политической культуры.

РЕЗЮМЕ

Яркий пример модернизационных процессов в современной России – это переход на новые технологии обмена данными.

Статья посвящена становлению электронного документооборота, электронного правительства и электронной демократии. Сейчас в России эти направления рассматриваются как инструменты повышения эффективности государственного и корпоративного управления, обеспечения прав и свобод граждан, упрощения процедур обращения в государственные и иные органы.

Хотя в целом Россия идет в общем для большинства стран направлении, существует ряд проблем, обусловленных специфическими российскими причинами.

Artem Karateev

E-RECORDS, E-RECORDS MANAGEMENT AND E-DEMOCRACY IN RUSSIA

Usage of new data exchange technologies is an abundant evidence of modernization in contemporary Russia.

The paper concerns emerging process of e-records management, e-government and e-democracy. All these phenomena are considered in Russia to be the instruments to increase public administration and corporate governance efficiency, to provide rights and liberties, to simplify citizen's appeals to authorities.

Although Russia follows the general trends, there are some problems specified by particular local conditions.

KEY WORDS: *E-record, E-records management, E-government, E-democracy, Inter-departmental informational interaction*

Библиография

Доля граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 году, превысила 35%, minsvyaz.ru/ru/events/33078/, 23.04.2015.

Особенности национального документооборота, http://www.eos.ru/pk6/work/press_center/detail.php?ID=4281 (дата обращения 26.04.2015)

Развитие Интернета в России, <http://gia.ru/infografika/20100930/280796937.html>, 30.09.2010.

Россияне не понимают, что такое электронная демократия, <http://www.amic.ru/news/236049>, 27.09.2013.

Н.А. Храмовская, *Есть ли будущее у СЭД/ЕСМ систем? Выступление на 21-й международной конференции-выставке по управлению информационными ресурсами и электронным документооборотом «Docflow 2015», 19 мая 2015 г., Москва*, <http://www.docflow.ru/2015/materials/video.php?login=yes>.

United Nations E-Government Survey 2014. New York, 2014. P. 31. <http://unpan3.un.org/egovkb/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>.

United Nations E-Government Survey 2014. New York, 2014. P. 125. <http://unpan3.un.org/egovkb/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>.

*Ирина Алексеевна Василенко,
Лариса Григорьевна Титаренко, Малгожата Абассы*

Политические ценности демократии в России, Беларуси и Польше: сравнительный анализ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*политическая культура, политические ценности, демократия,
сравнительный анализ, Россия, Польша, Беларусь*

В современном мире все страны Европы в той или иной мере разделяют такие базовые политические ценности демократии, как свобода, равенство, братство, социальная справедливость. В этом смысле Россия, Польша и Беларусь не исключение. Несмотря на значимые расхождения в оценках тех или иных политических событий на международной арене, даваемые на уровне государственных деятелей, а также на оценки состояния демократии в России и Беларуси, предлагаемые организацией Freedom House, народы этих стран – каждый по-своему – поддерживают демократические идеи и принципы.

И это не случайно: со времен Великой Французской революции свобода, равенство и братство были живо восприняты русской, белорусской и польской интеллигенцией и прочно вошли в политический дискурс России и Польши. Беларуси тогда не существовало на политической карте, но белорусские интеллектуалы ничем не отличались в этом смысле от польских, т.к. в течение предшествующих двухсот с лишним лет белорусские земли, вплоть до разделов Польши в конце XVIII в., входили в состав этого государства. Но если мы внимательно присмотримся к содержанию этих понятий в политических культурах указанных стран и в прошлом, и в настоящем, то увидим различия в их интерпретации.

Не будем забывать, что демократия возникла в каждой стране на почве менталитета и духовных ценностей населяющих ее народов, в данном слу-

чае – представляющих центральную и восточную части славянских земель. Именно поэтому надо рассматривать демократию и другие политические ценности народа, учитывая не только исторические и политические факторы развития страны, но также и ее культуру. Демократия – это феномен, который в равной степени совмещает культуру и политику.

Остановимся сначала на России и Польше. С 1054 г. (раскол христианства) Польша и Россия пошли разными путями исторического и культурного развития: Польша находилась под влиянием Рима и являлась частью так называемой *Pax Latina*, а русские княжества, приняв крещение из Византии, определили себе как принадлежащие к *Pax Orthodoxa*. С того времени, вплоть до Средних веков, история двух стран в культурном отношении формировалась как история институтов Костела и Церкви. Христианский фактор обусловил культурное единство России и Западной Европы по отношению к другим религиям, в том числе исламу. Ведь центральная фигура Католичества и Православия – это Христос, который первым выдвинул основной для демократии принцип равенства всех людей, вне зависимости от пола, национальности, вероисповедания. Этот фактор нельзя недооценивать, потому что ни ислам, ни такие религиозно-философские системы как, например, буддизм, не признают абсолютного равенства всех. Идея Христа-человека создала основу для уважения к личности понимаемой как отражение божественности. [Vardy 2012: 19–20]. Поэтому и сегодня многие социальные философы, социологи, антропологи поддерживают идею христианского происхождения прав человека [Йоас 2011: 44–48]. Что касается белорусов, начиная с XIV века их княжества были частью Великого Княжества Литовского, в котором не существовало доминирующей религии, поэтому в нем мирно жили и православные и католики и представители других религий. Только в XVI веке, когда это княжество подписало унию (договор) и вошло в конфедерацию с Польшей, католичество стало доминировать, а православие притесняться и вытесняться из культуры белорусов. Была создана особая Униатская церковь, сохранившая православные обряды, но подчиненная Риму, и большинство белорусов стали униатами. Поэтому религиозный плюрализм и толерантность стал отличительной чертой белорусов, начиная с этих исторических времен, что не могло не отразиться на их менталитете¹.

В эпоху Просвещения сакральный фактор в восприятии личности отошел на задний план, но он остался по-прежнему силен как неотъемлемая часть национального российского и польского менталитета. Его скрытый

¹ По данным социологического мониторинга в 2013г., более 95% опрошенных белорусов назвали религиозную ситуацию в стране спокойной, и 97% сказали, что права верующих никто не нарушает (Республика Беларусь, с. 87).

смысл отражен в семантике русского слова *лик*² и польского – *oblicze* [Bartnik 2008: 156]. В белорусском языке есть слово «твар», однако т.к. на территории Речи Посполитой доминировал польский язык, белорусы были вынуждены пользоваться именно им. Таким образом, главная, хотя спрятанная очень глубоко, идея демократии, восходит корнями к раннему христианству. Она объединяет верующих поляков, белорусов и россиян на уровне менталитета. Это первый, очень важный, уровень демократии: понимание кто такой человек и восприятие им другого человека как свободного и бесценного существа. Идея ближнего и заповедь Христа: «*Возлюби ближнего своего как себя самого*», - вмещает общность судьбы всех людей.

В то же время Православие и Католичество заложили основы существенных культурных различий в понимании многих ценностей, которые являются базовыми для формирования демократических идеалов. И это вполне предсказуемо и типично для многих других культурных регионов: так, исследования в рамках *Арабского барометра* показали, что менее 20% населения арабских стран понимают демократию в том же духе, что и на Западе, для остальных демократия просто означает «доброе», «хорошее».

Истоки различий в трактовке ценностей в нашем исследовании уходят своими корнями в своеобразие интерпретации проблемы добра и зла в православной и католической культурах. С.Аверинцев в известной статье «Византия и Русь: два типа духовности», попытался провести параллели между истолкованием добра и зла в российской и европейской культурах. Он обратил внимание на то, что на Западе между Добром и Злом, между светом и тьмою, живет по своим законам естественный мир, область государства и права, в которой действуют нормы учтивости и контракта. Сама идея «общественного договора» как источника земной власти восходит к трактатам отцов-иезуитов. Если все люди – грешники (пребывают «во зле»), то их надо защитить друг от друга нормами государственного общежития. В русской культуре между Добром и Злом такой «промежуточной» области нет, считает Аверинцев: «Русская духовность делит мир не на три, а на два – удел света и удел мрака...» [Аверинцев 1988: 234–235]. На территории Северо-Западного края Российской империи (так назывались белорусские земли, вошедшие в состав России после третьего раздела Польши в 1795 г.)

² Лик – «лицо; изображение лица (на иконе)», облик, прилик м., прилика ж. «приличие, манеры», слик «сравнение», (сюда же лицó), укр. Лик «изображение, икона», русск.-цслав. Ликъ, ст.-слав. лице прѣсѣлов, болг. Лик ликъ, ст.-слав. лице прѣсѣлов, болг. Лик „картина; цвет лица”, сербохорв. ликъ, род. п. лика „лицо, форма, образ”, словен. lik „фигура, образ, изображение”, чеш. líce „щека, лицо”, польск. lice „щека, лицо”, в.-луж., н.-луж. lico „щека”. М. Фасмер, <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-6895.htm> (09.01.2015).

доминирование католицизма было насильственно искоренено в первой половине XIX в., а иезуиты запрещены указом царя Николая I. Белорусское население было постепенно возвращено в Православие, за исключением западных регионов, где католицизм сохранил свои позиции и сильное влияние на менталитет жителей вплоть до наших дней. Подавление восстания Калиновского в 1863-4 гг. практически завершило этот религиозный процесс, однако религиозная двойственность культуры и менталитета белорусов сохранились.

Таким образом, сначала католичество, а затем секуляризация культуры Запада создала условия для преобладания нейтральной сферы в восприятии мира. Загробный мир католического западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое, и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым в реальной жизни западного Средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни «святыми», ни «грешными», ни «государственными», ни «антигосударственными», ни хорошими, ни плохими [Лотман, Успенский 1977: 4].

В русском культурном сознании преобладала дуальность, которая отразилась в российской политической культуре: «Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности. Если продолжить наш пример, то ей было свойственно членение загробного мира на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер не предусматривалось. Соответственно и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым. Это распространялось и на внецерковные понятия: так, светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда как нейтральная по отношению к этим понятиям» [Лотман, Успенский 1977: 4].

Однако эта интерпретация дуальности в русской культуре представляется нам не совсем точной. На самом деле между уделом света и уделом мрака, на границе обоих царств, стоит русский человек, и сражения между добром и злом происходят в его душе. Если на Западе для контрактных отношений открыта область естественного, область государства, то в русской культуре – область духовная, сама человеческая душа: “Живая душа русского народа, создавшего Россию не только как государство, но и как нацию и культуру, как цельный духовный организм, для нас есть непосредственно данный, опытно сопереживаемый факт” [Карташев 1996: 135].

Федор Достоевский, которому было дано заглянуть в тайны русской души, воскликнул: “Широкий русский человек, я бы его сузил!”. Как художник Ф. Достоевский образно почувствовал главную проблему – сакральный

выбор между Добром и Злом решается в России в глубинах человеческой души. Политическая борьба была и остается здесь борьбой за идеи и идеалы – “сузить” эту борьбу невозможно. Именно поэтому для российской политики особое значение имеет вопрос о ценностях, которые движут людьми и определяют их политический выбор.

И здесь возникает вопрос, очень важный для понимания сущности демократия и способов претворения в жизнь ее основных принципов: каково содержание базовых понятий свободы, социального равенства и социальной справедливости в политической культуре каждого народа?

С эпохи Возрождения Западная Европа вступила на путь быстрой индустриализации и укрепления частной собственности. Положение человека в обществе определялось его материальным статусом, который, в некоторой степени, отождествлялся с умением влиять на окружающую среду. Группа мыслителей попыталась определить значение слова прогресс, но уже у самого начала этих попыток проявился двойственный характер прогресса: как совершенствование личности и как материальное благополучие. Вскоре оказалось, что всеобщее равенство и свобода – это лишь возвышенные идеи, едва ли осуществимые на практике.

В XIX веке Александр Герцен и Федор Достоевский с болезненной остротой постигли несовместимость идеалов возвышения личности и материального благополучия для всех. Символом Западной Европы в их глазах стали деньги – *«миллион»*. В письмах *«С того берега»* Герцен писал: «Этот «несчастный, обделенный брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чем его свобода, его равенство, его братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от брата за штыками осадного положения, спасая цивилизацию и порядок!»³. Вторил ему и Достоевский в *«Зимних записках о летних впечатлениях»*: «В самом деле: провозгласили вскоре после него: *Liberte, egalite, fraternite*. Очень хорошо-с. Что такое *liberte*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно»⁴.

³ А.И. Герцен, *С того берега. Статьи. Долг прежде всего*, http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml (08.01.2015).

⁴ Ф.М. Достоевский, *Зимние заметки о летних впечатлениях*, http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0040.shtml (08.01.2015).

Действительно ли свобода и социальная справедливость несовместимы? Исак Берлин заметил: „Свободу человека или группы выбирать образ жизни необходимо дополнить другими ценностями, как равенство, справедливость, счастье, безопасность, общественный порядок.” [Berlin 1969: 30]. Таким образом, все эти понятия тесно связаны между собой. При этом свобода в русском ее понимании – это не столько свобода политического выбора, свобода реализации определенных прав (что первостепенно для поляков и европейцев в целом), сколько возможность «быть самому себе хозяином», это русская «воля». Об этом хорошо сказал Н. А. Бердяев: “Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей” [Бердяев 1990: 14]. И сегодня две трети россиян считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Только треть соглашается с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие. Причем данный результат повторяется от исследования к исследованию на протяжении всех 25 лет реформ, о чем свидетельствуют данные Института социологии РАН [Горшков 2013: 12].

Среди особых российских политических ценностей, которые не актуализированы в европейском массовом политическом сознании, следует назвать феномен «правдоискательства». Русское слово “правда” трудно переводится на иностранные языки. Как отмечает С.Франк, оно одновременно означает и “истину”, и “справедливость”, и “моральное и естественное право” [Франк 1992: 490]. Русский народ всегда искал ту правду, которая “объяснит и осветит жизнь”, правду как “свет... который просвещает каждого человека, приходящего в мир” (Иоанн, I, 9), благодаря чему жизнь может стать подлинной, то есть справедливой. Поэтому и проблему равенства россияне склонны трактовать не столько в пользу равенства всех перед законом, сколько в пользу социальной справедливости. Так, согласно опросам ВЦИОМ за 2012 г., две трети опрошенных (68%) симпатизируют «левым» партиям, ориентированным на социальную справедливость, и столько же – демократическим партиям, защищающим ценности политической свободы и прав граждан. При этом 62% опрошенных выступают за укрепление роли государства во всех сферах жизни⁵. Другим словами, россияне надеются именно на государство в обеспечении политических прав и свобод.

Несколько по-другому понимают эти проблемы поляки и белорусы. Для современных белорусов, живущих в социально ориентированном государстве, именно этот институт оказывается самым важным в обеспечении всех прав и свобод и гарантии социальной защиты. Так, по данным мониторинга

⁵ ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112352> (дата обращения: 26.03.2013).

2013 г., на вопрос, кто может выступать в роли представителя прав и интересов населения, первое место (48%) с большим отрывом от остальных получило государство, второе (29%) – само население [Республика Беларусь, 2014: 16]. В этом смысле белорусы ближе к россиянам, чем к полякам. Однако правдоискательство чуждо белорусам: вместо правды белорусы ищут социальную справедливость, которую – как и россияне – оценивают зачастую выше, чем другие ценности и даже выше, чем закон.

Проблема свободы и социального равенства занимает важное место в польском восприятии мира. Начало формирования шляхетской демократии в XVI веке привело в XIX столетии к созданию гражданского общества, основанного на огромном уважении к индивидуальным стремлениям личности. Из-за политической обстановки в 19 веке проблема свободы рассматривалась как необходимость вернуть Польшу на карту Европы, объединив ее земли. Вследствие такого подхода, свобода, как ценность в личном плане, сильно ассоциировалась со свободой в плане политическом – с польским патриотизмом.

Проблема свободы как политической ценности, составной части демократии и фактора экономических перемен возникла заново в девяностые годы минувшего столетия. В 1999 году польский Центр исследований общественного мнения (CBOS) провел опрос „Свобода и равенство в общественной жизни”. Из результатов опроса следует, что большинство поляков (57%) считает свободу важнее социальной справедливости (35%)⁶. Однако, в прямом отношении к реальной жизни те же люди говорят, что свобода важна как принцип, но в общественной жизни явно не хватает равенства. По результатам опроса равенство – это одинаковые права для всех (92%), возможность получить хорошее образование и профессию (88%); общий для всех материальный уровень жизни (56%)⁷. С другой стороны, поляки критически отнеслись к воплощению в жизнь принципа равенства. Некоторые считают его противоположным принципу свободы, который, в свою очередь, определялся как свобода мнений, действий, образа жизни, возможности полностью воплотить в жизнь потенциал человека как индивидуума.

Свободу важнее равенства оценивают в Польше люди хорошо обеспеченные, с высшим образованием (80%), жители больших городов 74%)⁸. Взаимосвязь ценностей свободы и равенства/социальной справедливости влияет на понимание демократии и осуществление ее принципов на прак-

⁶ Centrum Badania Opinii Społecznej (CBOS). http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2000/K_026_00.PDF (08.01.2015).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

тике. В опросе „Общественное понимание демократического строя”⁹ поляки называли четыре ценности: свободу, социальную справедливость, материальное благополучие, равенство перед лицом права. Свобода является важнее всех остальных ценностей для той части польского общества, представители которой ценят политическую независимость, отсутствие цензуры, возможность повлиять на окружающую среду. Это тоже часть польских правых сил. Интересно, что свободу как главную ценность выбирают чаще мужчины, чем женщины. Социальная справедливость, в свою очередь, ценится среди работников, безработных, работающих в государственных учреждениях и сторонников политических партий левого толка.

Таким образом, за различиями в оценках и интерпретациях ценностей свободы, равенства, справедливости стоит не только национальная культура, но и политические ориентации населения. Правые силы играют в Польше более значительную роль, чем в России, не говоря уже о Беларуси, где к политической оппозиции отрицательно относится 70% населения [Республика Беларусь 2014: 15], а политические партии в целом не играют особой роли в поле политики. В то же время в Беларуси утвердился подход, согласно которому переход к «суверенной демократии» (в белорусском ее варианте) уже завершен [Черняк 2007].

Сложным является отношение россиян, белорусов и поляков к идее демократии как общественного устройства. Не секрет, что в постсоветский период для многих российских и белорусских граждан с демократией был связан ряд негативных коннотаций: она ассоциировалась с развалом советской государственности, экономики, с обострением межнациональных конфликтов, с падением уровня жизни большинства населения. Но сегодня с восстановлением экономики и международного статуса страны, отношение к демократии у россиян несколько сблизились с европейским пониманием. В России сегодня демократию связывают со свободой слова, печати, вероисповедания 44% граждан, но с экономическим процветанием страны – только 28%.

В то же время, россияне стали более позитивно, чем в предыдущие годы, воспринимать ценности национальной самобытности (рост с 9 до 12%) и, особенно, державности (с 9 до 14%). Многие политологи интерпретируют это в контексте потребности восстановления статуса России как мировой державы на мировой арене. Заметим также, что в российском общественном сознании, в отличие от польского, ценности державности и национальной самобытности вполне органично связаны с демократией. При этом современные исследования

⁹ Centrum Badań Opinii Społecznej (CBOS) http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/1995/K_099_95.PDF.

говорят также о том, что свыше половины граждан России убеждены: индивидуализм и либерализм западного типа в стране не подходят, для нее гораздо важнее чувство общности и государственный патернализм.

Отношение белорусов к государственности и демократии сходно с российским. Во-первых, постепенно, с середины 1990 г. и особенно в XXI веке, государственная независимость получала все более высокие оценки, а значит и ценилась выше в общественном мнении белорусов. Во-вторых, государственное устройство республики в общественном мнении ее граждан оценивалось как демократическое, несмотря на острые дебаты по поводу политического режима Беларуси в международных политических источниках. Сегодня, когда Беларусь и Россия входят в два общих надгосударственных объединения – Союз Беларуси и России и Евразийское экономическое пространство – ценность белорусской государственности (а вместе с ним государства и белорусского патриотизма) возрастает. Патриотизм в Беларуси стал такой же важной ценностью, как в России, и связан он с защитой своего суверенного государства.

Таким образом, важно отметить, что специфика трактовки демократии как общественного строя в России и Беларуси не совпадает с пониманием либеральной демократии на Западе, а сама интерпретация модели западной демократии в этих странах скорее негативна, чем позитивна. Например, согласно данным опроса, проведенного в 2006 г. социологами Левада-Центра, 30% россиян считали, что западная демократия стране «не подходит», а 12% – что она «разрушительна, губительна» для России. В опросе 2007 года 48% высказали мнение, что США опасны другим странам, включая Россию, «стремлением внедрять свой образ жизни и демократию по-американски» [Орджоникинде 2007: 36–37]. Схожие данные были получены белорусскими социологами: они зафиксировали низкий уровень либеральных ценностей при приоритете ценностей выживания [Минчане 2006: 19]. Приведенные результаты опросов свидетельствуют, что народы постсоветских стран ищут свои формы политического развития и не хотят слепо копировать чужие модели. Впрочем, в этом нет ничего оригинального или неожиданного. Сложные и противоречивые процессы демократического развития характерны не только для постсоветских стран. Разочарование в западной либеральной форме демократии – это глобальная тенденция. Так, состоявшийся в 2012 г. в Бразилии форум Международной социологической ассоциации наглядно продемонстрировал, что понимание демократии и социальной справедливости в странах «золотого миллиарда» существенно отличается от самобытного («акборигенного») понимания этих политических ценностей в других странах мира, включая Латинскую Америку, Азию, Восточную Европу, Австралию [Вдовиченко 2013: 142].

Если рассматривать демократию как ценность, исследования показывают, что поляки, в принципе, относятся к ней положительно, считая основанное на ней государственное устройство за лучшее из возможных. Такое мнение высказывает сегодня 71% опрошенных¹⁰. Хотя в каждой мировоззренческой и возрастной группе преобладает положительная оценка, однако, сторонников демократического строя значительно больше среди очень молодых людей (18-24 лет), с высшим образованием, стабильной материальной ситуацией, слабо религиозных¹¹. Соответственно, меньше их среди электората ПиС (Право и Справедливость), для которого демократия ассоциируется с такими нежелательными явлениями, как крайний индивидуализм и широкая свобода нравов, но и среди них большинство относится к демократии положительно. Только каждый третий поляк безразличен к форме правления, а возраст респондентов из этой группы указывает на принадлежность к поколению «отцов», то есть людей, взгляды которых складывались в конце восьмидесятых годов прошлого столетия; в основном, это жители маленьких городков и деревень, плохо образованные и с низким материальным статусом. Более половины поляков утверждает, что форма правления имеет для них значение, но среди опрошенных данной группы нет единства в отношении того, какой строй лучше: демократический или недемократический. 21% допускает замену демократии иной структурой правления в чрезвычайной ситуации. Можно предположить, что здесь большое значение имеет чувство безопасности в ситуации, когда демократия ассоциируется со свободой выбора, неконтролируемым экономическим развитием и конкурентноспособностью, а также с отсутствием поддержки со стороны государства. В кризисной ситуации демократия и безопасность, как ценности, противопоставлены друг другу. Идентификация с демократией как ценностью и поддержка для государственной структуры, опирающейся на демократические принципы, коррелирует с высоким уровнем образованности респондентов, их материальным благосостоянием, отказом от религиозных практик, а также с проживанием в больших городах.

Можно сослаться и на другие примеры в мире, когда безопасность и стабильность ставятся на первое место. Даже в США, позиционирующих себя оплотом западной демократии, после роста угроз терроризма, многие граждане стали допускать ущемление их прав в пользу безопасности страны. Вообще, как пишет известный журналист Кристиан Кэрел в статье в журнале «Экономист», для большинства населения демократия – не самоцель, а средство достижения экономического благополучия [цит. по: Снеговая

¹⁰ Centrum Badania Opinii Społecznej (CBOS) http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_042_14.PDF (08.01.2015).

¹¹ Там же.

2015]. Поэтому нет ничего странного в том, что в России и Беларуси часть населения (хотя далеко не все) допускают то же самое, а некоторые социальные группы (особенно социально незащищенные) вообще отдают приоритет сильному политическому режиму, а не демократии.

Тем не менее, нам представляется, что не стоит искать в этих различиях выбранных нами стран «рокового изъяна»: и российский и польский и белорусский пути к демократии – сколь бы они ни различались – одинаково интересны в плане развития национальных моделей демократии. Политологам пора научиться ценить проявления национальной самобытности именно как творческое начало, способное стать движущей силой политического развития общества. С позиций антропологии, человек свободен только тогда, когда может жить в соответствии с тем пониманием свободы, которое сложилось в его родной культуре. Еще более полувека назад, в период образования Организации Объединенных Наций, известный антрополог М. Гершковец и группа членов Американской антропологической ассоциации выступили с меморандумом против принятия Декларации прав человека в качестве основополагающего документа этой международной организации. Они заявили, что стандарты и ценности имеют специфический характер в разных культурах и поэтому всякие попытки навязывать универсальные подходы и формулировки в этой области недопустимы: “... человек свободен только в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе” [Statement in human rights... 1946: 541].

Значение сравнительного анализа в мире ценностей и смыслов состоит в том, чтобы выявить и объяснить различия в понимании политических ценностей для представителей разных культур. Только этот путь поможет им вести продуктивный диалог. Не случайно сегодня универсалистские политические концепции характеризуются как “культурный империализм”. Современная политическая наука должна уйти, наконец, от жестких технологий навязывания единых универсальных норм и правил политической игры и освоить новые – “мягкие” технологии понимания и интерпретации ценностей разных политических культур.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме выявления общего и особенного в системе политических ценностей в разных политических культурах. Авторы на примере трех стран-соседей показывают, что хотя ценности свободы, равенства, социальной справедливости, демократии являются общими для населения России, Беларуси, Польши, имеются

значимые различия в интерпретации их содержания в контексте национальной культуры. Например, свобода для россиян – это не столько свобода политического выбора (как для европейцев), сколько возможность «быть самому себе хозяином». Демократия в российском общественном сознании, в отличие от западного, органично связана с ценностями державности и национальной самобытности, а в белорусском – с социальной справедливостью.

Значение сравнительного анализа состоит в том, чтобы выявить и объяснить различия в понимании политических ценностей у представителей разных культур, что поможет им вести продуктивный диалог.

Irina Alekseevna Vasilenko, Larisa Grigorevna Titarenko, Malgorzata Abassy

THE POLITICAL VALUES OF DEMOCRACY IN RUSSIA, BELARUS AND POLAND: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article demonstrates the general and special aspects of system of political values in different political cultures. The authors of three of the neighboring countries show that although the values of freedom, equality, social justice and democracy are shared by the population of Russia, Belarus, Poland, there are significant differences in the interpretation of their context in the national culture.

KEY WORDS: *political culture, political values, democracy, comparative analysis, Russia, Poland, Belarus*

Библиография

- С.С. Аверинцев, *Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая: Закон и милость*, „Новый мир” 1988, № 9.
- Н.А. Бердяев, *Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*, Москва 1990.
- Л.Н. Вдовиченко, *Социальная справедливость и демократизация*, „Социологические исследования” 2013, № 2.
- М.К. Горшков, *Российская идентичность в контексте западно-европейской культуры*, „Власть” 2013, № 1.
- Х. Йоас, *Макс Вебер и происхождение прав человека*, „Журнал социологии и социальной антропологии” 2011, № 1.
- А.В. Карташев, *Судьбы “Святой Руси”: Церковь. История. Россия*, Москва 1996.

Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века), Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова*, Тарту 1977.

Республика Беларусь в зеркале социологии. Сб. материалов соц. исследований за 2013 год, Минск 2014.

М. Снеговая, *Конец демократии?*, „Ведомости” 2015 17 февраля.

С. Франк, *Духовные основы общества*, Москва 1992.

G. Barty, *La conversazione al cristianesimo nei primi secoli*, Milano 2012.

Cz. Bartnik, *Personalizm*, Lublin 2008.

I. Berlin, *Four Essays on Liberty*, Oxford University Press 1969.

Elena Brodovskaya, Anna Dombrovskaya

Behavior on the Internet of Poles and Russians: results of the comparative cluster analysis¹

KEY WORDS:

*Internet communication, Internet use profile, comparative cluster analysis,
social profiles of use Internet*

Cyberspace phenomenon took the attention of sociologists started studying of characteristics of behavior of people on the Internet. Such interest speaks how the stable growth of Internet audience in our country, and that Internet behavior, being a kind of social behavior, serves as a marker of valuable installations and vital strategy of people. The most intensively virtual space is studied by the western researchers. Among them G. Allen, B. Barber, B. Bimber, F. Cairncross, S. Clark, M. Castells, S. Coleman, A. Etzioni, P. Norris, M. Poster, H. Rheingold, S. Ward, L. Weber.

The behavior of people on the Internet is the indicator of quite wide number of the social phenomena and processes: level of a stratification of society on the basis of access to a global network, the dominating factors – barriers of the Internet involvement, extent of development of telecommunication technologies in the country, degree of openness of political system, motives of use of the World wide web, the main information interests and installations in the sphere of leisure activity. Such strategy of use of the Internet in which social installations and needs of people are reflected, we call behavior types on the Internet. Their allocation and the description is a basis of a clustering of the population on specifics of use of a global electronic network. Typology of Russians on types

¹ Research was financed by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within realization of the state task “Detection of regularities of interrelation of development of political systems and Internet communication” for 2014–2016. Code of the state task 2816.

of the behavior realized by them on the Internet with application of the cluster analysis will allow to reveal the specific weight of the social groups which are characterized by a certain strategy of behavior in a cyberspace and substantially to describe these strategies.

The methodology of World Internet Project (WIP, „the World Internet the Project”), – the international research organization uniting scientists from 50 countries, for a uniform technique which are carrying out the mass polls fixing changes in dynamics, the contents and structure of Internet communication [14] forms a methodological basis of research. Base of carrying out the research WIP in Russia (2012 – until the present) is Institute for High-Hume Technologies in Social Computing Sholokhov Moscow State University for the Humanities. In 2012 the staff of the Institute carried out measurements of tendencies of Internet communication in Russia. In research results World Internet Project in Poland, reported by the Polish national team of this project are also used (N = 2007 respondents, selection is representative on a sex, age, living territory).

For data processing of poll and allocation of types of Internet cultures the method of k-averages of the cluster analysis of SPSS for Windows 18.0 was used. According to essence of a method variables with the interval and serial scales allowing to reveal similarity of objects were applied. Indicators which open behavioral aspect of use of a network are given below:

- Intensity of use of the Internet of the house (in a week),
- Intensity of use of the Internet at work (in a week),
- Intensity of use of the Internet in educational institutions (in a week),
- Intensity of use of the Internet somewhere else (in a week),
- Intensity of use of wireless mobile devices for Internet connection,
- Experience of use of wireless mobile devices for Internet connection,
- Intensity of use of e-mail,
- Intensity of communication in chats,
- Intensity of implementation of phone calls on the Internet,
- Intensity of filling by content of the blog,
- Intensity of placement of the photos or pictures on the Internet,
- Intensity of updating of the status on a social network,
- Intensity of comment activity,
- Intensity of search on the Internet of information connected with travel,
- Intensity of search on the Internet of information on new work,
- Intensity of reading/search on the Internet of jokes, comic content,
- Intensity of search on the Internet of information connected with health,
- Intensity of participation in games on the Internet,
- Intensity of shopping on the Internet,
- Intensity of booking of services online,

- Intensity of payment of accounts online,
- Intensity use online of services of banks,
- Intensity of commission of investments into actions/bonds/funds on the Internet,
- Intensity of search of definition of term/concept of the Internet,
- Intensity of information search about the concrete fact,
- Intensity of information search, connected with education,
- Intensity of distance learning.

Transformation of the selected variables is made for implementation of procedure of detection of similarity of objects and definition of types of behavior on the Internet:

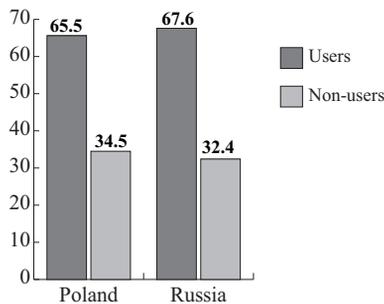
The block of questions of duration of use of the Internet in various places (houses, at work, on study, etc.) are averaged in the new variable „Intensity of Use of a Global Network”. It, on the one hand, allows leveling the distinction caused by the main employment of respondents: study, work, a household as activity dominants, and with another, – allows marking out intensity of use of the Internet.

- In the block of questions of intensity of use of various ways of Internet connection and about experience of application of the mobile Internet version of the answer „I find it difficult to answer” on sense corresponds to version of the answer „I don’t use this party”.
- Z-standardization of all selected variables is carried out.

Before analyzing results of the comparative cluster analysis of profiles of use of the Internet in Poland and in Russia, we will reveal social and demographic structure of users of these countries. First of all we will note that in Poland and Russia approximately identical ratio of users and not users (see fig. 1).

In Poland and Russia approximately each two of three citizens are involved in Internet communication. Also the social and demographic structure of users of these countries is quite similar. The gender isn’t a stratification barrier of use of the Internet: in Poland 66.0% of men and 63.0% of women – users; in Russia a ratio of similar indicators of 68% and 66%.

Figure 1

The age and education serve in Poland and in Russia as equally significant factors of an involvement into Internet-communication. Actually total penetration is characteristic for the younger generation of Russia (99%) and Poland (93%). And, on the contrary, elderly Poles and Russians are quite poorly included in Internet communication: respectively 11.4% and 12.6%. Education for Russians is slightly less important stratification barrier of use of the Internet, as a ratio of users with the high and low educational level of 80.6% and 60.6%. At the same time in Poland these indicators correspond as 70% and 46.5%.

For understanding of specifics of behavior of Poles and Russians in a global electronic network we will consider results of the cluster analysis (see table 1).

Table 1. Results of distribution of types of use of the Internet in Russia and in Poland.

Use profile	Poland	Russian
Human digital	8.2	5.9
Human entertaining	10.5	33.4
Human pragmatic	23.3	4.4
Human traditional	22.5	23.9
Human non-digital	35.5	32.4
Total	100.0	100.0

We will analyze substantial characteristics of the revealed types of use of the Internet as their representation in structure of use of a global network in Russia and in Poland.

The dominating cluster in structure of the Russian users is „Human entertaining”. Apparently from table 1, this type of use of the Internet is the most widespread strategy of behavior in a network for Russians. In Poland representation of this cluster is 3 times less. A social and demographic portrait of the typical representative of „Human entertaining” – the young people and girls of 18–34 years having or who are getting higher education most often single (not married). The Russians and Poles realizing this type of use of the Internet on average more often than others, use a global network almost also intensively outdoors, as well as in house conditions. These people, as a rule, use the mobile phone or the tablets for Internet connection therefore remain online actually constantly. As the dominating motives of use of the World Wide Web for representatives of the considered type entertainment and communication informal online serves. Their substantial characteristics of behavior in a network are defined by it. In particular, representatives like „Human entertaining” regularly (from several times a week before daily practice) make the following actions on the Internet: check/send post

and instant messages, place the content (a photo, video), read blogs, are engaged in search of comic content, play game online, load music, video, movies. Such people significantly more often than other respondents use social networks several times a day. Information behavior – „Human entertaining” almost completely becomes isolated on use of a global network that is expressed in consideration of the Internet as the main source of information, means of entertainment and communication. Enough representatives of the considered type are positive to the Internet as to an implementer of political subjectivity, expressing confidence that use of a global network allows:

- to have more opportunities for realization of the political rights and freedoms;
- to have more opportunities for discussion of actions of the government;
- it is better to understand actions of politicians;
- to realize that government officials have to pay more attention that users of a network think of them.

At the same time, when understanding great opportunities for the Internet in realization of political subjectivity, representatives of the analyzed cluster are apolitical, quite loyal to possibility of strengthening of control from the power over the maintenance of network content more likely and are focused mainly on leisure activity on the Internet.

The second for prevalence among the Russian Internet users is Internet culture of „Human traditional”. In Poland this cluster has approximately same representation in structure of users. Social and demographic signs of typical „Human traditional” – women and men of 45–59 years having secondary vocational education. Their behavior on the Internet is characterized by an irregularity of application of a global network. The people belonging to the analyzed cluster use the Internet generally at home that is connected with two circumstances:

- preference of the home computer for Internet connection;
- opportunity to receive houses the advisory help from younger family members in the course of use of a global network.

On the Internet „Human traditional” have no steady interests. On average several times a month representatives of this type use e-mail, social networks, carry out search of necessary information. In general the Internet is considered by representatives of this cluster as a minor source of information and only as an additional tool of communication. „Human traditional” is a cluster of the people belonging to „Party of the TV” and preferring direct communication. A global network for them – quite poorly mastered space which opportunities are realized by them not fully. In particular, representatives of the analyzed type aren’t ready to express consent to that the Internet allows to understand better actions of politicians or that a global network to force politicians to pay attention that users think of them. Thus, in fact, „Human traditional” is a type of behavior

on the Internet, characteristic, mainly, for that part of the senior age group of Russians who depend on a global network a little, use it as the minor channel of communication and an additional, situational source of information.

The cluster of „Human pragmatic” is a little widespread among Russians, but dominates among Poles. „Human pragmatic” is focused on functional use of a global network: as means of earning money or in professional interests. About two thirds of representatives of the analyzed cluster – the woman (66.5%), about a half of „pragmatists” – at the age of 35–59 years (57.2%), more than a third have incomplete higher or higher education (35.8%). Most often these people use the Internet of the house or at work and use to connection with a global network mainly the computer, is slightly more rare – phone or the tablet. These people quite seldom are interested in entertaining content or social networks; they are focused on information search, necessary for work, professional communication. For the Human pragmatic type consideration of a global network and television as equally significant sources of information and means of entertainment is characteristic. At the same time, on average intensity of use of these mass media doesn't exceed 4 hours a day (for comparison „The person having a good time” spends for use of the Internet till 12 o'clock in day). Therefore it is necessary to call representatives of the analyzed cluster the people making moderate audience of the Internet and television. Use opportunities of realization of consumer activity in a global network of pragmatics quite poorly (most often, because of mistrust to electronic financial operations), as well as resources of realization of political subjectivity.

In Poland and in Russia approximately equal number of the users adhering to strategy of behavior in the Human digital network. It is type of users of a global network for whom the Internet is habitat and vital space. The social and demographic portrait of this cluster is quite accurately outlined: the young people and girls at the age of 18–24 years who are getting higher education and not married. Actually representatives of this type carry out social activity virtually, in a cyberspace. Communication, information search, earning money, purchase of goods and services, realization of political subjectivity and other actions of „Human digital” carries out online. On average such people can use the Internet till 16 o'clock per day. „Human digital” applies all resources and possibilities of a global network much more intensively, than other Internet users. Such distinctive feature of these users as orientation to creation of Internet content is most indicative. „Human digital” are creators of the maintenance of a global network. And these people don't limit filling of Internet content to placement of a photo and video (as in a case with „Human entertaining”), their work on creation of content of a network can include development of the sites, blogs, other Internet resources. „Human digital” is a cluster of so-called Internet fanatic or Internet and

obsessed which recognize quite high importance of the World Wide Web and as implementers of political subjectivity. Representatives of this type not only realize great opportunities for political participation online, but also show the political subjectivity by means of placement of own political comments, and also creation of author's forums and other platforms for discussion of political problems.

Thus, in Poland and in Russia there are some common and peculiar features in behavior of citizens in Internet.

Among common features it is necessary to list:

- level of penetration of the Internet makes two thirds of the population;
- as significant social and demographic stratification factors of an involvement into Internet communication the age and education serve, there is an equality of genders in intensity of use of a global electronic network;
- the least widespread type of use of the Internet are «Human digital» which is characterized by immersion in the Internet and its consideration as vital space;
- it is widely presented in structure of users of the selected countries of «Human traditional», the most characteristic for elderly users and users of pre-retirement age.

Among distinctive features of Internet communication in Poland and Russia it is necessary to pay attention to prevalence of Poles of «Human pragmatic» against statistically not a significant share of the Russians belonging to this cluster. It speaks about perception Russians of the Internet first of all as leisure spaces while Poles use the Internet first of all in the pragmatically purposes.

Elena Brodovskaya, Anna Dombrovskaya

BEHAVIOR ON THE INTERNET OF POLES AND RUSSIANS: RESULTS OF THE COMPARATIVE CLUSTER ANALYSIS

The article presents the results of the comparative cluster analysis of of formation of Internet use profiles in Poland and in Russia by results of mass poll in 2012. The authors defined five types of Internet use profile: «Human digital», characterized by consideration of a global electronic network as vital environment and tool of social activity; «Human pragmatic» for which exclusively functional use of the Internet is peculiar; «Human entertain» as strategy of use of the Worldwide electronic network as means of leisure activity and informal communication; «Human traditional», differing in consideration of the Internet as minor source of information and «Human non digital» connected with refusal of use of a global electronic network. The paper described representation of various clusters realizing different types of Internet use profiles in the Polish society comparing to the Russian society in 2012.

Bibliography

- G. Allen, *Come the Revolution*, Wired 1995.
- B. Barber, *The uncertainty of digital politics: Democracy's uneasy relationship with information Technology*, "Harvard International Review" 2001, № 23.
- B. Bimber, *The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism*, "Polity" 1998, Vol. 31, № 1.
- F. Cairncross, *The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives*, Boston: MA: Harvard Business School Press 1997.
- S.J. Clark, *A populist critique of direct democracy*, "Harvard Law Review" 1998, Vol. 112, № 2.
- M. Castells, *Communication power*, Oxford University Press 2009.
- S. Coleman, *New mediation and direct representation: reconceptualizing representation in the digital age*, "New Media Society" 2005, Vol. 7, № 2.
- A. Etzioni, *The Spirit of Community: rights, responsibilities, and the communitarian agenda*, New York 1993.
- P. Norris, *Digital Divide. Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*, Cambridge University Press 2001.
- M. Poster, *Cyberdemocracy: Internet and the Public Sphere – Internet Culture*, New York: Routledge 1997.
- H. Rheingold, *The Great Equalizer –Whole Earth Review* 1991.
- S. Ward, R. Gibson, W. Lusoli, *Online participation and mobilization in Britain: Hype, hope and reality*, "Parliamentary Affairs" 2003, № 56.
- L.M. Weber, A. Loumakis, J. Bergman, *Who participates and why? An analysis of citizens on the Internet and the mass public*, "Social Science Computer Review" 2003, № 21.
- World Internet Project Access: // <http://www.worldinternetproject.net/#news> (checked on 12.11.2014).

Stanisław Bieleń

***Panrussianism* in Russia's great power and imperial identity**

KEY WORDS: *Russia, great power traditions, imperial identity,
panrussianism*

Russian great power traditions in international relations

Russia, like few other countries, has undergone a profound transformation both domestically and internationally in the past quarter century. These processes have received considerable attention in research and comments. It could be said that the world's libraries have been enriched with thousands of new publications on the subject of Russia, whose authors seek to understand the phenomenon of this great power and predict its development trends. The interest in Russia's policy and strategy has increased, especially after the annexation of Crimea and the revival of *Panrussianism* as a form of legitimizing the identity of Putin's Russia.

The country is a villain in media broadcasts, though it should be admitted that due to the strong axiologization of the Ukrainian conflict, the voiced opinions say more about those who propagate them than about the subject they concern. Fortunately, there is an increasing number of objectivized analyses¹, and voices of criticism towards all the sides responsible for the Ukrainian conflict, not just Russia, slowly make it into media reports.

Russian great power traditions date back to the rule of Peter I and the Northern War, which culminated in the victory over the Swedes at Poltava in 1709. The

¹ See, for example, R. Potocki, M. Domagała, D. Miłoszewska (ed.), *Czas EuroMajdanu*, Warszawa 2014; R. Sakwa, *Frontline Ukraine. Crisis in the Borderland*, I.B. Tauris 2015.

term “great power” accompanied Russia from the middle of the XVIII century, although it was used only at the 1815 Congress of Vienna. Russia was included in the *tetrarchy* of the then-giants – Great Britain, Austria and Prussia – and the European *pentarchy* after France rejoined this circle. *Les grandes puissances* were marked by distinct great power attributes. These included: an effective army to protect the country, an extensive bureaucratic apparatus to control the population and the territory, and an increased role of the civic nation which took over legitimacy from the absolute ruler. Russia met the first two criteria thanks to the consistent policy of Catherine II, but developed a system of tsarist autocracy (*samoderzhaviye*) that contradicted the ideals of the Enlightenment which invoked the social contract and civil rights. But that did not stop it from participating in the European „concert of powers” and acting as one of the stabilizers of the balance of power. The European powers consented to the fact that Russia, citing its tradition and the specific character of its political system, defended the anti-Enlightenment ideas that allowed it to preserve its anachronistic social order in comparison to theirs. Such a stance was aided by the Russian Orthodoxy, which provided the ideological justification for Russia’s imperial mission.

Starting with the Congress of Vienna, Russia demonstrated its great power potential on the scale of the entire European continent. Delivering the decisive blow to the hegemonic aspirations of France, it seized the initiative in the creation of the international order at the time. The Napoleonic invasion of Russia gave birth to the tradition of patriotic wars which saw incredible mobilizations of the entire Russian society. Indeed, the 1812 Patriotic War marks the beginning of the apology of exceptional heroism and fervent patriotism of the Russians, and an extraordinary ability to mobilize any means to defeat the enemy. They will become permanently embedded in the great power identity of Russia.

In the XIX century, Russia began to actively participate in the shaping of Europe’s territorial order. Through the Holy Alliance, which became the ideological underpinning of the post-Vienna Europe for several dozen years, Russia asserted itself as the guarantor of the values identified with the Christian religion, peace and justice. It was about the creation of a single international system, based on legitimacy, the legitimacy of monarchical power, protection of borders and opposition to any revolutionary designs. Monarchs were supposed to bestow constitutions on their subjects, which Alexander did with regard to the Poles, but was unable to do for the rest of the Russian Empire. Other powers did not support Alexander’s far-reaching postulates. Great Britain in particular was opposed to the intervention rule, which meant each of Russia’s partners saw the functioning of the Alliance in a slightly different way. Regardless of all its weaknesses and downsides (primarily related to the preservation of the *status quo*), that was when the system of international consultations and negotiations

(congresses and conferences), which formed the basis of modern diplomacy, was created. Although it was Klemens Metternich, rather than Alexander Romanov, who sponsored the Vienna system, the odium of being the gendarme of Europe fell on Russia, which was primarily related to the suppression of the November uprising in Poland. From that time, Russia came to be associated with imperialism and repressions against oppressed nations, even though such practices were not uncommon in colonial empires of the Western powers.

As Michał Heller wrote in his *History of the Russian Empire*, „the first quarter of the XIX century was a time of Russia's active participation in European affairs. The country prepared for wars, waged them, concluded peace agreements, which allowed for breathing spaces necessary to recover the strength needed for the next war. Policy underwent rapid changes, enemies became allies, allies – enemies”². Alexander I understood that he led a great empire that not only could, but should decide the fate of Europe and the world. It appears that at the Vienna Congress, the Russian diplomacy experienced the psychology of power that, from then on, would push it to interfere in all affairs involving the entire international system.

The crisis of Russia's great power identity began in the middle of the XIX century, when the Viennese order collapsed as a result of the Crimean war, where two Western powers – France and Great Britain – clashed militarily with Tsarist forces. It was also when a split emerged between treating Russia as one of the major players in the European scene and censoring it civilizationally. Western liberal circles mythologized the threat from the despotic Eastern power, which began to be “pushed out” of Europe. It was then that the myth of the antinomy of Russia and Europe was born³. It contradicted the obvious truth that what we have in the case of Russia is a distinctive variant of the civilization originating from the Byzantium, which is undoubtedly part of the European heritage. The effect of antinomy, however, was also deepened by Russian doctrines such as Slavophilism or Panslavism. In military and economic terms, Russia started to clearly lag behind the Western powers, it was losing its prestige and position of a preeminent power in European politics. As Bismarck's *Realpolitik* arrived in the 1860s and 1870s, Russia found itself on the periphery of the great power rivalry. While it took part in the creation of a coalition with France and Great Britain in order to counterbalance the central powers, it lost its credibility as a country able to wage a great war campaign. Its defeat in the war against Japan confirmed these assessments⁴. It took the great campaigns of World War II to restore the Russian army's victorious reputation.

² M. Heller, *Historia Imperium Rosyjskiego*, Warszawa 1997, p. 484.

³ M. Malia, *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horsemen to the Lenin Mausoleum*, Cambridge, MA 1999.

⁴ N.V. Riasanovsky, M.D. Steinberg, *Historia Rosji*, Kraków 2009, p. 434.

A conscious expansionist policy of the Tsarist Russia covered Eastern Europe, Asia and the Caucasus. In a sense, it resembled the westward expansion of the United States in America. The Russian expansion had its beginnings in the campaigns of Ivan IV the Terrible against the Kazan and Astrakhan khanates. The conquest of the Caucasus in the XIX century was paid dearly with blood, and the consequences of the war against the followers of Islam could be felt as many as 150 years later during the 1990s Chechen war. Of course, it was not uncommon to hear justifications that the brutal conquest of the Caucasian and Central Asian peoples was the fulfillment of Russia's *mission civilisatrice* towards the Orient as a whole⁵.

The Soviet era in the history of the Russian empire represented a mixture of imperialism and great power strategy. Stalin's cynicism drove him to an alliance with Hitler and another division of Poland in 1939. As a result of World War II, the USSR became a global superpower, competing with the West, especially the United States, for control over spheres of influence. Unable to match the Western powers in terms of economic potential, the USSR used ideological instruments in its strategy. It is beyond dispute that it imposed imperial domination on many countries (political and ideological diktat), which meant their subjugation. The USSR also supported various revolutionary movements in postcolonial countries economically and militarily, but a deepening atrophy and economic stagnation, growing technological backwardness and a costly arms race resulted in an imperial overstretch that led to the collapse of the empire. Under the rule of Mikhail Gorbachev, the USSR gave up hegemonism in Eastern Europe, consenting to a "velvet" dismantling of the empire. With regard to Western powers, signals were sent that Moscow was ready to abandon rivalry and return to teamwork. These plans failed to be executed. The collapse of the USSR put on the agenda the issues of the identity of the new Russia and its imperial redefinition⁶.

The problem of the identity of the new Russia in international relations

After the collapse of the USSR, Russia became virtually a synonym of its previous imperial incarnation, even though it lost many of the attributes of its past power. It stemmed from a peculiar intertwining of "Russianness" with

⁵ D.R. Brower, E.J. Lazzarini, *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples 1700–1917*, Indiana University Press 1997.

⁶ See more: V. Zubok, *Nieudane imperium. Związek Radziecki okresu zimnej wojny, od Stalina do Gorbaczowa*, Kraków 2010.

“Sovietness”⁷. On top of that, Russia inherited from the USSR the formal attributes of its power status, expressed primarily in its permanent membership in the U.N. Security Council and treaty-based responsibility for post-Soviet nuclear weapons. In reality, however, Russia was significantly weakened both demographically, territorially and economically. It ceased to be the leader of a big bloc of countries situated in Eastern Europe. Its former allies turned towards the West, while some countries in its immediate neighbourhood adopted unfriendly, if not hostile, attitudes. Russia came into contact with various seeds of conflict on its borders, particularly in the Caucasus and Central Asia. As a transcontinental country, it came face to face with colliding civilizational flows from Europe and Asia, the North and the South. Terrorism of various kinds (mostly ethnic and national liberation-oriented, like in the Chechen case) became one of the biggest threats⁸.

The post-Soviet Russia found itself in a dramatic situation that required its identity to be defined. In the first years of the capitalist revolution, it found it difficult to answer questions such as: “who is it”, “what is important for it” and “what does it strive for”. First of all, it had no certainty about its destiny and internal stability in the time to come. It became an unpredictable country. This period was not without reason called the “second smuta”. Multiple existential problems were compounded by axiological disorientation (anomy) and a feeling of loneliness (the strangeness complex). In a situation where previous institutions collapsed and recognized values became obsolete, while the new ones in their place were yet to take hold, when the image of the country both in the eyes of its own citizens and external observers was shattered, and finally, when it was not easy to face the new challenges and threats, there were difficulties in defining how to consciously implement the concept of itself⁹.

In the 1990s, parallel processes of identification on national, state and international levels were taking place in Russia. The nation-state identity was being built on the foundation of coexistence of “the old and the new”, a combination of some features of the previous systemic formation with elements of the new order, and a search for a new face. Reaffirmation of traditional state symbols played an important role in building an international image of this country. Imperial splendour, historical achievements and civilizational merits were highlighted. At the same time, there was a realization that a new identity could only be built by joining the international community, rather than in opposition to the rest of the world. While ideological missions and historic duties were abandoned, the Rus-

⁷ A. Kocho-Williams, *Russia's International Relations in the Twentieth Century*, Routledge 2013, p. 153 and next.

⁸ A. Włodkowska-Bagan, *Rywalizacja mocarstw na obszarze poradzieckim*, Warszawa 2013, p. 87 and next.

⁹ See more: S. Bieleń, *Tożsamość międzynarodowa Federacji Rosyjskiej*, Warszawa 2006.

sian state became a battleground for dramatic ideological and policy confrontations, especially between Eurasians and Atlanticists, power policy advocates and pragmatists, whose visions were marked by appeals to the imperial tradition, great power policy and nationalism. Their striking feature is a clash of two tendencies – opening to Western ideas and values, and seeking refuge in the preservation of the “intrinsic Russian civilization”. The diversity of views is a characteristic feature of the recovery from the Soviet era, with its domination of one ideology and one theoretical vision of social life.

The Russian Federation is a unique country due to its space, geopolitical location encompassing Europe and Asia, a centuries-old power and imperial expansion, long-standing traditions of authoritarian rule, and also natural resources and nuclear weapons. These things determine its important position in international relations. Russia is, above all, a major global exporter of energy carriers, and possesses one of the world’s largest nuclear potentials. It is, therefore, a nuclear and energy power. The nuclear factor works more destructively – it maintains, even strengthens, the world’s mistrust towards Russia. The oil factor works in the opposite way – for the growth of constructive interest in Russia from different countries.

The civilizationally European and geopolitically Eurasian identity of Russia is not two different, but rather inextricably linked sides of its general self-definition in the world. Russia is simultaneously “Europe in Asia” and “Asia in Europe”. The problem is in how it disposes of this specific character of its immanent “dualistic” identity. The priority of the Russian governing elites is economic growth and civilizational development, while democracy and civil society institutions come second. Modern Russia combines formal democratic institutions with strong political leadership that ensures the omnipotence of the state. This raises concerns about consolidation of authoritarian tendencies.

Destabilization in the post-Soviet area, nostalgia for the lost empire, and also strong economic and security linkages led Russia to grant itself a monopoly on playing the roles of the arbiter and guarantor of stability of the so-called near abroad. Not without importance for the Russian perception of the post-Soviet space were changes in the U.S. strategy after the 2001 terrorist attack. Since then, Russia has treated its regional policy as a counterweight to U.S. hegemonic aspirations. Its government and media circles display the syndrome of “encirclement”, as evidenced by further losses in the “near abroad”. The accession of the Baltic republics to NATO and the European Union, then pro-Western moves by countries such as Ukraine or earlier Georgia, have caused severe psychological trauma, reflecting a sense of threat to its existential interests. Thus, relations between Russia and the West have been put to the test of time once again. There is much to suggest that the crisis between Russia and the U.S. and the European Union over the Ukrainian conflict and the annexation of Crimea will lead to a permanent shift towards Asia. That’s

because Russia treats its Asian policy as a counterweight to its marginalization in European affairs, as well as a counterpoint to the global influence of the U.S. The partnership with China is of special importance, as it ensures correlation of efforts in the international arena, in order to build a common front in a multipower and multipolar world. The Russians recognize the rise of Asia and the Pacific in economic relations, they are also not indifferent to the region's security issues. Russia seeks dealings with Asian countries on the basis of compromise and partnership. It is an attractive neighbour in Asia because of its natural resources and military technologies. Russian involvement in Asian affairs is still hindered by Russia's image as a country with an imperialist and colonial past, which up to now has been unable to settle the contentious issues in a treaty form, especially with Japan.

The Russians are in the process of re-evaluating their involvement in international affairs. Their tragedy is the lack of a clear idea where modern Russia could find its place in the global balance of power. The most important problem boils down to overcoming the deeply embedded complex of playing the role of one of the major decision makers. This requires Russia to give up defining its vital interests in terms of its "omnipresence" in the world. Russia needs self-restraint. The paradox is that modern Russia chooses the role of a regional power, declares a continental activity, but continues to engage in tasks that place it alongside powers with global ambitions.

The quest to justify reintegration projects in the post-Soviet space

Vladimir Putin has not only restored stability in foreign policy, but also started drawing up the doctrinal foundations for a new power status. The past decade has demonstrated that Russia has the potential to consolidate its advantage and dominance in Eurasia, just like the U.S. in the Western Hemisphere. Real ambitions and growing capabilities have formed the basis for the creation of a world vision consistent with its national interests. Russia has started showing the world its soft power, based on a willingness to make efforts to gain the greatest possible prestige and the highest possible status in international relations.

At the same time, it has been claimed that Russia has abandoned its „age-old pattern of territorial expansion”, lost its *libido dominandi*, it also doesn't have the power of social motivations, because the Russians are no longer willing to pay a high price for maintaining the empire. Dmitri Trenin has called it the “imperial fatigue” syndrome¹⁰.

¹⁰ D. Trenin, *Post-Imperium: A Eurasian Story*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C. 2011, p. 142.

Regardless of all the doctrinal formulas and Russian renouncements of the imperial idea, it appears that efforts are being made in present-day Russia to rebuild the empire under the guise of various slogans and reintegration projects in the post-Soviet space. The ideas to create the Eurasian Customs Union, the Eurasian Economic Community, or recently the Eurasian Union, are commonly associated with new manifestations of imperialist designs. Russia pushes the slogans of “privileged interests” and “strategic responsibility” in the post-Soviet space, citing “laws of geopolitics”. This tendency can be called different names, referred to imperialism, or a phenomenon of the Russian ideology – Eurasianism. But that does not change the crux of the matter, that it has been one of most important components of Russian soft power in the past two decades¹¹.

A special challenge for Russia’s political influence over the countries of the “near abroad” came with the “colour” revolutions, particularly the “orange revolution” in Ukraine. The Russian elites realized that the West was more successful in promoting its political models and it was able to provide more effective assistance in transition processes. Russia found itself in a situation of “ideological void”, having nothing to impress or attract the post-Soviet republics, especially Ukraine and Georgia. A response to this “void” was the concept of “sovereign democracy” as an offshoot of the Russian “national idea” in the days of Putin’s presidency. Kremlin strategists (Alexei Chadaev, Nikita Garadja, Andrei Kokoshin, Maxim Sokolov, Vladislav Surkov, Vitaliy Tretyakov) dismissed liberal democracy practiced in the West. In their opinion, all the world cannot be arranged according to one model. While the priority for the U.S. democracy is freedom, for the European one – equality, then in the Russian democracy, at this stage, the most important thing is security. The primary objective of the “sovereign democracy” is – as the name suggests – the protection of state sovereignty rather than individual rights. In fact, the aim is to prevent social pressure „from the bottom” and international pressure “from the top”, which led to the „colour revolutions” in Ukraine and Georgia. According to Kremlin specialists, “attempts at so-called democratization” are nothing else but Western desires to “curtail the sovereignty” of the post-Soviet countries. Russia is also becoming such a target. These efforts are supported in Russia by agents of foreign influence – homegrown liberals, human rights advocates, national minorities¹². In the view of Kremlin ideologists, sovereignty is not a right enjoyed by a state or a nation, but it means the potential of a country, its economic independence, military power and cultural identity. Another essential element of a sovereign country is an elite with national views. A national character of the elite is the most important factor determining

¹¹ S. Bieleń, *Oblicza imperializmu rosyjskiego*, [in:] A. Dudek, R. Mazur (eds), *Rosja między imperium a mocarstwem nowoczesnym*, Toruń 2010, p. 25–38.

¹² А. Чадаев, *Путин. Его идеология*, Издательство Европа, Москва 2006.

the strength of a sovereign country. The slogan of “sovereign democracy” is used opportunistically, depending on the current needs of the government. For sovereign democracy is portrayed as a fight against chaos and disorder. It is a kind of state ideology, additionally seasoned with imperial and nationalist sentiments. It forms part of a deliberate strategy by the Kremlin, which strives to make the West believe that Russian democracy has its own specificity¹³.

Countering the activity of Western non-governmental organizations in the „near abroad”, Russia has started to heavily support and finance its own organizations, as well as various think tanks and foundations, with the involvement of the Kremlin’s “political technologists” coming to light (in Ukraine, the Trans-Caucasus, Moldova, Kazakhstan, even the separatist republics of Abkhazia and South Ossetia)¹⁴. The Russians have also banked on the activation of their compatriots – Russian language speakers who inhabit the post-Soviet republics, promoting the concept of the *Russkiy mir* that refers to “variously formulated Russian spiritual space, Russian cultural space, or Russian language space”¹⁵. The *Russkiy mir* has come to be portrayed as a Russian civilizational project¹⁶, with the following features: inter-civilizational “bridge-building”, multireligiosity, multiethnicity, tolerance and inter-confessional dialogue¹⁷.

The Russian government controls mass media, which allows it to maintain a relatively coherent interpretation of events, aimed at both domestic and foreign audience. It should be noted here that the Russian media, television in particular, is highly popular in several countries of the “near abroad”, as well as the Baltic states, among Russian language speakers. The Russian information space is therefore an important determinant of influence in other areas. The media encourages the cultivation of a certain nostalgia for the Soviet empire, creating an impression that Moscow remains the sole guardian of the postimperial legacy, at least in the psychological and intellectual dimension.

Another aspect of the impact of Russia’s political culture concerns the Russian language as *lingua franca* of the entire post-Soviet space. About 100 million non-Russians use the language not only in official contacts. Knowledge of Rus-

¹³ S. Bieleń, *Powrót Rosji do gry wielkomocarstwowej*, [in:] A. Stępień-Kuczyńska, S. Bieleń (eds), *Rosja w okresie prezydentury Władimira Putina*, Łódź–Warszawa–Toruń 2008, p. 237–238.

¹⁴ A. Włodkowska, *Problemy rosyjskiej dominacji na obszarze WNP*, „Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej” 2008, Rok 6, p. 65–83.

¹⁵ A. Curanović, *Czynnik religijny w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej*, Warszawa 2010, p. 214.

¹⁶ The „Russkiy Mir” Foundation operates with government support, has about 50 centers in 29 countries, including the U.S., Germany and China.

¹⁷ A. Wierzbicki, *Russkiy mir jako projekt restauracyjny imperium*, [in:] S. Bieleń, A. Skrzypek (eds), *Rosja. Rozważania imperologiczne*, Warszawa 2015, p. 101–136.

sian helps millions of workers from the “near abroad” to find jobs in Russia, do business, study at universities or communicate at different levels of social life. Russia’s language promotion involves support for Slavic schools, e.g. in Armenia, Azerbaijan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Russian is the second official language, in addition to the national one, in just a few post-Soviet countries, governments in other post-Soviet republics have knowingly moved to downgrade it and reduce education, which has much to do with building a new identity of nations and states.

Russia realizes the greatness of its remarkable culture, without which it is difficult to imagine the European culture. It has a hugely attractive and rich cultural heritage that draws tourists from different parts of the globe. It is the organizer of many major cultural events, takes part in global festivals, exhibitions and other events. The promotion of the film industry, the flourishing literature or modern music determine the attractiveness of Russia across the post-Soviet space.

Russia’s polyethnicity and multiculturalism is its undeniable asset, although it is also a source of contradictions and conflicts. Taking an outside look at Russia’s policy, no one really exposes or demonizes the national, racial, religious and cultural mosaic of *Rossijans*, or citizens of the Russian Federation. Russia is considered to be a relatively cohesive state internally, pursuing a strong and assertive policy. A religious revival and the restoration of unity of the Orthodox Church in the country and abroad are seen against this background. If we assume that the religious factor plays an increasingly important role in Russia’s foreign policy, then from this point of view religion is becoming a major component of Russian soft power¹⁸. And by this, we should mean not only the Orthodoxy, but also Sunni Islam. Russia wants to play an important role in fostering dialogue between different cultures and civilizations – as a power which, due to its trans-continental specificity, and also its unique coexistence of ethnicities and confessions, in particular the Christian Orthodoxy and Sunni Islam, can help to narrow the dramatic gulf between the West and Muslim countries.

Russia increasingly turns to the so-called public diplomacy. Until recently, it was wary of using non-governmental organizations, which it saw as competitors rather than allies for political authorities. Its propaganda often lagged behind modern technologies of country brand and image creation in international relations. But for a few years now, Russia has banked on using public relations measures to create a positive image of itself for foreign policy needs. When chairing the G8 in 2006, the Russians used the services of specialist Western companies to aid their lobbying for Western investments in the energy sector, or win support for Russia’s efforts to be accepted into the World Trade Organization

¹⁸ A. Curanović, *The Guardians of Traditional Values. Russia and the Russian Orthodox Church in the Quest for Status*, “Transatlantic Academy Paper Series”, February 2015, no. 1.

in the next years. The Russian government makes widespread use of RT (*Russia Today*), an English-language satellite television network that was supposed to become a counterweight to BBC and CNN and the interpretation of events they imposed. Since 2005, it has been showing the world from the Russian perspective and confronting stereotypes about Russia. It broadcasts in English, Spanish and Arabic in more than 100 countries of the world. The Russian government also uses the press to advance its international causes¹⁹.

Improving the efficiency of using soft power in foreign policy makes it easier to better understand the Russian state's arguments among other countries, create information, situation and partnership links, which in turn make it possible to build relationships of normality and stability. Taking advantage of cultural attractiveness boosts mutual attraction, effective persuasion and equal dialogue. To this end, the Russians have taken concrete organizational steps, as illustrated by the establishment of institutions specializing in information influence. This includes the September 2008 decision of the RF president to reorganize the Federal Agency for the CIS, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (*Rossotrudnichestvo*). The institution operates outside Russia in the form of branch offices at diplomatic missions and it has taken over the powers of several structures, including the Russian Centre for International Scientific and Cultural Cooperation. The scope of its activity includes extending assistance to foreign partners, coordinating the actions of the Russian diaspora, supporting non-governmental organizations in their international activities, and more. The governmental Commission on Compatriots Living Abroad and the Institute of Diaspora and Integration have similar objectives²⁰. The Russians now realize that building a positive image of their country in international relations is primarily a consequence of improving the economic condition and ensuring a real leadership that could offer other countries not only „hard” security guarantees, but also attractive cultural and civilizational models. Russia will be respected when it shows its innovative, technological and developmental advantages.

Panrussianism as a manifestation of imperial ideology

Russian political leaders tend to express their far-reaching goals and strategic plans in doctrines clad in ideological robes. Thus, the current version of the Russian foreign policy doctrine contains a number of lofty slogans and principles

¹⁹ R. Orttung, *Russia's Use of PR as a Foreign Policy Tool*, „Russian Analytical Digest” no. 81, 16 June 2010, p. 8–9.

²⁰ G. Filimonov, *Russia's Soft Power Potential*, <http://eng.globalaffairs.ru/print/number/Russians-Soft-Power-Potential-15086> (27.03.2011).

consistent both with international law and international morality²¹. Between these slogans and principles, however, you can make out the actual *Realpolitik* assumptions. Russia not only expresses its readiness to defend its compatriots abroad, but it is also determined to make real interventions on this issue. The August 2008 episode of the five-day war against Georgia, as well as the Crimean campaign and the war in eastern Ukraine, are a confirmation of this resolve²².

We are witnessing the birth of a new variety of the imperial ideology, called *Panrussianism*. It means solidarity with the “great homeland”, a desire for a political, not only ethno-cultural and linguistic, identification of the population of imperial lineage with Russia. It brings to mind the historical calls of tsar Alexander or Stalin for national reconciliation in times of great war dangers – the invasions of Napoleon and Hitler²³.

Panrussianism harks back to the ideology of *Panrussism*, which was a binder for all the eastern Slavs at the time of the Russian Empire. Its supporters did not recognize the division of the eastern Slavdom into “three brotherly nations”, i.e. Russians, Ukrainians and Belarussians. *Panrussism* opposed the creation of state borders between the Slavs, invoking such values as: “Russkiy land”, “Russkiy mir”, “Russkiy faith” and “one Russia”. It was connected with the concept of the canonical territory of the Orthodox Church²⁴.

All these values take on a new meaning in the context of today’s glorification of the imperial past. *Panrussianism* does not refer exclusively, though it does not pass over it, to the ethnic identity of “Russkiness”, dating back to the old Rus from the Middle Ages. It points more to fondness and respect for a strong Russian state that was a symbol of patronage over many subjected peoples²⁵. *Panrussianism* is no original and well-considered project that would justify the restoration of imperial Russia. Rather, it is another incarnation of the idea to subordinate other

²¹ M. Leichtova, *Misunderstanding Russia. Russian Foreign Policy and the West*, Ashgate 2014, p. 39–66.

²² J. Sherr, *Hard Diplomacy and Soft Coercion. Russia’s Influence Abroad*, Chatham House 2013.

²³ H. Carrère d’Encausse, *Eurazjatyckie imperium. Historia Imperium Rosyjskiego od 1552 do dzisiaj*, Keęy 2014, p. 272.

²⁴ О. Неменский, «Панрусизм», „Вопросы национализма” 2011, № 3, с. 34–43.

²⁵ Ivan III the Great (1462–1505) was the first to articulate the aspirations for one great Russian state. His reign in the second half of the XV century was about claiming the full Rurik heritage. „Collecting the Russian lands” became an important element of the Muscovite ideology, while the country that assumed the august name of Russia became a symbol of a successful conclusion to this process. The shape of the Russian state’s ideology was influenced by the confrontation with the Catholic Polish-Lithuanian Commonwealth, which resulted in the consolidation of spiritual and secular power under the tsar. The idea of the „Third Rome” provided the grounds for gathering not only Russians, but also other Orthodox nations, around this country.

nations and a form of additional legitimacy for the claim to rule the post-Soviet space. Russia seeks arguments for strengthening bonds with the Orthodox faith, the Russian nation and the „great homeland”.

Panrussianism is a response to emancipatory tendencies in the „near abroad”, especially Ukraine’s break with the tradition of *Panrussism*. Ukrainian “irrendentism” and their quest for sources of their own historical and geopolitical identity prompt Russia to seek amends by relishing in the “imperial glory of the homeland”. *Panrussianism* as an imperial ideology becomes a “substitute source of satisfaction”. That’s because, by restoring Russia’s responsibility for the great postimperial space, the Russians compensate for their various inconveniences and historical humiliations. They crave “national greatness” and a restoration of “Russia’s past glory”²⁶. In this sense, *Panrussianism* has an undercurrent revanchism and geopolitical revisionism.

Russia’s objective is not to rebuild the empire as a form of ruling over other nations. Instead, the Putin project aims to consolidate the Russian state as a state of a multiethnic Russian nation, for whom an imperial form means a way to function or manage the country’s vast space. Russia defends its territorial holdings, while keeping its distance from the opposite side, or the West. In this meaning, Russia is keen to keep states with a buffer status around itself, rather than directly incorporate them into the Federation. The Belarus case is very instructive in this respect.

Defending its holdings and claiming guardianship over the *Russophony* (the primacy of the interests of Russian language speakers over territory), Russia by no means admits it is a revisionist state. But objectively, through *fait accompli*, it has brought about the „reunification” of Crimea with the motherland. This nomenclature, the Russians say, is not just about a “terminological error”, but the essence of the changes that have taken place in Ukraine. In their diagnosis, the Russians emphasize the lack of constitutional legitimacy for the events that led to the Ukrainian crisis and its escalation in the form of the conflict in Donbass. In their opinion, the “forced change of power” in Ukraine was an about-face in the West’s attitude towards international law. The takeover of Crimea was only a consequence of the events in Kiev, where an unconstitutional coup took place. Moreover, the return of Crimea to Russia occurred with due regard for the right of self-determination by the residents of the Peninsula. Their will was expressed in a plebiscite, with 96.77% of participants supporting the Crimea takeover by Russia²⁷.

²⁶ M.H. Van Herpen, *Wojny Putina. Czeczenia, Gruzja, Ukraina 2014*, Warszawa 2014, p. 67.

²⁷ Т. Гомар, *Последствия раскола между Россией и Западом*, „Россия в глобальной политике” 2015, № 3, <http://www.globalaffairs.ru>.

Pondering over what is and what isn't revisionism, it needs to be emphasized that any such phenomenon is a consequence of specific geopolitical changes which are not accepted by the population of the disputed area. It is known that the breakup of the USSR produced borders that did not necessarily correspond to the aspirations of the Russian language speaking population, administratively incorporated into the new states. No one really cared much about it at the time, just like there were no discussions over who had the right of self-determination. On the basis of *uti possidetis iuris*²⁸, the Russian language speaking population spread across the empire was denied the right to freely choose the country it wished to belong to. The arbitrary division of the USSR into new geopolitical units resulted in the shelving of the problem that needed to be dealt with in the case of Crimea. When, as a result of the delegitimization of the political authorities in Kiev, separatist sentiments surged in Crimea, it was difficult to expect a different attitude from Russia. Any other country would do a similar thing in its place. The past examples of various interventions by the United States, also to defend its own citizens, are not necessarily an excuse for the show of force by Russia, but cannot be overlooked in objective analyses. The fate of Crimea has thus been sealed. The population of the Peninsula can hardly be criticized for supporting its return to Russia, which, in turn, could not turn its back on its compatriots calling for protection. In the face of threats of discriminatory practices by the new Ukrainian authorities, such behaviour was understandable and justified.

Russia's control over Crimea is one of the basic assumptions of the Russian strategy. It makes it possible to deny access to the Bosphorus for Ukraine and Georgia and to block the Kerch Strait for Ukrainian shipping. The Ukrainian Azov Sea ports of Mariupol and Berdyansk practically resemble the location of Elbląg, which is connected to the open sea by the Russian-controlled Strait of Baltiysk. By taking over Crimea, Russia has also made it easier for itself to communicate with and supply the breakaway Transnistria. For these reasons, it is difficult to imagine a return to *status quo ante*. Control over the Crimean Peninsula, especially the military base in Sevastopol, allows Russia to avoid strategic encirclement. As Dariusz Bugajski from the Naval Academy in Gdynia points out, the "previous lease of the base and military installations in Crimea did not give the Russian Federation the freedom to use the forces stationed there, due to international law limitations. (...) The Black Sea does not have more convenient,

²⁸ *Uti possidetis, ita possidetis* – as you possess, so you may possess; in Roman law, a means to protect property ownership; in international law, the basis for settling territorial issues in some parts of the world (Latin America, Africa); also the basis for territorial settlements when peace agreements are concluded; means a definitive resolution of a given territorial issue, recognition of the legal title to a territory.

deep and large bays than those at Sevastopol. Their advantages are obvious from all points of view: geopolitical, geostrategic, operational and tactical. In Sevastopol, there is 10 km of wharf, there are basing, command, defense, operational support and logistical support systems. The Black Sea Fleet and its air force can control all the directions of deployment and operation of enemy forces, first and foremost the exit points from the Bosphorus Strait, and the western and central part of the Black Sea”²⁹.

The incorporation of Crimea and the support for the separatists in Donbass indicate that Russia is ready for a fierce confrontation with the West, which is currently burdened with responsibility not only for the further course of the conflict, but also keeping Ukraine “alive”. Many opinions echo the claim that Russia’s goal is to create *quasi*-state structures in Donbass modelled on Transnistria and South Ossetia. This is facilitated by the continuing crisis situation in all of Ukraine. Analysts also stress that the costs of running the war in Donbass – despite Western sanctions – are sustainable in the long run for Russia, which means it is geared for a prolonged conflict. Its result is supposed to be the West’s return to normalization and a defeat for the “Ukrainian cause”. Thus, Russian support for the aspirations of separatist regions has taken on a character independent from any other considerations. The point is to show determination to defend “compatriots” on the one hand, and to use leverage to have permanent influence over the situation on the other hand. “Giving up” Novorossiia would mean a prestigious defeat and a “loss of face”, furthermore, Russia would lose an important instrument of political and strategic influence over the situation³⁰.

The Ukrainian crisis is forcing a re-evaluation of the existing order in international relations. In light of Russia’s confrontation with the West and the international isolation of the country, the risk of large-scale armed conflict has increased³¹. In this situation, there is a reasonable need to work out a new compro-

²⁹ D. Bugajski, *Krym na zimno*, „Para Bellum. Niezależny Magazyn Strategiczny” 2015, no. 1, p. 40.

³⁰ The responsibility for extinguishing the Ukrainian conflict lies with each of the parties. Restraint should be expected both from Putin and Western politicians. Any withdrawal of Russian forces must go hand in hand with the cessation of active support for Ukraine from the U.S. and EU. After all, an escalation of the Ukrainian conflict is not in the West’s interest, as it faces a dramatic immigration crisis. Long-term isolation of Russia in the Euro-Atlantic world also makes little sense, since Western sanctions have proven to be ineffective. Putting Russia at a distance gives Western strategists hope not so much to weaken it, but to find time to recover from the losses and regain strength. It is not clear where it will end for the existing international order. P.D. Feaver, E.B. Lorber, *The Sanctions Myth*, „The National Interest”, July-August 2015, no. 138, p. 22–27; *The Sanctions on Russia*, “BOW Group Research Paper”, August 2015, www.bowgroup.org.uk

³¹ Sensitivity and the literary imagination of recently deceased German Nobel Prize winner Günter Grass leads him to the conclusion that we have witnessed the beginning of the

mise between all the participants in the conflict, but primarily between the West and Russia. The West needs to review its policy based on “conceited sacralization of its own culture” (in the words of Pope Francis), which breeds fanaticism and risks new ideological crusades³².

Russia demands a recognition of its political subjectivity as one of the major powers who have the right to articulate and freely pursue their interests. If this phenomenon is seen by the West, particularly the United States, as an aggressive challenge and a source of threats, then what we have here is either malice or an aberration in mutual perception. Back in Barack Obama’s first presidential term, an image of Putin was formed as a XIX-century adherent of *Realpolitik*, perceiving relations with the West in “zero-sum game” terms, striving to rebuild the Russian empire through Eurasian integration. Consequently, all the acts of Russian interventionism, called aggression in the case of Georgia or Crimea, are seen in a purely negative light. However, the problem should be looked at from the perspective of both sides, arguing that each of them has a case. On the one hand, the West sees Russian behaviour through the prism of an aggressive strategy, aimed at further territorial expansion. On the other hand, Russia considers its acts of armed interventions as a defensive reaction to threats and sources of destabilization that spring up in its immediate environment. Until each side defines its real interests and the criteria for their evaluation are aligned, peaceful coexistence between them will be impossible in the long run.

On the one hand, Russia expressly declares that it does not seek to overhaul the existing international order, but it expects all the powers to uniformly apply the mutually agreed rules, concerning both respect for sovereignty of countries and their international affiliations. President Putin often poses the question why the West is allowed to integrate in different forms, while Russia is denied this right. The Russians demand their vital interests be respected and their power status be recognized, citing great historical traditions, cultural and civilizational achievements³³. They are extremely determined in this respect, showing readiness for tenacity and incurring high costs. The West has to reckon with such a stance.

On the other hand, Russia challenges the West’s advantage, moulded after the “Cold War”. In this sense, its demands have a revisionist character. It is not

third world war, which is a war to divide the world’s resources. <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Gnter-Grass-trzecia-wojna-swiatowa-juz-sie-rozpoznala,wid,17121993,wiadomosc.html?ticaid=11404b>

³² P.C. Phan, *Papież, który nie przyszedł nawracać*, „Gazeta Wyborcza” from 27–28 September 2014.

³³ A.P. Tsygankov, *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations*, Cambridge University Press 2014.

about a return to *status quo ante*, but rather recognizing its position balancing (if not counterbalancing) the United States. The latter sees it as a return to confrontational and competitive motivations, it is unwilling to accept an accommodative and cooperative strategy, which would force it to give up its hegemonism and expansionism. Sticking to its resolve, this way it saves its reputation as the leader of the West and the only power able to exert influence on a global scale. Russia clearly stands in the way of this³⁴.

Stanisław Bieleń

PANRUSSIANISM IN RUSSIA'S GREAT POWER AND IMPERIAL IDENTITY

Against the background of its rich great power history, the modern Russia is seeking its new identity. There is a clash of two tendencies in this process – opening to Western ideas and values, and seeking refuge in the “intrinsic Russian civilization”. As part of the quest to justify its restoration (neoimperial) and reintegration projects in the post-Soviet space, Russia invokes the idea of *Panrussianism*. It means a desire for a political, not only ethno-cultural and linguistic (*Russkiy mir*), identification of the population of imperial lineage with Russia. By restoring Russia's responsibility for the great postimperial space, the Russians compensate for their various inconveniences and historical humiliations. They crave “national greatness” and a restoration of “Russia's past glory”. In this sense, *Panrussianism* has an undercurrent of revanchism and geopolitical revisionism.

KEY WORDS: *Russia, great power traditions, imperial identity, panrussianism*

Bibliography

- S. Bieleń, *Tożsamość międzynarodowa Federacji Rosyjskiej*, Warszawa 2006.
S. Bieleń, A. Skrzypek (eds), *Rosja. Rozważania imperiologiczne*, Warszawa 2015.
D.R. Brower, E.J. Lazzerini, *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples 1700–1917*, Indiana University Press 1997.
P. Buhler, *O potędze w XXI wieku*, transl. G. Majcher, Warszawa 2014.
H. Carrère d'Encausse, *Eurazjatyckie imperium. Historia Imperium Rosyjskiego od 1552 do dzisiaj*, Kęty 2014.

³⁴ P. Buhler, *O potędze w XXI wieku*, Warszawa 2014, p. 186–193.

- A. Curanović, *Czynnik religijny w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej*, Warszawa 2010.
- A. Curanović, *The Guardians of Traditional Values. Russia and the Russian Orthodox Church in the Quest for Status*, "Transatlantic Academy Paper Series" 2015, no. 1.
- A. Dudek, R. Mazur (eds), *Rosja między imperium a mocarstwem nowoczesnym*, Toruń 2010.
- P.D. Feaver, E.B. Lorber, *The Sanctions Myth*, „The National Interest”, July–August 2015, no. 138.
- G. Filimonov, *Russia's Soft Power Potential*, <http://eng.globalaffairs.ru/print/number/Russians-Soft-Power-Potential-15086>
- M. Heller, *Historia Imperium Rosyjskiego*, Warszawa 1997.
- M.H. Van Herpen, *Wojny Putina. Czeczenia, Gruzja, Ukraina 2014*, Warszawa 2014.
- A. Kocho-Williams, *Russia's International Relations in the Twentieth Century*, Routledge 2013.
- M. Leichtova, *Misunderstanding Russia. Russian Foreign Policy and the West*, Ashgate 2014.
- M. Malia, *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horsemen to the Lenin Mausoleum*, Cambridge, MA 1999.
- R. Orttung, *Russia's Use of PR as a Foreign Policy Tool*, „Russian Analytical Digest” no. 81, 16 June 2010.
- R. Potocki, M. Domagała, D. Miłoszewska (ed.), *Czas EuroMajdanu*, Warszawa 2014.
- N.V. Riasanovsky, M. D. Steinberg, *Historia Rosji*, Kraków 2009.
- R. Sakwa, *Frontline Ukraine. Crisis in the Borderland*, I.B. Tauris 2015.
- The Sanctions on Russia*, "BOW Group Research Paper", August 2015, www.bowgroup.org.uk.
- J. Sherr, *Hard Diplomacy and Soft Coercion. Russia's Influence Abroad*, Chatham House 2013.
- A. Stępień-Kuczyńska, S. Bieleń (eds), *Rosja w okresie prezydentury Władimira Putina*, Toruń 2008.
- D. Trenin, *Post-Imperium: A Eurasian Story*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C. 2011.
- A.P. Tsygankov, *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations*, Cambridge University Press 2014.
- A. Włodkowska, *Problemy rosyjskiej dominacji na obszarze WNP*, „Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej” 2008, Rok 6.
- A. Włodkowska-Bagan, *Rywalizacja mocarstw na obszarze poradzieckim*, Warszawa 2013.

- V. Zubok, *Nieudane imperium. Związek Radziecki okresu zimnej wojny, od Stalina do Gorbaczowa*, Kraków 2010.
- Т. Гомар, *Последствия раскола между Россией и Западом*, „Россия в глобальной политике” 2015, № 3, <http://www.globalaffairs.ru>
- О. Неменский, «Панрусизм», „Вопросы национализма” 2011, № 3.
- А. Чадаев, *Путин. Его идеология*, Издательство Европа, Москва 2006.

Круглый стол – Элиты Северного Кавказа: опыт польско-российского научного сотрудничества¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политические элиты, лидерство, модернизация, Северный Кавказ, польская школа кавказоведения, ростовская элитологическая школа, Варшавский университет, Южный федеральный университет, научное сотрудничество, проекты

Круглый стол организован редакцией журнала «Гуманитарий Юга России» в связи с выходом двух фундаментальных коллективных монографий Т. Bodio (red.), *Kaukaz Północny: elity, reżimy, etnopolityka, bezpieczeństwo*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 и Т. Bodio (red.), *Kaukaz Północny: elity władzy i życie polityczne*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 по итогам выполнения польско-российского проекта. Он стал заметным явлением в кавказоведении и элитологии. В его реализации большая роль принадлежит Институту политических наук Варшавского университета и Институту социологии и регионоведения Южного федерального университета. Публикация монографий прошла накануне 100 летнего юбилея ЮФУ.

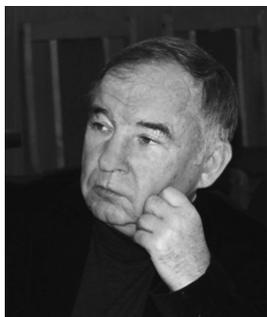
В заочной дискуссии по проблемам элитологии Кавказа и перспективам сотрудничества университетов Польши и Юга России приняли участие: профессора Тадеуш Бодио (руководитель проекта), Анджей Версбицкий, Яцек Залесный (Институт политических наук Варшавского университета), Анджей Ян Ходубский, Пшемислав Серадзан (Институт политологии Университета г. Гданьск), доцент Е.Ю. Баженова, профессора А.В. Лубский, В.В. Черноус (Институт социологии и регионоведения ЮФУ), профессор А.М. Старостин

¹ Текст *Круглый стол: элиты Северного Кавказа: опыт польско-российского сотрудничества* опубликован в „Гуманитарий Юга России” 2015, № 1 и № 2.

(Южно-российский институт управления РАНХ и ГС), профессор В.Х. Акаев (Комплексный научно-исследовательский институт РАН, г. Грозный).

Материалы круглого стола свидетельствуют о значительном, но пока недостаточно полном использовании конструктивного потенциала современного польско-российского сотрудничества в исследовании проблем Кавказа и Юга России.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ

Анатолий Владимирович Лубский

*Д. филос. н., проф. каф. теоретической социологии
и методологии региональных исследований Института
социологии и регионоведения ЮФУ*

Политическая элита в России является предметом исследования в различных научных дисциплинах. Однако эти дисциплины, ограниченные в своем методологическом репертуаре, дают одностороннее представление о российской политической элите. В связи с этим в рефлексующем методологическом сознании усилилась когнитивная потребность в холистском когнитивном «рванше», направленном на целостное изучение политической элиты в России. Решение проблемы преодоления односторонности дисциплинарных научно-исследовательских практик можно увязать с формированием взаимно пересекающихся полей мульти-, интер- и трансдисциплинарных исследований, где в изучении политической элиты происходит встреча различных научных дисциплин, между которыми возникают взаимные методологические влияния, наводятся мосты теоретического взаимодействия.

Одной из тенденций развития социальных и гуманитарных наук в постсоветской России было широкое распространение в них интеллектуально-когнитивных мод, связанных с представлением о том, что элитарная наука существует только на Западе и, следовательно, она должна быть объектом интеллектуального подражания. В результате многие российские ученые, изучая политическую элиту в России, стали механически использовать теории и понятийный аппарат западной академической науки, сложившиеся

в другой когнитивной среде и при изучении иных культурно-исторических реалий. При этом они не обращали внимание на то, что эти теории, основывающиеся на ином социокультурном и политическом опыте, «не всегда могут быть экстраполированы на другие страны». Некоторые из этих теорий, как отмечают сами зарубежные исследователи, «оказались не валидными при проверке в других национальных условиях». Не всегда учитывается и методологическое предостережение П. Фейерабенда, который отмечал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя «подогнать» под западноевропейский способ мышления». Разумеется, это не является поводом к индигенизации российской элитологии. Это не означает также, что теории и понятийный аппарат западной академической науки не могут быть использованы при изучении российской политической элиты, но такое использование предполагает предварительную социокультурную и эпистемологическую экспертизу их методологических возможностей.

Кроме того, элитогенез на Северном Кавказе имеет существенные отличия от общероссийского процесса, хотя и развивается в его русле, но учитывается это в российской элитологии недостаточно или упрощенно, абсолютизируя клановость местных обществ.

Концептуальный анализ современных научно-исследовательских практик позволяет выделить две доминирующие модели в изучении политических элит в России – классическую и неклассическую, представленных, соответственно, властным (структурно-функциональным) и меритократическим (нормативно-ценностным) подходами.

Классическая модель элитологических исследований базируется на принципах реализма и методологии, основу которой составляют «парадигма власти» и «парадигма интересов».

Представителей неклассической модели элитологических исследований волнует утрата в научном познании человека как социального субъекта, поэтому их интересует не элита как социальная группа, а непосредственно ее представители, не властные возможности элиты, а способности ее представителей выполнять властные функции и участвовать в принятии общезначимых решений.

Методологическая стратегия этой модели ориентирует исследователя на выделение элит в социальной иерархии общества на основе их особых способностей и эффективности деятельности, понимание их ценностных ориентаций и характера символического капитала власти, которым они обладают, а также их деятельности по созданию и распределению ценностей в обществе.

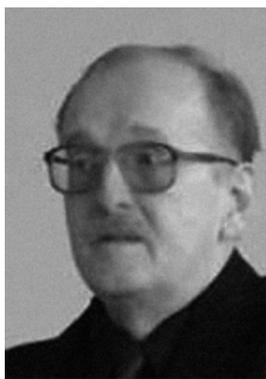
Необходимость преодоления методологических односторонностей в изучении российской политической элиты предполагает разработку многомерных методологических конструктов в рамках неоклассической модели элитологических исследований, основу которых составляет принцип конструктивного реализма.

Один из таких методологических конструктов, направленных на преодоление эвристической ограниченности структурно-функционального (властного) и ценностного (меритократического) подходов в изучении российской политической элиты предлагается в рамках интегративного субъектно-деятельностного подхода.

С позиций этого подхода признается примат деятельности элиты над социальными структурами, поэтому элита рассматривается в первую очередь как действующий субъект, обладающий ресурсами социального действия в виде различных форм капитала, ставит цели, владеет стратегиями их достижения и реализует себя в политической деятельности.

Определенные перспективы в изучении политических элит в России раскрывает «рефлексивный поворот», методологически ориентирующий исследователя на изучение трансформаций рефлексивности действующих субъектов, выступающих посредником между социальной структурой и социальной деятельностью, ведущей к переопределению социальных ситуаций и переупорядочиванию социальных отношений.

В ЧЕМ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ КАВКАЗОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анджей Ян Ходубски

*Профессор политических наук,
зав. каф. науки о цивилизации,
гл. ред. журнала «Цивилизация и политика»
(Университет г. Гданьск)*

Научное изучение каждого культурного и цивилизационного пространства нуждается в учете не только правил явлений и конкретных процессов, но также их различий. Северный Кавказ требует особого внимания из-за своей цивилизационной и культурной сложности. На невели-

ком, но географически разнообразном пространстве наблюдается огромное этническое, религиозное разнообразие, различные формы правления, обычаи и традиции. Данное пространство в классификации политической географии весьма освященногвано. Методология исследований, которая выражается в определению и объяснению культурных явлений и процессов, а также в их целостным восприятию, в философской рефлексии показывает малую ценность моделей разработанных в западноевропейском пространстве для изучения Северного Кавказа.

Об этом свидетельствуют: 1) различия в восприятии политической свободы. Различные этнические группы на Северном Кавказе высоко ценят политическую свободу. При этом, проявляют официальную маску «политкорректности». Они имеют острое чувство свободы, которое коренится в наследии прошлого. Навязываемые модели политической организации европейского пространства воспринимаются как «чужие». Локальность в политической жизни обладает необыкновенной силой. 2) Сильная связь между культурной жизнью и исламской религией. Ислам не является лишь дополнением к культурной жизни цивилизации, но играет роль ценности фундаментальной для формирования социально-политических отношений, подходов, моделей поведения, ценностей 3) В картине культурной жизни Северного Кавказа с большой силой проявляется привязанность к наследию прошлого; Процессы глобализации, в том числе типичные для них модели отношений, поведения, социально-политических устремлений воспринимаются как структуры, навязываемые сверху. Их вторжение генерирует конфликты. 4) Эндогенная (внутренняя) реальность отдельных политических образований (республик) показывает приоритет над экзогенным порядком (внешние отношения, международная реальность). Международный порядок как культурное пространство играет маргинальную роль. 5) В данной культурной реальности, кроме давних традиций, обычаев, привычек, важное значение имеют также глубокие этнические противоречия. В ситуации современных глобальных изменений (так называемой политической трансформации), население Кавказа не одобряет изменений в функционировании традиционных структур. Рассматривая пространство Кавказа с точки зрения методологии, необходимо воспринимать его с учётом мифов и стереотипов, которые играют важную роль в его культурной и цивилизационной жизни.

Методологической задачей кавказоведческих исследований является необходимость правильного восприятия социально-политической реальности после революционных перемен, которые происходили с 1917 года. В этих процессах большую роль играют феномены социальной и политической психологии.

В сравнительных исследованиях, однако, проявляется необходимость относить общественно-политическую реальность, например, в сфере управления, к политическим моделям в различных частях мира.

Кавказоведческие исследования с точки зрения методологии требуют: 1) восприятия культурных явлений в долгосрочной перспективе, 2) ориентации на исследование «мягкой» культурной реальности, в том числе политической культуры, общественного сознания, системы ценностей, 3) Восприятия явлений и процессов с точки зрения качественного подхода, например в рамках тематических исследований.

НАСКОЛЬКО ЗАПАДНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ АДЕКВАТНА СОВРЕМЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ НА КАВКАЗЕ?

Тадеуш Бодио

*Профессор Варшавского университета,
зав. каф. Восточных Исследований,
председ. науч. сов. журнала «Новая восточная
политика»*

Это фундаментальный вопрос, которому в течение многих лет я уделяю много внимания, что нашло отражение в публикациях. Отмечу только, что 2009–2010 годы я совместно с коллегами осуществлял исследовательский проект, результаты которого были представлены в книге *Лидерство, элита и трансформации в странах СНГ. Проблемы методологии исследования* (Варшава 2010, 569 стр.) Данная работа представляет сильные и слабые стороны методологии исследования элит и поднимает вопрос адекватности методологии разработанной на Западе для исследования модели лидерства и элит на постсоветском пространстве, в том числе на Кавказе. Сильные стороны данной методологии являются очевидными, поэтому из-за ограниченного времени основное внимание будет уделено нескольким причинам ее слабости.

Во-первых, эта методология, особенно во время 90-х годов XX-го века, чревата европоцентризмом и связанной с ним парадигмой «трансформации-

демократии», которая заранее предполагая окончательный результат политических перемен. Неудачные попытки некритического подражания западным образцам на постсоветском пространстве негативно верифицировали познавательную ценность некоторых политологических концепций. Эта ситуация для многих российских ученых стала причиной, по которой стали скептически относиться к западной политологии, в частности, ее предсказательным возможностям в области исследования лидерства и политических элит. Этот скептицизм явно возрос после волны т.н. «цветных революций», концепции которых были построены на хрупком основании, без хорошей диагностики реалий, механизмов власти, политической психологии, и т.д.

Во-вторых, европоцентризм иногда переплетался с политической прагматикой, попытками коммерциализации науки и деятельности псевдонаучных центров, проводящих исследования по политическому заказу. Хотя не стоит переоценивать такие маргинальные ситуации, однако, они оказали влияние на предпочтения в области исследовании моделей лидерства и политических элит.

В-третьих, слабостью методологии в течение многих лет была недооценка специфики Кавказа, этнополитических реалий и особенностей, исторических традиций, политической психологии и т.д. Специфика Кавказа: следует различать «маски от лица», дистанцироваться от стереотипов и предрассудков, проникнуть в реалии жизни, в том числе и скрытые под поверхностью повседневной политики.

В-четвертых, надо учитывать, что многие теории и методологические концепции, в том числе терминологический аппарат, которые касаются элит, были построены в других исторических условиях и для определенной цели, не все из них характеризуются универсальностью. В литературе можно встретить попытки использования этих теорий и концепций в изучении элит Кавказа, а затем они подвергаются критике – это недоразумение.

Формулируя оценку западной методологии стоит отметить ее мобильность и открытость к критической проверке ряда подходов к изучению политической элиты. Это было видно в первом десятилетии XXI-го века, когда были отброшены или изменены многие концепции трансформации. Произошло переосмысление некоторых парадигм, появились новые научные подходы, указывающие, что трансформация может приводить к авторитаризму, а демократия может проявляться в различных формах и пределах.

Стоит также отметить, что названные недостатки методологии являются вызовом также для российских исследователей, многие из которых используют теоретический и методологический потенциал западной политологии в изучении элит Кавказа и не только. Здесь следует сделать вывод, что некоторые российские методологические концепции изучения политической

элиты также не являются свободными от ограничений, как по мериторичным, так и другим причинам. В свою очередь, оптимистически выглядит факт чрезвычайно динамичного развития элитологии, разных направлений и методологических ориентаций, что, в частности, показал первый Всероссийский элитологический конгресс с октября 2013 года, и второй Форум историков-кавказоведов, на котором был принят этический кодекс, который в своих установках выступает против фальсификации истории Кавказа, манипуляционных технологий, а также призывает к надёжности и достоверности научных исследований.

Я хотел бы подчеркнуть, что группа учёных кафедры восточных исследований Института политических наук Варшавского университета, которой я руковожу, уже в начальной стадии трансформации определила выше указанные и другие недостатки элитологической методологии и последовательно стремится к их устранению, о чём свидетельствуют публикации касающиеся, в частности, элит в странах Центральной Азии. Мы представляем мнение, что в процессе улучшения методики исследований элит Кавказа важную роль играет директива трансгрессии. Данная директива указывает необходимость выйти за рамки традиционных, общепринятых схем, критически воспринимать собственные концептуальные достижения, проявлять открытость к новым парадигмам и искать новые методологические конструкции проектирования и объяснения специфики элиты Кавказа.

Достижению данной цели способствует научное сотрудничество, своего рода диалог, который позволяет смотреть «извне» и «изнутри» на кавказские элиты – именно это, что мы делаем совместно с представителями Ростовской элитологической школы, а также учеными из региональных научных центров. Такой подход, диалог с нашими партнерами, которые лучше всех понимают Кавказ и его специфику и у которых есть достижения и исследования на мировом уровне, даёт шанс преодолеть многие исследовательские стереотипы и разработать адекватную методологию. Результаты этого процесса уже очевидны. Примером здесь является коллективная монография *Северный Кавказ: элиты, режимы, этнополитика, безопасность* (Варшава 2014, 365 стр.), содержащая главу, посвященную исключительно методологии исследования кавказских элит.

Заключая, я хотел бы подчеркнуть, что последнее десятилетия трансформации создают хорошие условия для критического обзора существующей теоретической и методической базы исследования элит Кавказа и предприятия попытки создать концептуальный и методологический синтез существующих исследований. Такой синтез может принести много новых идей, тем и вдохновения для разработки новых парадигм, подходов и методов иссле-

дования трансформации политической элиты. Это один из важных вызовов для политологов и социологов.

Пшемыслав Серадзан

*Кандидат политических наук,
Институт Политологии Университета г. Гданьск,*

Подход к исследованию современных политических процессов на Кавказе, который доминирует в научном сообществе стран Запада, имеет, на мой взгляд, как свои сильные стороны, так и недостатки.

Общественные науки далеко не однородны. На кафедрах западноевропейских и американских университетов постоянно сталкиваются различные, разнообразные подходы, методы и доктрины.

Среди различных методологических течений я хотел бы привести примеры двух, которые, на мой взгляд, представляют собой ценность для исследователя Кавказа.

С 30-х годов в англосаксонской науке развивается интересное направление – политическая антропология, истоки которой связаны с работами британского этнолога и антрополога Эдварда Эванс-Притчарда. Политические антропологи в первых послевоенных десятилетиях исследовали родственные и племенные связи, пытаясь ответить на вопрос о происхождении социального феномена, которым является политическая власть. С 80-х годов важной темой рассуждений являются этническая идентичность и взаимные отношения между этническим фактором и возникновением политического национализма. Важную роль сыграли здесь фундаментальные труды Бенедикта Андерсона, посвященные нациям, воспринимаемым как «воображаемые сообщества». Данный подход, как кажется, можно успешно использовать, изучая современные политические процессы на северном Кавказе, как например возрождение черкесского, чеченского и ингушского национализмов.

Среди западных теоретиков, учение которых можно адаптировать для изучения современного Кавказа я хотел бы назвать имя Иммануила Валлерстайна, основоположника «мир-системного анализа», созданной под влиянием французского историка Фернана Броделя. Данный подход исследует социальную эволюцию систем обществ, воспринимая их холистски, как взаимно связанную структуру. Этот подход является, как кажется, правильным, в исследовании цивилизационного пространства Кавказа, которое с одной

стороны имеет свой уникальный характер, но с другой находится между Европой, Центральной Азией и Ближним Востоком и исторически находился во власти различных великих держав: Османской империи, Персии и России.

Конечно, сообщество учёных не монолитно, и было бы неправильно рассматривать их как однородную группу. Однако, анализ доминирующих трендов в исследованиях Кавказа (и в более широком смысле – всего постсоветского пространства), позволяет заметить некоторые недостатки, которые совершает часть ученых.

В восприятии Кавказа существует огромное количество предрассудков, стереотипов и неправильных представлений, которые Эдвард Саид, выдающийся теоретик постколониальных исследований, описывал как «ориентализм». На мой взгляд, это глубоко неправильный подход.

Проблемой является отсутствие четкой границы между наукой и журналистикой. В результате, исследования политических элит – иногда принимают форму идеологических манифестов (т.н. Think Tank, связаны с политическими партиями). К сожалению, некоторые ученые некритически ссылаются на такие материалы.

Я не хочу обобщать, потому что любое обобщение несправедливо и выражает лишь часть истины. Среди западных ученых есть замечательные исследователи, создающих вдохновляющие работы, также для изучения Кавказа.

Заклучая, на мой взгляд исследователь современных политических процессов Кавказа должен следить за развитием методологии западной политологии и этнологии. Данные методы стоит использовать, также для изучения региона, но стоит это делать внимательно, имея в виду факт, что они были созданы в другом культурном пространстве.

Яцек Залесны

*Доктор Института политических наук
Варшавского университета.*

В англоязычной литературе сложно было бы назвать новаторские, глубокие публикации, касающиеся процессов, происходящих на Кавказе, что также связано со спорным характером политических решений западноевропейских государств относительно

Кавказа. Данное фактическое положение вещей тесно связано со слабостью западноевропейских методологий исследования процессов, существующих на Кавказе. Можно утверждать, что результатом применения упрощенной методологии, непонимания сложности локальных условий, являются выводы, неадекватные кавказской реальности, и в связи с этим – малопригодные.

ЧЕМ ИНТЕРЕСНА ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА И ЭЛИТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ? МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ?

Тадеуш Бодио

Вопросы лидерства и элит в России и ее регионах в Институте политических наук исследуются и преподаются с 90-х годов XX-го века. Исследования в данной области стали темой многих публикаций. В 2010 году была создана редакционная серия «Власть – элиты – лидерство», в рамках которого вышли в свет 10 томов, представляющих различные аспекты трансформации лидерства и политических элит на постсоветском пространстве, в том числе в России и её регионах.

Исследования лидерства и элит являются частью дебатов по поводу логики российской трансформации, ее специфики и уникальности. Мы предполагаем, что одним из центральных звеньев трансформации в постсоветском пространстве являются элиты власти и их лидеры. Именно эти элиты после распада Советского Союза принимали решения о модели трансформации, и в последующие годы, в зависимости от политической конъюнктуры – о их корректировке. Этот факт в значительной степени определил характер трансформации.

Исследования показывают, что звеном трансформации, которое провоцировало конфликты, была и остается модель управления, несмотря на то, что она в постоянных изменениях, как на федеральном, так и региональном уровнях, а также отношения центра и национальных республик. Уникальным случаем является здесь Северный Кавказ, где традиция переплетается с современностью, этнополитика с этнократией и существуют специфические правила социальной стратификации, где сосуществуют различные конфессии, психологические профили этнических групп, элитаризм и эгали-

таризм, унификационные и сепаратистские тенденции, различные региональные и геополитические интересы. В результате, на Кавказе фокусируются системные проблемы федеративного государства, в том числе те, которые связаны с функционированием политических элит. Таким образом, я считаю, что изучение региональных режимов и элит является чрезвычайно важной задачей.

Существует ли польская школа кавказоведения? Я честно скажу, что мне сложно ответить на этот вопрос. Уважение к науке требует, чтобы быть скромным в таких высказываниях. Тем более, что понятие «научная школа» не является точным, как и стандарты и их верификация. Дело в том, что польские традиции исследований Кавказа имеют свои корни в далеком прошлом. Многие из опубликованных тогда работ имели новаторский характер, высоко ценились в России и Западной Европе. Сегодня Кавказ продолжает занимать значительное место в исследованиях научных учреждений, в том числе политологических. Качество этих исследований, хотя они разбросаны в различных научных центрах, ведёт меня к мысли, что такая школа существует и приносит оригинальный вклад в глобальные исследования региона. Примером могут служить работы проф. Анджея Ходубского и других исследователей Кавказа. С другой стороны стоит отметить, что в Польше уже на протяжении многих лет постоянно реформируется высшее образование. И именно в этих реформах, которые имеют в значительной степени бюрократический характер, где-то по пути исчезают традиции «научных школ» и лучших практик в общественных, гуманитарных и других науках.

Анджей Ян Ходубски

Как в широком, так в узком смысле, в Польше проявляется интерес к прошлому и настоящему Кавказа. Первые звенья этих интересов были связаны с культурными и цивилизационными различиями региона, на которые обратили внимание польские монахи, среди них иезуит Тадеуш Крушинский, который, в 1734 году описал Кавказ – тогда часть Персидской империи. В девятнадцатом веке в данном регионе в царской армии служили несколько тысяч поляков. Некоторые из них проявили познавательную заинтересованность географией, историей, культурой и социальными отношениями. Сохранилось около 50 дневников и мемуаров, которые стали основой кавказоведческих исследований.

Огромное богатство знаний о регионе характеризует работы следующих исследователей: Михала Бутовт-Анджейковича, Винцента Давида, Леона Гершевского, Матеуша Гралевского, Карола Калиновского, Казимиежа Лепчинского, Эдварда Махчинского, Юлиуша Струтинского, Владислава Стжелницкого, Флориана Зелинского.

В начале XX-го века, знание региона расширилось благодаря нескольким инженерам, работавшим на Кавказе. Среди них стоит назвать имя Тадеуша Выгановского, который в 1907 году опубликовал воспоминания о Кавказе.

Другое звено кавказоведческих исследований в Польше создавали востоковеды и историки, среди них Ананиаш Зайончковский, Ян Рейхман, Богдан Барановский, а также Анджей Ходубски, Марек Мондзик, Мария Закжевска-Дубасова. В дополнение к строго кавказоведческим исследованиям, большое внимание было уделено некоторым конкретным вопросам, которые включали литературу, архитектуру, геологию, картографию, машиностроение, путешествия, искусствоведение, научные связи, этнические проблемы.

Очередные звенья кавказоведческих исследований наблюдается с 90-х годов XX-го века. В данном контексте следует отметить работы Анджея Фуриера, Войцеха Матерского, Петра Квяткевича и очень значительной вклад исследований под руководством профессора Тадеуша Бодио, которые выражались в инициировании изучения Кавказа в рамках концептуальной структуры политологии. Существенность данных исследований заключалась в расширении аналитического исследования на пространство Северного Кавказа. Ранее польские исследователи занимались в основном Азербайджаном, Дагестаном, Грузией и Арменией.

Говоря о польской школе исследований, надо отметить кавказоведческие познавательные интересы, существующие в нескольких научных центрах, особенно в университетах в Варшаве, Лодзи, Гданьске, Люблине, Кракове, Щецине и Познани. В этих центрах, кроме профессоров, изучающих культурно-цивилизационные проблемы, работают также молодые исследователи и преподаватели, которые готовят как докторские и кандидатские диссертации, так и дипломные работы (на уровне бакалавра и магистра). Результаты исследований публикуются в самостоятельных изданиях и коллективных работах (таких, как последнее издания под редакцией Тадеуша Бодио) и в специализированных журналах, в том числе печатаных издательством «Адам Маршалек» в Торуня.

Можно привести следующие аргументы в пользу существования польской кавказоведческой школы: 1) С XVIII-го века расширяется круг людей, изучающих культурно-цивилизационную реальность Кавказа. В последние годы можно заметить новую ориентацию исследования региона в рамках процессов унификации и диверсификации в мире; 2) Существует значитель-

ный круг ученых, как профессоров, так и молодых исследователей, которые изучают вопросы кавказоведения; 3) Польские исследователи поддерживают организационные и научные контакты с университетами на Кавказе, в том числе университетами в Ростове-на-Дону, Тбилиси, Ереване, Махачкале; 4) Систематически расширяются научно-исследовательские достижения и одновременно издаются работы, которые показывают специфику Кавказа; 5) В последние годы существенное место занимают политологические исследования, в том числе касающиеся идентичности, политического лидерства, политических систем, политической культуры, конституционной системы, этнических вопросов, а также социально-политической диверсификации и унификации.

Яцек Залесны

Республики Северного Кавказа являются субъектами с непростой историей, сложной культурной, этнической, религиозной структурой, что играет немаловажную роль в проблематике стабильности региона. Все еще имеют вес различные элементы советского наследия. С вышеперечисленными факторами связан ключевой вопрос: каким является политическое лидерство в регионе? Каким образом достигается политическая стабильность? Каким должно быть политическое руководство для полиморфных структур, чтобы оно нивелировало напряжение, в то же время, генерировало формы сотрудничества? Возможно ли вообще такое лидерство? Вторая группа вопросов, касающихся Северного Кавказа, относится к связям, существующим между многоэтничностью, структурой политических элит и политического руководства. Как этнические разделы накладываются на другие социополитические деления? Можно ли говорить о доминировании каких-либо из них? И, наконец, фундаментальный для каждого федерального государства вопрос: как представлены отношения между центральной и региональной властью? Гарантирует ли сформированная система зависимостей сохранение интегрального характера государства, с одновременным уважением к культурной, этнической, религиозной и экономической идентификации отдельных регионов, или же генерирует напряжение, а если так, то, что оно приносит в последствии? Как видно, в кавказской тематике сконцентрированы ключевые для всех политических обществ проблемы.

Несомненно, можно говорить о феномене польской школы исследований проблематики Южного и Северного Кавказа, основанной и руководимой профессором Тадеушем Бодио. В рамках Института политических наук

Варшавского университета с участием научных работников извне, профессору Тадеушу Бодио удалось создать коллектив исследователей, уникальный в мировом масштабе. Данная работа касается не отдельных кавказских вопросов, это многослойные исследования со всесторонне разработанной методологией, распределенные во времени. Осуществляемые исследования касаются всех ключевых плоскостей кавказской проблематики: антропологической, исторической, этнополитической, социополитической и институциональной. Характерной чертой группы профессора Тадеуша Бодио, отличающей ее от других научных коллективов, является именно комплексность, многогранность подхода. Коллектив из нескольких десятков ученых различной профессиональной специализации генерирует новое позитивное свойство, уникальное в мировом масштабе.

ЧТО ВЫСТУПАЕТ В КАЧЕСТВЕ БАРЬЕРОВ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗОМ?

Анджей Вежбицки

*Профессор каф. восточных исследований
Институт политических наук
Варшавского университета
гл. ред. журнала «Восточная политика»*

Северный Кавказ отличается уровнем социально-экономического развития от других частей российского государства. Однако необоснованным было бы утверждать, что центр России развивается ценой периферии, поскольку относительно субъектов РФ в составе Северо-Кавказского, а также Южного федерального округов ситуация весьма противоположная. Это своеобразный «внутренний колониализм», отличающийся от концепции его автора – Михала Хехтера тем, что данные периферийные субъекты финансируются центром, а не наоборот. Финансирование республик Северного Кавказа ценой других частей России способствует растущему недовольству не только националистов, но и других групп населения. Тем более, что между русскими и жителями Северного Кавказа пока ещё существует барьер взаим-

ного восприятия, основой которого являются стереотипы. С одной стороны, для некоторых русских жителей Кавказа это «лица кавказской национальности». Данное определение имеет отрицательный смысл. Оно появилось как результат многих факторов, таких как война в Чечне, террористические атаки в российских городах или повседневное поведение выходцев из региона, родилось в сводках МВД.

С другой стороны, особого внимания заслуживает восприятие русских жителями Кавказа, которое очень редко учитывается в общественном мнении, даже в научных трудах, особенно вне России. Русские не принадлежат к традиционной для Кавказа родо-клановой системе и поэтому их воспринимают чужими и временными («статистами»), а Россия является для них зоной криминальной «экспансии», свободной от традиционных норм и запретов, существующих в национальных республиках. Отсюда следует, что к «чужим» можно относиться любым образом (убить, поработить, обмануть, ограбить), если этого требует родо-племенной интерес. Умелое использование коррупции других регионах России подрывает авторитет правосудия в российском обществе и увеличивает впечатление о тесной связи «продажных» элит власти с организованной преступностью. Таким образом, все это способствует росту кавказофобии и русофобии, взаимной неприязни. Из-за этнокультурных причин сохраняется цивилизационное расстояние между Северным Кавказом и Россией. Указанные проблемы конечно препятствуют сплочённости российского народа и формированию гражданской, общероссийской нации. С этнополитической перспективы регион является самым главным и сложным вызовом для российского государства, но он имеет стратегическое значение с геополитической перспективы. Стремление к удержанию региона в составе федерации заставляет Россию предпринимать модернизационные инициативы, что вызывает недовольство жителей других регионов страны. Поэтому обстоятельства заставляют Россию «балансировать» между геополитикой и этнополитической стабилизацией в стране.

Пишемслав Серадзан

Модернизация Кавказа – вопрос сложный и многомерный. В настоящее время перед Кавказом стоит множество цивилизационных вызовов, связанных именно с выбором пути модернизации. Распад Союза Советских Социалистических Республик был равнозначен отказу от стратегии социалистической модернизации, которая имела свои недостатки, но принесла

цивилизационный прогресс народам Кавказа. Период 90-х годов принес Северному Кавказу процесс деиндустриализации, который сопровождался возрождением традиционных общественных структур и мировоззрения. Некоторые кавказоведы стали тогда утверждать, что отказ от модернизации был следствием ретрадиционализации в сфере культуры.

Я убежден, что противопоставление традиции и модернизации является фундаментальной ошибкой многих исследователей. Данные ценности не исключаются и не являются противоположными. На мой взгляд, процессы деиндустриализации и падения уровня жизни среди населения Кавказа, которые имели столь трагические последствия, были результатом неправильной экономической политики – неолиберальных реформ 90-х годов, проводимых центральным правительством Российской Федерации.

Самое понятие «модернизации» является неточным и требует разъяснения. Увы, данный термин часто становится жертвой злоупотребления в идеологически мотивированной публицистике.

Среди авторов распространено восприятие кавказских традиций и социальных моделей жизни как «барьер модернизации», в то время как термин «модернизация» автоматически отождествляется со стремлением к философским, аксиологическим и социально-экономическим моделям, доминирующим на Западе. Богатство кавказской культуры несправедливо воспринимается лишь как бремя и ненужный балласт. Подобного рода презрительное отношение к культурным особенностям, часто приводит к демонизации Кавказа, который нечестно и несправедливо воспринимается как культурное пространство жестокости, коррупции и кумовства, а также потенциальный очаг глобальной нестабильности.

Неправильное восприятие политических процессов на Кавказе имеет свое начало в доминировании мировоззрения, которое подразумевает пренебрежение к культурным и цивилизационным особенностям.

Я уверен, что северокавказская модернизация должна учитывать культурные и цивилизационные особенности региона. Невозможно просто скопировать пути развития, которые прошли другие современные государства и общества. Народы Кавказа должны найти свой, уникальный путь развития, учитывающий их ценности и коллективную психологию.

В ЧЕМ СВОЕОБРАЗИЕ И ЗНАЧЕНИЕ РОСТОВСКОЙ ШКОЛЫ ЭЛИТОЛОГИИ?

Александр Михайлович Старостин

*Д.полит.н., профессор, зав. каф. философии
Южно-российского института управления РАНХ и ГС*

Ростовская научная школа элитологии функционирует 20 лет. Под руководством профессоров А.В. Понеделкова и А.М. Старостина при тесном сотрудничестве с профессором С.А. Кислицыным, В.В. Черноусом и Л.Г. Швец. В ее рамках защищено порядка 25 диссертаций, опубликовано более 500 научных работ. В 2013 г. на базе этой школы проведен I Российский элитологический конгресс с публикацией 3-х томов его трудов, выпущен в сотрудничестве с проф. П.Л. Карабущенко «Элитологический словарь».

Научная школа специализируется на изучении региональных административно-политических элит Юга России. В рамках школы репрезентированы основные уровни элитологических исследований: философско-методологический, доктринальный, эмпирический.

В качестве эмпирической и доказательной базы выступают материалы более 10 панельных прикладных социологических исследований, проведенных в 1995–2014 г. На доктринальном уровне сформулирована элитологическая парадигма в политологии, апробирована концепция протоэлитных сообществ, разработана концепция антиэлит и контрэлит в политических процессах (проф. С.А. Кислицын), проработан гендерный аспект анализа элит (проф. Л.Г. Швец).

На философско-методологическом уровне сформирована концепция цивилизационного своеобразия элит и элитного властного поведения, основные принципы элитологического подхода.

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА НА ЭЛИТОГЕНЕЗ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Вахит Хумидович Акаев

*Д. филос. н., профессор,
гл. н. с. КНИИ РАН*

Формирование элит на Северном Кавказе в постсоветский период имеет свои особенности, сопряженные с целым рядом факторов объективного сколько сугубо субъективного характера. Дезинтеграционные процессы, запущенные накануне распада, а затем и после распада СССР, усилили сепаратистские настроения на всем постсоветском пространстве, в том числе в Российской Федерации. Свои особенности они имели в Поволжье и на Северном Кавказе.

Партийно-политическая элита на Северном Кавказе поддерживалась традиционным мусульманским духовенством, которое в свою очередь формировалось при ее поддержке, что проявилось в первой фазе чеченского кризиса.

В период существования режима А. Масхадова на руководящие должности в Чечне назначались претенденты, соответствовавшие следующим критериям: совершение намаза, участие в военных действиях против России, положительная оценка односельчан, профессионализм. Как видно, в подборе кадров религиозность ставилась на первое место, а профессионализм на последнее. Поэтому политическая элита, формировавшаяся в Чечне после первой войны, в основном состояла из полевых командиров и так называемых ваххабитов, редко из остатков советско-партийной номенклатуры.

В Чечне в конечном итоге союз полевых командиров во главе с Ш. Басаевым и религиозных эстремистов формируется на основе идеологии и практики ваххабизма, чему способствовали сепаратисты Ш. Басаев, З. Яндарбиев, Хаттаб, М. Удугов, И. Халимов и др. В начале 1999 года под их влиянием Президент Ичкерии А. Масхадов совершает антиконституционное действие: вводит шариатское правление (Шура) в Чечне, руководителем которого он назначил самого себя. На это Ш. Басаев отреагировал: слава Аллаху, А. Масхадов стал мусульманином, теперь он не президент Ичкерии. Он также объявил о создании Шуры, во главе которой объявил себя. Эти игры с Шурой, властью, являлись уступкой ваххибизму, что серьезно

ослабило позицию А. Масхадова. Басаев и компания ставили задачу его свержения.

Но провокационный поход ваххабитов в горный Дагестан во главе Б. Кебедовым, Ш. Басаевым и Хаттабом, начавшаяся очередная война, изменили внутривластную ситуацию не только в Чечне, но и в Дагестане. В Дагестане были разгромлены ваххабитские анклав в кадарской зоне, а в Чечне началась вторая война, свергнувшая новое теократическое устройство, созданное Масхадовым под давлением ваххабитов. Разгром боевиков и ваххабитов в Дагестане и Чечне способствовали дерадикализации религиозно-политической ситуации и активизации традиционного ислама, отстаиваемый А.А. Кадыровым, которой на протяжении всей своей деятельности в качестве муфтия боролся против укрепления ваххабитов, называемых им экстремистами и врагами традиционных культурных ценностей чеченцев.

С точки зрения ваххабитов, руководителями всех уровней на Северном Кавказе, который они стремились превратить в исламское государство, должны были быть их сторонники. Для этих целей в Дагестане, Гудермесе, Грозном открывались религиозные школы, готовившие шариатских судей. Подготовленные на скорую руку, они в Чечне, по крайней мере, начиная с 1996-1999 годы, осуществляли судопроизводство на основе шариата. Эта религиозно-политическая элита в Чечне в ходе и после второй войны, прекратила свое существование. Некоторые из них погибли, другие эмигрировали в зарубежье, третьи при А.А. Кадырове были реабилитированы и инкорпорированы во властные структуры.

В период управления А.А. Кадыровым Чеченской Республикой значительно повысилась роль традиционного ислама во внутренней политике. Официальное духовенство поддерживало его политику, осуждала экстремистскую и террористическую деятельность религиозных радикалов, призывая мусульман республики оказывать им противодействие. Аналогично ситуация развивалась в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее.

Религиозные радикалисты и экстремисты, преследуя цель «очищения» регионального ислама от заблуждений, замены его «чистым» исламом (практикой и идеологией салафизма), создания «кавказского халифата», совершали противоправные, антигосударственные деяния, и нередко вступали на путь совершения террористических актов. Это хорошо просматривается в Дагестане, Чечне, Ингушетии в 90-е начале 2000-х годов, в Кабардино-Балкарии в 2005 году.

Нетрадиционные для Северного Кавказа исламские течения, представленные ваххабизмом, формировали своих религиозных лидеров вооружен-

ных группировок, преследующих цель не мирного развития, а конфронтации с традиционным духовенством и региональной политической элитой, что представляли собой угрозу для общества и власти.

Иногда в 90-е годы религиозным экстремистов на Северном Кавказе удавалось вмешиваться в расстановку религиозных кадров. Например, в Чечне в период правления А. Масхадова удалось минимизировать участие в социальной, политической жизни Чечни представителей традиционного ислама, его роль была сведена только к обрядовой практике. Активно против этого выступал муфтий Ичкерии А.А. Кадыров, хорошо понимавший, исходящую от них угрозу обществу и государству.

Описанные выше процессы, свидетельствуют, что влияние исламского фактора в региональном элитогенезе не является главным критерием, но при этом играет несущественную роль. Процесс элитогенеза на Северном Кавказе, с нашей точки зрения, находится в прямой зависимости от интересов федерального центра и определяется его политикой в регионе.

Анджей Вежбицки

В регионе продолжается процесс «исламского возрождения», называемый политизацией ислама. С перспективы элитогенеза можно рассматривать два процесса. Первый, основанный на сотрудничестве, это попытка контролируемого властями включения ислама в государствообразующий процесс, предпринятая в Чечне Рамзаном Кадыровым. Второй это попытка проникновения в структуры власти представителей радикального ислама, «выходцев» из джамаатов, т.е. альтернативных по отношению к легальной власти сообществ, что происходит прежде всего в Дагестане. Чеченский опыт пока способствует обеспечению стабилизации в республике, но на сколько он окажется стабильным в будущем, трудно прогнозировать.

КАКИЕ ТИПЫ ЛИДЕРСТВА СФОРМИРОВАЛИСЬ НА КАВКАЗЕ?

А.М. Старостин

В исследованиях ростовской элитологической школы репрезентирована тенденция инверсионного развития постсоветских административно-политических элит. Она проявляется как в институциональных, так и в поведенческих характеристиках элит, связанных с явно проявляющимся процессом традиционализации российского социума при наличии декоративных черт демократии, которые, однако весьма поверхностны и имитационны.

Процессы традиционализации и восстановления базовых характеристик традиционного общества (иерархия во властных отношениях; чрезмерный рост теневых экономических и бартерных отношений; религия и церковь как несущие ценностно-духовные институты и система ценностей; обычное право как нормативно-регулятивная база; кланово-родовые и земляческие отношения как основа социальных отношений и др.) продуцируют прежде всего в кавказских сообществах соответствующие лидерские типы и черты поведения: авторитаризм; опора на кланово-семейные и земляческие отношения; преобладание силовых методов в решении конфликтных ситуаций; культ физической силы, жесткости и жестокости; узкий круг преобладающих политических и экономических интересов (клановое местничество), ориентация на иерархию в политических и социальных отношениях. Соответственно такого типа лидерство референтно – находит понимание и поддержку в основной массе общества. Средний слой, интеллигенция к этому относятся достаточно критично. Но они составляют меньшинство этого социума.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БИЗНЕС-ЭЛИТА И ВЛАСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СРАЩИВАНИЕ, КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ КОНФЛИКТ?

Елена Юрьевна Баженова

*Кандидат эк.н., доцент каф.
Института социологии и регионоведения ЮФУ*

Отношения бизнеса и власти в истории России всегда складывались не просто. Политическая, государственная власть обеспечивает доступ к ресурсам, а вот власть бизнеса, более примитивно – власть прибыли, денег, находит способ трансформации этих ресурсов в эту самую прибыль. И одна, и другая власть – это мощнейшие силы, которые, если притягиваются друг к другу, то образуют колоссальную по мощи, но трудно контролируруемую извне, со стороны, например, социума симбиотическую систему.

В рамках теории, разрабатываемой Г.Б. Клейнером, социально-экономические системы рассматриваются как «ключевые действующие лица в экономическом пространстве-времени», а функционирование общества рассматривается как цепочка взаимодействий «государство – социум, экономика, бизнес». Не вдаваясь в подробности этой довольно мощной современной экономической теории, отмечу, что Г.Б. Клейнер впервые в отечественной экономической науке разделяет бизнес и экономику (или хозяйство) на два самостоятельных нетождественных, но равнозначных (наряду с социумом и государством) макросубъекта российского общества. Согласно данному подходу, государство в социально-экономической жизни представляет организующее начало, а бизнес – активизирующее.

Обратимся теперь непосредственно к вопросу современного взаимодействия региональной бизнес-элиты и власти на Северном Кавказе. Для начала определимся с терминами. Термином «бизнес-элита» обычно обозначают некоторые сообщества людей: а) владеющих успешным бизнесом, который приносит стабильный высокий доход его собственникам, и б) влияет на социально-экономическую и политическую ситуацию в обществе, в данном конкретном случае – республиках Северного Кавказа.

Традиционно принято считать, что наиболее распространёнными в сложившейся практике направлениями взаимодействия между бизнесом и властью на Северном Кавказе являются: 1) непосредственная представлен-

ность бизнеса во власти; 2) поддержка отраслей региона со стороны власти; 3) борьба с коррупцией; 4) коррупция как особая форма взаимодействий. Однако в жизни не всё так однозначно.

С началом нулевых годов, государственная власть в России установила «правила совместного общежития» власти и бизнеса, которые определялись следующими принципами:

- лояльность бизнес-элит по отношению к государству;
- финансирование экономических, социальных и политических начинаний власти;
- исключение влияния любых конфликтов внутри бизнес-элиты или с её участием на экономику России;
- бизнес-элиты должны принимать на себя ответственность за отрасли и регионы, где является доминирующей.

В рамках реализации таких «правил совместного общежития» на Северном Кавказе в этот период проходят назначения на посты президентов республик крупнейших бизнесменов и олигархов – Арсена Канокова в Кабардино-Балкарии и Хазрета Совмена в Адыгее. Следует отметить, что реализация ожиданий власти от бизнес-элит в форме наделения её представителей непосредственной исполнительной властью дала не вполне адекватный результат. Другой формой реализации установленных принципов участия бизнес-элиты в экономическом развитии республик явился призыв к непосредственному инвестированию в проекты на территории своих республик.

Сегодня в экономической сфере республик Северного Кавказа формируются две модели реализации потенциала бизнес-элиты в инвестиционном развитии республик: модель с упором на сложившиеся неформальные практики взаимодействий между административно-политическими и экономическими элитами на разных уровнях и модель формализованных отношений «с любым инвестором».

В основе первой модели (можно отнести Дагестан и Чечню) лежат два принципа – успешное подключение к федеральному финансированию и договорённости с бизнес-элитой – этническими представителями данных республик.

В рамках второй модели, реализуемой в остальных республиках Северного Кавказа, идёт попытка создания системы работы с любым инвестором, но пока в «ручном» режиме. Опыт показывает, что можно и нужно применять обе модели. При этом необходимо создавать условия для актуализации инициативы местного бизнеса, создавать для него соответствующие институциональные формы реализации инвестиционных возможностей.

В заключении хочу отметить, что процесс становления элитного слоя бизнеса в экономике Северного Кавказа протекает довольно сложно и мед-

ленно и пока далёк от своего завершения. Обновление бизнес-элиты связано с развитием новых производств, главным образом – крупных предприятий республик, и по разным причинам пока происходит слабо, хотя обнаруживаются перспективы развития этого процесса.

Наконец, на сформулированный для обсуждения вопрос: «Региональная бизнес-элита и власть на Северном Кавказе: сращивание, конкуренция или конфликт?», можно было бы коротко ответить: «Поиск новых форм взаимодействия».

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ВАРШАВСКОГО И ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТОВ?

Тадеуш Бодио

История показывает, что судьба наших университетов была переплетена и у них много общего, начиная с истоков университета в Ростове-на-Дону. Он был основан в 1915 году. Императорский Варшавский университет и его инфраструктура были эвакуированы властями России в Ростов-на-Дону. Стоит отметить, что официальное название университета было сохранено ещё в течение двух лет, затем был переименован в Варшавский университет в Ростове-на-Дону, и в последующие годы в Донской университет, Северо-Кавказский университет и др.

Я думаю, что это событие имело значительное влияние на факт, что Ростов стал одним из самых крупных университетов в европейской части России. Я также хотел бы подчеркнуть, что в текущем году Южный федеральный университет в Ростове-на-Дону отмечает 100-летие своей деятельности. Этот юбилей является ещё более красивым потому, что, благодаря своим успехам, университет получил большой авторитет и международное признание, способствуя цивилизационному прогрессу, развитию мировой науки и межкультурному диалогу. Пользуясь возможностью – от своего имени и от имени коллег – я хотел бы пожелать университету, чтобы и в последующие века замечательно развивался и успешно проводил миссию в лучших академических традициях, не зная государственных границ, а его сотрудников поздравить с научными достижениями и пожелать им дальнейших успехов в профессиональной работе и личной жизни.

О перспективах развития сотрудничества между университетами свидетельствует их потенциал. Стоит отметить, что Варшавский университет является крупнейшим высшим учебным заведением в Польше – у него есть более чем 50 000 студентов и сотрудников, десятки научно-исследовательских и учебных подразделений, развитая сеть международного сотрудничества и хорошая инфраструктура.

Ярким примером сотрудничества между двумя университетами могут быть совместные исследования, проведенные Институтом политических наук Варшавского университета и Центром системных региональных исследований и прогнозирования Южного федерального университета. В 2011–2015 годах наши центры провели совместные исследовательские проекты, посвященные трансформации политической элиты Кавказа. Я хотел бы подчеркнуть, что в организации этих исследований особую роль сыграл профессор Виктор Черноус, который выступил в качестве соавтора и координатора со стороны наших партнеров. В работе приняли участие несколько десятков ученых из ведущих научно-исследовательских центров Польши и Кавказа. Среди них были ученые, принадлежащие к узкой группе международных лидеров в области политологических исследований Кавказа, а также молодые ученые и аспиранты. Результаты исследований были представлены в четырех коллективных монографиях, а также в различных статьях, опубликованных в престижных научных журналах международного масштаба. Стоит отметить, что уникальность этих исследований, их познавательное и практическое значение подтверждается в частности многочисленными рецензиями на книги и цитированиями в международной литературе.

Описываемые исследования совпадают со стратегией развития Института политических наук – крупнейшего и ведущего политологического центра в Польше, занимающего первое место в рейтингах в течение многих лет, и как я полагаю, также и Ростовской элитологической школы. Они показывают потенциал обоих центров, волю научного сотрудничества и готовность к диалогу в соответствии с канонами академической традиции.

С моей, польской точки зрения, дальнейшее исследовательское сотрудничество должно компенсировать дефицит знаний об истории и настоящем времени Кавказа, способствовать строительству институционально-нормативной базы и подписанию соответствующих договоров, учитывать потребности обучения (в Институте политических наук студенты обучаются в нескольких областях исследования и могут выбрать из более десяти специальностей, в том числе «евразийские исследования» со специализацией в «кавказоведении»), создать условия для обмена научными работниками и студентами. Стоит подумать о совместном проекте, посвященном проблемам элит и безопасности на Кавказе или специфике трансформации

польской политической элиты после 1989 года. В любом случае, мы уже начали переговоры о следующем этапе исследования, его концепции и реализации.

Пшемислав Серадзан

Я убежден, что понимание политических элит и на Кавказе, в первую очередь, требует понимания специфики культурного пространства во всем его многообразии. Это требует междисциплинарного сотрудничества с участием политологов, социологов, культурологов, антропологов, этнологов и лингвистов.

В контексте развития научных исследований Кавказа как культурного и политического пространства особую роль играет международное сотрудничество исследователей. Синтез различных опытов и точек зрения приносит особенно ценные результаты. Я считаю, что сотрудничество с представителями российских и кавказских исследовательских центров является ключевым аспектом, который позволит польским исследователям избежать ошибок и упрощений. Два международных проекта – «Трансформация, власть и политическая элита Кавказа» и «Северный Кавказ – исследования и вызовы» сыграли здесь особо важную роль, создавая перспективы для дальнейшего плодотворного сотрудничества.

Всем польским политологам, которые изучают политологические процессы современного Кавказа, я хотел бы посоветовать ознакомление с достижениями Ростовской элитологической школы. Исследователи из Ростова-на-Дону создали уникальную междисциплинарную методологию исследования политических элит, в том числе в национальных республиках современной России. Изучая политические процессы, социологическую структуру, коллективную психологию, внутренние противоречия и этническую идентичность правящего истеблишмента, внесли огромный вклад в развитие российской и мировой элитологии. После современного польско-российского проекта, освященного политическим элитам современного Северного Кавказа, среди польских учёных растёт интерес к достижениям ростовских исследователей.

Анджей Вежбицки

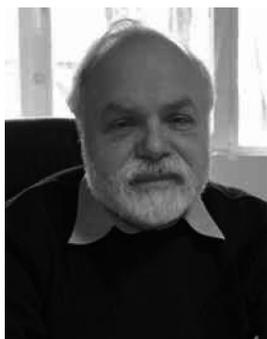
В будущем году Варшавский университет будет отмечать 200-летие существования. Он был основан в 1816 году. Во время первой мировой войны на основании части его эвакуированного в Ростов-на-Дону преподавательского состава был основан нынешний Южный федеральный университет. Это событие создает особые условия для нашего сотрудничества, особенно в период внешнего стремления к ухудшению польско-российских отношений. Оно доказывает большие возможности для гуманитарной сферы.

На мой взгляд, соответствующий договор о сотрудничестве подписан. Для его реального воплощения в жизнь нужны договоры на уровне институтов, кафедр, исследовательских центров. Замечательной предпосылкой для дальнейшего сотрудничества является участие ростовских учёных в исследовательской программе профессора Тадеуша Бодио, который создал особенный авторский коллектив и пригласил специалистов-кавказоведов для изучения современного Кавказа с политологической перспективы. Будем надеяться, что это только начало.

Яцек Залесны

Сотрудничество между научными работниками Института политических наук Варшавского и Южного федерального университетов, несмотря на сравнительно небольшую историю, принесло значительные плоды, и безо всякого сомнения – является перспективным. Мы связываем с ним большие ожидания в будущем. Необходимо и совершенно реально расширение и углубление сотрудничества таким образом, чтобы его результатом были совместные масштабные исследовательские проекты, публикуемые не только в Российской Федерации и Польше, а доступные для читателей в других государствах. Я говорю об этом не только в контексте исследований кавказской проблематики, имеющих приоритетное значение. Так удачно складывается, что в рамках совместной с Южным федеральным университетом деятельности Институт политических наук Варшавского университета располагает двойным опытом. Помимо плодотворных трудов коллектива профессора Тадеуша Бодио, посвященных элитам и лидерству на Кавказе, мы проводим исследования конституционного права государств Восточной Европы. Мне выпала честь сотрудничать в рамках данных исследований с известными профессорами Юридического факультета Южного феде-

рального университета – Натальей Владимировной Джагарян и Андреем Викторовичем Серегиним. Результатом стал специальный номер наиболее престижного в Польше политологического периодического издания «Studia Politologiczne» («Политологические исследования») 2014, № 32 *Проблемы конституционализма и его судебной защиты в государствах Восточной Европы*, доступного также для читателей государств Восточной Европы.

Виктор Владимирович Черноус

*Кандидат политических наук, профессор ИСир ЮФУ,
зам. гл. редактора ж-ла «Гуманитарий Юга России»*

Историко-генетическая преемственность Варшавского и Южного федерального университетов предопределяет взаимное тяготение к сотрудничеству в самых разных областях науки и образования и отдельных успешных примеров тому достаточно.

Такое сотрудничество особенно важно в наше турбулентное время в сфере социально-гуманитарных дисциплин. Именно ученые-гуманитарии могут либо конструировать взаимные фобии либо создавать условия для взаимопонимания через диалог, совместный поиск научной истины, преодоление негативных стереотипов и ксенофобии.

Примером последнего подхода является проект «Политические элиты Северного Кавказа: исследования и вызовы», который был реализован международным коллективом ученых в 2013-2014 гг. Он был инициирован и успешно реализован благодаря неутраченным усилиям профессора Тадеуша Бодио. Впервые удалось объединить для разработки крупной научной проблемы ученых ведущих польских и российских научных центров, ученых из государств Южного Кавказа. Ядро коллектива составили ученые Института политических наук Варшавского университета и Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Благодаря проекту усилилось сближение, а иногда и первое знакомство двух потенциалов в изучении Кавказа – российского и польского. Не скрою, я достаточно фрагментарно представлял себе уровень и масштабность, профессионализм и креативность польского кавказоведения, его укорененность во многих университетах, в определенном смысле это стало сюрпризом.

В отличие от англо-саксонских авторов, вклад польских ученых в кавказоведение в российской науке явно до сих пор недооценивается. Теперь,

после выхода четырех крупных коллективных работ, а также ряда научных конференций в Польше с участием российских кавказоведов за последние годы, такая неосведомленность преодолена.

Очевидно, что польские и российские ученые и не только элитологи и кавказоведы взаимно заинтересованы в активизации научных коммуникаций, обмене публикациями и т.п. В этом плане перспективы сотрудничества Южного федерального и Варшавского университетов, других польских и южно-российских университетов и научных центров практически безграничны.

Реализованный польско-российский проект, который стал поводом для проведения Круглого стола, сам характер обсуждаемых вопросов свидетельствуют как о многообразии подходов к современным режимам, лидерству и элитам в регионе, так и о том, что идя разными путями, имея разные исследовательские установки ученые приходят к сходным представлениям об особенностях Кавказа, методологическим принципам исследования политического и культурного регионального процессов.

Думается, что работа над совместным проектом, концепция его, предложения Т. Бодио, позволили взаимно обогатить и польский и российский научный дискурс по проблемам Кавказа, вывести его за рамки только национальных школ, уйти от политической ангажированности и предвзятости. Проект дал реальное, а не имитационное приращение нового знания о Кавказе, развитие методологии исследования современной ситуации.

В настоящее время идет обсуждение нового проекта, инициированного вновь Т. Бодио, его концепции. Это доказывает востребованность и перспективность польско-российского научного сотрудничества, особенно Варшавского и Южного федерального университетов. Пока оно в значительной степени развивается заочно, дистанционно. Но несмотря на все современные информационные технологии, они не могут заменить очного, живого творческого общения между учеными. Предстоящие юбилеи обоих университетов должны стимулировать такие контакты, плодотворность которых не нуждается в дополнительных доказательствах.

В заключение хочется еще раз выразить признательность польским коллегам за их внимание к проблемам Юга России и за интерес к совместным с российскими учеными проектам. По кавказской традиции Южному федеральному университету предстоит также предложить тему для обмена мнениями и совместного исследования. Что состоится в ближайшее время.

ROUND TABLE – THE ELITE OF THE NORTH CAUCASUS: THE EXPERIENCE OF THE POLISH-RUSSIAN SCIENTIFIC COOPERATION

The roundtable was organized by the magazine „Humanitarians South Russia” in connection with the release of two fundamental monographs T. Bodio (ed.), *Kaukaz Północny: elity, reżimy, etnopolityka, bezpieczeństwo*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 and T. Bodio (ed.), *Kaukaz Północny: elity władzy i życie polityczne*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 on the results of the Polish-Russian project.

KEY WORDS: *political elites, leadership, modernization, the North Caucasus, the Polish School of Caucasian studies, Warsaw University, Southern Federal University, scientific cooperation projects*

Михаил Иванович Пастухов

К вопросу об отмене смертной казни в Республике Беларусь

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*право на жизнь; смертная казнь; мораторий на применение
смертной казни*

Введение

К настоящему времени во всех европейских странах, кроме Республики Беларусь, смертная казнь как мера уголовного наказания либо отменена, либо не применяется. Такое решение продиктовано не только соображениями гуманизма, но еще и международными обязательствами, которые взяли на себя современные государства. В частности, речь идет о соблюдении положений Всеобщей декларации прав человека (преамбулы и ст. 3), Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 6), Европейской конвенции о защите прав и основных свобод (ст. 2).

Следует также иметь в виду, что в Протокол № 6 к Европейской конвенции закрепляется норма о том, что в государствах-членах никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен. Правда, в порядке исключения допускалась возможность применения смертной казни за действия, совершенные во время войны или в период угрозы войны. На основании указанного Протокола Парламентская Ассамблея Совета Европы установила в качестве обязательного требования к государствам-членам отмену смертной казни как вида наказания или введение моратория на ее применение.

Протокол № 13 к Европейской конвенции, принятый государствами-членами Совету Европы 3 мая 2002 г., установил, что смертная казнь подлежит отмене при любых обстоятельствах.

Как известно, Республика Беларусь не является членом Совета Республики. Тем не менее, важно напомнить, что в марте 1993 года белорусское государство подавало заявку в Совет Европы. Однако в январе 1997 года на уровне Парламентской Ассамблеи Совета Европы было принято решение приостановить рассмотрение заявки Республики Беларусь. Несмотря на это, взаимодействие с Советом Европы продолжает развиваться по целому ряду направлений.

Беларусь является участником Европейской культурной конвенции, членом соглашения Совета Европы по спорту. С 2010 года Беларусь участвует в конвенциях об уголовной и о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. С марта 2014 года Республика Беларусь является членом Конвенции о противодействии торговле людьми. Кроме того, Республика Беларусь принимает участие в четырех руководящих комитетах Совета Европы (по культуре, наследию и ландшафту; по образовательной политике и практике; по молодежи; по вопросам Всемирного антидопингового агентства), а также в ряде иных комитетов Совета Европы в качестве наблюдателя.

Тем самым, Республика Беларусь осуществляет сотрудничество с Советом Европы и его уставными органами, сохраняя за собой перспективу вступления в состав этой межправительственной организации.

Конституционные основы права на жизнь

В соответствии с частью 1 статьи 24 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на жизнь.

В юридической литературе отмечается, что право на жизнь не следует понимать в узком смысле этого слова, а именно: *«как недопустимость посягательства на жизнь человека, невозможность существования смертной казни в государстве»*¹.

Действительно, согласно части второй статьи 24 Конституции, государство лишь берет на себя обязательство защищать жизнь человека от любых противоправных посягательств. Но это вовсе не означает, что смертная казнь запрещается.

В части 3 указанной статьи Конституции записано, что смертная казнь **до ее отмены** может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда.

¹ Г.А. Василевич, *Конституционное право Республики Беларусь: учебник*, Минск 2010, с. 277.

Тем самым, исходя из смысла статьи 24 Конституции, можно сделать вывод, что в перспективе белорусское государство должно отказаться от этого вида наказания. Кроме того, указание на исключительный характер применения смертной казни предполагает, что она может назначаться судом в особых случаях, когда нельзя применить иные меры наказания (например, длительные сроки лишения свободы).

Уголовное законодательство о смертной казни

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь, принятый 9 июля 1999 г. и вступивший в силу с 1 января 2001 г.², предусматривает в качестве одного из основных видов наказания смертную казнь (ст. 48).

Подробнее условия применения смертной казни определяются в статье 59 Уголовного кодекса (далее – УК). Согласно части первой этой статьи, смертная казнь допускается в качестве исключительной меры наказания за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. В части второй статьи отмечается, что смертная казнь не может быть назначена лицам, совершившим преступление в возрасте до 18 лет; женщинам; мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора 65 лет.

По сравнению с Уголовным кодексом БССР 1960 г., который предусматривал этот вид наказания по 37 составам преступлений, Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. допускает назначение смертной казни по 14 составам преступлений.

Так, в соответствии с санкциями Особенной части УК смертная казнь может быть назначена за следующие преступления: развязывание либо ведение агрессивной войны (ч. 2 ст. 122); убийство представителя иностранного государства или международной организации с целью провокации международных осложнений или войны (ч. 2 ст. 124); международный терроризм (ст. 126); геноцид (ст. 127); преступления против безопасности человечества (ст. 128); применение оружия массового поражения (ст. 134); нарушение законов и обычаев войны (ст. 135); убийство (ч. 2 ст. 139); терроризм (ч. 3 ст. 289); измена государству, сопряженная с убийством (ч. 2 ст. 356); заговор с целью захвата государственной власти, повлекший гибель людей либо сопряженный с убийством (ч. 3 ст. 357); террористический акт (ст. 359); диверсия (ч. 2 ст. 360); убийство работника милиции (ст. 362).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь, Минск: Академия МВД Республики Беларусь 2008.

Лица, приговоренные к смертной казни, в соответствии с частью 2 статьи 174 Уголовно-исполнительного кодекса имеют право в установленном порядке обратиться с ходатайством о помиловании; оформить необходимые гражданско-правовые и брачно-семейные отношения; иметь свидания с близкими родственниками, адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, и со священнослужителем³.

Смертная казнь исполняется непублично путем расстрела. При исполнении смертной казни присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь, и врач. Об исполнении приговора составляется акт.

Администрация учреждения, в котором исполняется смертная казнь, уведомляет об этом суд, постановивший приговор, а суд извещает одного из близких родственников. Тело для захоронения не выдается, о месте захоронения не сообщается.

Анализ практики применения смертной казни в Беларуси показывает следующую динамику. В начале 90-х годов, когда действовал УК 1960 г., наблюдалась тенденция к увеличению количества лиц, осужденных к этому наказанию. Так, в 1990 г. такие приговоры были вынесены в отношении 20 чел., в 1991 г. – 21 чел., 1992 г. – 24 чел., 1993 г. – 20 чел., 1994 г. – 25 чел., 1996 г. – 29 чел., 1997 г. – 46 чел., 1998 г. – 47 чел.

С декабря 1997 года в Уголовный кодекс Республики Беларусь было введено такое наказание как пожизненное заключение⁴. Оно стало применяться в качестве альтернативы смертной казни. В результате количество смертных приговоров стало сокращаться (правда, за счет увеличения числа лиц, отбывающих пожизненное заключение).

В 1999 году приговоры к смертной казни были вынесены в отношении 13 чел., в 2000 г. – 4 чел., в 2001 г. – 7 чел., в 2002 г. – 4 чел., в 2003 г. – 4 чел., в 2004 г. – 2 чел., в 2005 г. – 2 чел., в 2006 г. – 9 чел., в 2007 г. – 4 чел., в 2008 г. – 2 чел., в 2009 г. – 2 чел., в 2010 г. – 2 чел., в 2011 г. – 2 чел.

Практически во всех случаях смертная казнь назначалась за совершение преступлений, сопряженных с лишением жизни человека или нескольких человек по части 2 статьи 139 УК («Умышленное убийство»). В одном случае обвинение было предъявлено в совершении террористического акта (по факту взрыва в Минском метро 11 апреля 2011 г.).

Как видим, на практике отчетливо просматривается тенденция к сокращению случаев применения исключительной меры наказания.

³ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, Минск: Амалфея 2006.

⁴ А.В. Барков (ред.), *Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь*, Минск 2003, с. 175–176.

Референдум по вопросу об отмене смертной казни

На республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. предлагался для голосования вопрос: «Поддерживаете ли вы отмену смертной казни в Республике Беларусь?».

По данным Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов за отмену смертной казни высказалось 18% избирателей, «против» отмены проголосовали 80,44% избирателей.

Следует также отметить, что указанный вопрос выносился на необязательное голосование. Это означает, что результаты голосования не повлекли за собой принятия каких-либо законодательных решений. Тем не менее, они были приняты во внимание высшими органами государственной власти при определении уголовной политики. Во всяком случае, принятие решение об отмене смертной казни было отложено на неопределенное время.

Заключение Конституционного суда от 11 марта 2004 года

Данное решение Конституционного суда было вынесено в рамках рассмотрения дела «О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни»⁵.

Производство по данному делу было возбуждено Конституционным судом 4 ноября 2003 г. по предложению Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь.

При принятии решения Конституционный суд детально проанализировал нормы уголовного законодательства в части назначения наказания в виде смертной казни, практику его применения, нормы международных договоров, ратифицированных Республикой Беларусь, учел результаты референдума 1996 года по вопросу о возможности отмены смертной казни, а также тот факт, что в судебной практике не могут быть полностью исключены ошибки.

В итоге Конституционный суд решил признать пункт 11 части первой статьи 48 и статью 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь не соответствующими Конституции Республики Беларусь в части отсутствия в них указания на временный характер смертной казни. Он также отметил, что часть третья

⁵ Заключение Конституционного суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г., «Вестник Конституционного суда Республики Беларусь» 2004, № 1, с. 89–100.

статьи 24 Конституции позволяет принять решение об объявлении моратория на применение смертной казни или о полной отмене этого наказания.

В своем решении Конституционный суд пришел к выводу, что *«в современных условиях вопрос об отмене этого вида наказания или как первом шаге – об объявлении моратория на его применение может быть решен Главой государства и Парламентом»*⁶.

Современный этап развития

В последние годы тенденция на уменьшение количества приговоров к смертной казни сохраняется. Так, в 2012 году их вовсе не было, в 2013 году – к этому виду наказания были приговорены четыре человека. В 2014 году таких приговоров суды не выносили.

Результаты социологических опросов, проведенных среди граждан Беларуси, показывают, что отношение общественности к применению смертной казни изменяется. Если на референдуме 1996 года за отмену смертной казни высказалось 80,44% граждан, принявших участие в голосовании, то в сентябре 2008 года число сторонников применения этого вида наказания снизилось до 44,2%, а в марте 2012 года – до 40,8%. Одновременно отмечается рост числа противников смертной казни. Если в сентябре 2008 года таких респондентов имелось 47,8; то в марте 2012 года их стало 49,7%⁷.

В том же источнике приводятся результаты еще одного опроса общественного мнения, в котором респондентам предлагалось три варианта ответов по отношению к смертной казни, включая мораторий на применение смертной казни. Результаты оказались следующими: за отмену смертной казни высказалось 31,4% опрошенных, за применение смертной казни – 31,3%, за мораторий – 31,9%, затруднились с ответом – 5,4% опрошенных⁸.

Как следует из приведенных данных, решение о моратории на применение смертной казни уравнивает крайние позиции и выступает наиболее приемлемым решением.

Еще одним аргументом в пользу отмены смертной казни является вероятность судебных ошибок. Так, приговор Верховного суда Республики Беларусь по уголовному делу о террористическом акте в Минском метро в апреле 2011 г., вынесенный в отношении молодых людей Д.Коновалова и В.Ковалева, возбудил общественную дискуссию о возможности применения смертной казни.

⁶ Заключение Конституционного суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г., «Вестник Конституционного суда Республики Беларусь» 2004, № 1, с. 100.

⁷ В.В.Филиппов, *Кому нужна смертная казнь*, Минск: «Медисонт», 2014, с. 48.

⁸ Там же, с. 23.

Вопрос об отмене смертной казни необходимо решать и по той причине, что Республика Беларусь остается единственным государством за рамками Совета Европы и должна предпринять шаги по приведению своего законодательства в соответствие с европейскими стандартами.

Кроме того, с 1 января 2015 года Республика Беларусь находится в составе Евразийского экономического союза, другие участники которого (Россия, Казахстан, Армения и Кыргызстан) отказались от применения смертной казни. Значит, и Беларуси надо последовать их примеру.

Пути решения проблемы

Как выше отмечалось, в решении Конституционного суда от 11 марта 2004 года указано, что вопрос об отмене смертной казни или об объявлении моратория на ее применение может быть решен Главой государства или Парламентом.

Известный белорусский юрист Г.А. Василевич допускает возможность введения моратория на применение смертной казни с тем, чтобы по прошествии времени проанализировать и посмотреть, как данное решение повлияет на криминогенную обстановку⁹.

Другой белорусский юрист В.М.Хомич полагает, что можно ограничиться применением смертной казни только случаями совершения преступлений, связанных с убийством человека при отягчающих обстоятельствах¹⁰.

Среди белорусских юристов высказывается также мнение о необходимости безотлагательной отмены смертной казни. Так, по мнению Н.А.Бабия, «...смертная казнь оказывает разлагающее влияние на всех граждан, воспитывая их в духе ничтожности чужой жизни»¹¹.

Представляется, что наиболее быстрым решением проблемы может быть издание главой государства декрета или указа по данному вопросу. Основываясь на этом акте, суды могут выносить приговоры с назначением наказания в виде смертной казни, однако они не должны приводиться в исполнение, то есть будут носить отлагательный характер.

Еще одним вариантом решения может быть принятие Парламентом закона о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Респу-

⁹ Г.А. Василевич, *Конституционное право Республики Беларусь: учебник*, Минск 2010, с. 280.

¹⁰ В.М. Хомич, *Смертная казнь и альтернативные уголовные санкции в условиях кризиса наказания*, [в:] *Отмена смертной казни в Республике Беларусь: сборник научных материалов*, Минск 2014, с. 34.

¹¹ Н.А. Бабий, *Нравственное разращение общества как последствие употребления смертной казни*, [в:] *Отмена смертной казни в Республике Беларусь: сборник научных материалов*, Минск 2014, с. 49.

блики Беларусь. В соответствии с этим законом смертная казнь должна быть исключена из перечня видов наказания (ст.ст. 48, 59 УК), а также из составов конкретных преступлений как вид наказания.

После принятия одного из двух вышеназванных решений будет в полной мере реализовано право каждого человека на жизнь и откроется возможность для вступления Республики Беларусь в состав Совета Европы.

Mikhail Ivanovich Pastukhov

ONT THE ISSUE OF ABOLITION OF THE DEATH PENALTY IN BELARUS

The text refers the issue of abolishing the death penalty in Belarus.

KEY WORDS: *the right to live; the death penalty; a moratorium on the death penalty*

Библиография

Н.А. Бабий, *Нравственное развращение общества как последствие употребления смертной казни*, [в:] *Отмена смертной казни в Республике Беларусь: сборник научных материалов*, Минск 2014.

А.В. Барков (ред.), *Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь*, Минск 2003.

Г.А. Василевич, *Конституционное право Республики Беларусь: учебник*, Минск 2010.

О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни: Заключение Конституционного суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г., «Вестник Конституционного суда Республики Беларусь» 2004, № 1.

Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, Минск 2006.

Уголовный кодекс Республики Беларусь, Минск 2008.

В.В. Филиппов, *Кому нужна смертная казнь*, Минск 2014.

В.М. Хомич, *Смертная казнь и альтернативные уголовные санкции в условиях кризиса наказания*, [в:] *Отмена смертной казни в Республике Беларусь: сборник научных материалов*, Минск 2014.

Яцек Залесны

Теоретико-правовые вопросы ответственности Президента Республики Польша

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*польша, Президент, конституционная ответственность,
конституционный деликт, привлечение к конституционной
ответственности, Государственный трибунал*

Введение

Сущность и специфика правовой ответственности Президента РП (ее рамки, определяющие факторы и порядок реализации) определена непосредственно в положениях Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г.¹ В ней урегулирована конституционную ответственность президента и привлечение к уголовной ответственности. Однако, оставлена в стороне проблематика гражданско-правовой ответственности президента.

Конституционная ответственность

Президент несет конституционную ответственность за деяния, не являющиеся преступлениями, которыми даже неумышленно нарушил Конституцию либо закон в связи с занимаемой должностью или в сфере исполнения своих служебных обязанностей. Комплекс перечисленных условий составляет распространяющийся на президента конституционный деликт. Таким образом, речь идет о президентском: 1) деянии, 2) не являющимся преступлением, 3) заключающемся в нарушении положения

¹ Dziennik Ustaw. 1997. Nr 78, poz. 483 (с последующими изменениями).

Конституции либо закона, 4) совершенном в связи с занимаемым постом либо в сфере исполнения своих обязанностей, 5) совершенном даже непреднамеренно.

Конституционный деликт

Согласно действующему законодательству, конституционная ответственность охватывает деяния президента. Они являются первым фактором ответственности, без существования которого невозможно говорить о конституционной ответственности. Президент может нести ответственность исключительно за совершенное деяние. Следовательно, явление, которое не является деянием, не будет иметь последствия в возбуждении производства в Государственном трибунале. Находясь в поисках определения деяния, в то же время, не углубляясь в широкие теоретические опусы², можно сделать вывод, что деяние – это какое-либо событие, зависимое от человеческой воли, являющееся ее реализацией. В сущности, независимые от человеческой воли явления не считаются деянием. Также не считается деянием в том случае, когда поведение невозможно отнести главе государства по причине его психической болезни; аналогично в случае его болезни³. Президент не несет конституционной ответственности за несоответственные мысли, намерения или за нанесение вреда невольно, в состоянии неведения или под физическим принуждением (*vis absoluta*)⁴. В частности, согласно сентенции *cogitationis poenam nemo patitur* (никто не несёт наказания за мысли), само намерение – нереализованное в виде действий или в словесной форме – не предполагает возможность возбуждения производства по делу о конституционной ответственности. Преследование за мысли или намерения означало бы чрезмерное вмешательство во внутреннюю сферу жизни человека. Это бы угрожало определенным подчинением личности государственной власти, поэтому, в правовом государстве недопустимо.

Деяние заключается в действии или бездействии. Согласно принципу *impossibilium nulla est obligatio*, Президент РП несет конституционную ответственность за деяния, которые могут быть реализованы в действительности⁵.

² Более детальная информация на тему «деяния» представлена, например в Р. Коницзник, *Czyn jako podstawa odpowiedzialności w prawie karnym* Kraków 2002 и в указанной там литературе. Z. Ziemiński, *Analiza pojęcia czynu*, Warszawa 1972.

³ См. W. Lang, *Spór o pojęcie odpowiedzialności prawnej*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Prawo” 1969, Vol. IX, s. 55–56.

⁴ W. Wolter, *Nauka o przestępstwie. Analiza prawna na podstawie przepisów części ogólnej kodeksu karnego z 1969 r.*, Warszawa 1973, s. 50.

⁵ W. Lang, *Spór o pojęcie odpowiedzialności prawnej...*, s. 57.

«Необходимо принять тот факт, что в стандартном случае рационально действующий законодатель утверждает норму, диктующую ее адресату реализацию или неосуществление определенного состояния вещей потому, что желает, чтобы путем соответственного поведения данного индивидуума возникло такое, а не иное положение вещей. Если бы он знал, что достижение данного положения вещей является в том или ином смысле «невозможным», то действовал бы нерационально, устанавливая норму – разве что его целью, в сущности, было бы нечто отличное от приведения к достижению данного положения вещей»⁶. К действиям президента можно отнести только те последствия, которые являются стандартными последствиями деяния. Это означает, что он несет конституционную ответственность исключительно за те последствия деяния, которые находятся в границах человеческого предположения. Деятельность главы государства является причиной следствия. В случае отказа президент не предотвратил результат. Он мог предпринять действия, которые обусловили невозможность возникновения нежелательного последствия, но этого не сделал.

Президент несет конституционную ответственность за совершенное деяние. Таким образом, она имеет репрессивный (последовательный), а не превентивный (предупредительный) характер. В процессе применения права не оцениваются будущие действия президента, возможное для достижения положение вещей, а только действия, которые уже объективно актуализировались⁷. В то же время, установление в правовых нормах конституционной ответственности играет превентивную роль, агитационную. Защищает президента от действий, с правовой точки зрения нежелательных, а вместе с тем, склоняет к реализации того, что требует от него законодательство, т.е. к воздержанию от отказа.

Чтобы лицо несло конституционную ответственность, вменяемое ему деяние не может исчерпывать установленные законом признаки преступления (включая финансовое преступление). Оно не может подлежать наказанию в порядке уголовного законодательства (в том числе финансового). Таким образом, законодатель проводит четкую грань между конституционной и уголовной ответственностью.

Чтобы совершенное деяние могло быть признано конституционным деликтом, оно должно заключаться в нарушении Конституции РП или закона (не являющегося так называемым уголовным законом). Следовательно, оценке подлежит легальность деяний заинтересованного лица, а не их целенаправленность. Если поддать осуждению целенаправленность

⁶ Z. Ziemiński, *Analiza pojęcia czynu...*, s. 50–51.

⁷ B. Dziemidok-Olszewska, *Odpowiedzialność głowy państwa i rządu we współczesnych państwach europejskich*, Lublin 2012, s. 113.

действий, в сущности, не поддающуюся измеримой оценке, тогда был бы подвергнут сомнению смысл института конституционной ответственности. Согласно букве закона она стала бы, недопустима согласно законодательству, политической ответственностью президента перед парламентом. Законодатель не охватил конституционным деликтом всякого рода нарушение права, предмет регулирования он ограничил до законотворческих актов, находящихся на самом высоком уровне в системе правовых источников, в частности – главным образом созданных в парламенте. Следовательно, непосредственной причиной привлечения главы государства к конституционной ответственности не может быть нарушение закона парламентской палаты (в том числе парламентского регламента), постановления или распоряжения.

Само нарушение положений конституции или закона является достаточным поводом к привлечению президента к конституционной ответственности. Оно не подлежит определению, выражением которого была бы принятая в некоторых других государствах формула, например «нанесение значительного ущерба интересам государства», или хотя бы «серьезное нарушение конституции или закона»⁸. Преследованию подлежит сам формально воспринимаемый факт отсутствия соблюдения правовой нормы без анализа специфики нарушения⁹. Характер правового нарушения имеет значение уже при вынесении решения (наказания). Само нарушение правовых норм трактуется авторами Конституции РП как наносящее вред интересам государства и, вследствие того, требующее преследования. Президент, являющийся по закону гарантом Конституции, сам должен в полной мере соблюдать ее положения. Принятая формула производства лучше других служит соблюдению законодательства. В то же время, применение объективных критериев (сам факт совершения деяния) при определении конституционного деликта освобождает процедуру производства от дополнительных элементов ее политизации. Учитывая место формулирования обвинительного акта (парламент), это не должно остаться без значения.

Нарушение конституции или закона может осуществиться в форме актов правотворчества (как общих правовых актов, так и специальных правовых актов) либо актов правоприменения¹⁰. В первой группе случаев (акты право-

⁸ Более детально на данную тему см. J. Zalesny, *Odpowiedzialność konstytucyjna w Europie Środkowo-Wschodniej*, [w:] T. Mołdawa (red.), *Zagadnienia konstytucjonalizmu krajów Europy Środkowo-Wschodniej*, Warszawa 2003, s. 134-135.

⁹ S. Grabowska, *Modele odpowiedzialności konstytucyjnej prezydenta we współczesnych państwach europejskich*, Toruń 2012, s. 87.

¹⁰ Ср. J. Ciapała, *Prezydent w systemie ustrojowym Polski (1989-1997)*, Warszawa 1999, s. 372; R. Mojak, *Instytucja Prezydenta RP w okresie przekształceń ustrojowych*, Lublin 1995, s. 111.

творчества) совершение конституционного деликта заключается в принятии правового акта, несоответствующего акту, находящемуся выше в системе правовых источников, или в непринятии правового акта, к принятию которого президент был обязан. Узкая трактовка правового положения дала бы возможность утверждать, что каждое подтверждение Конституционным трибуналом несоответствия конституции изданного президентом нормативного акта могло бы стать причиной постановки вопроса об устранении его с занимаемого поста¹¹. Такие действия нашли бы подтверждение не только в характере конституционного деликта, принятого польским законодателем (неквалифицированное нарушение конституции или другого закона), но вместе с тем, в ст. 126, ч. 2 Конституции, возлагающей на президента обязанность гарантирования соблюдения конституционных норм, что связано с конкретной обязанностью соблюдения всех ее положений, со всеми правовыми последствиями, возникающими в связи с этим.

Во второй группе случаев нарушения конституции или закона (акты правоприменения) совершение конституционного деликта заключается в издании президентом акта индивидуального характера, несоответствующего (по сути, по компетенциям или по процедуре) конституции или закону, либо отсутствия издания акта индивидуального характера в ситуации, когда правовая норма возлагает на него эту обязанность.

Чтобы нарушение конституции или закона стало основанием конституционной ответственности, оно должно быть совершено в связи с занимаемой должностью либо в сфере выполняемых обязанностей. Тем самым законодатель определил пространство совершения деяния. Его формирует связь с занимаемым постом или сфера выполняемых обязанностей. В «сфере выполняемых обязанностей» включают компетенции, возложенные на лицо в связи с занимаемой должностью. Относительно ст. 126 ч. 3 Конституции РП президент выполняет свои задания в рамках и согласно принципам, определенным в конституции и законах. Это они предоставляют главе государства компетенции, формирующие сферу его деятельности. Совершенные деяния в связи с занимаемым постом – это деяния, возможные для совершения в связи с занимаемой должностью. Если бы не выполнение обязанностей на его посту, совершение конституционного деликта было бы невозможным¹². Несение конституционной ответственности за нарушение правовых норм в связи с занимаемым постом Президента РП либо в сфере выполняемых обязанностей означает, что ответственность президента может относиться

¹¹ См. K. Działocha, T. Zalasinski, Uwaga 3 do art. 198, [w:] L. Garlicki (red.), *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskie. Komentarz*, t. 5, Warszawa 2007, s. 4.

¹² J. Ciapała, *Zagadnienie odpowiedzialności prawnej Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej*, „Przegląd Sejmowy” 2005, Nr 6, s. 107.

только к периоду, в котором он занимал свой пост, а также после окончания срока полномочий, если правовое нарушение имело место во время действия срока полномочий¹³.

Поскольку не возникают сомнения в том, что плоскостью для совершения главой государства конституционного деликта являются прерогативы (личные полномочия, которые для своей действительности не требуют ничего подтверждения), постольку отдельной трактовки требует ответственность президента за реализацию остальных компетенций. Специфику их использования частично обуславливает участие Председателя Совета министров в реализации официальных актов президента. В сущности, (согласно ст. 144 ч. 2 Конституции РП) каждый официальный документ главы государства требует для его действительности утверждения премьер-министра (контрассигнации). Следовательно, возникает вопрос, кто несет конституционную ответственность за утвержденный индивидуальный акт президента? На эту тему доктриной разработана четкая однозначная внутренняя позиция. Пока акт не получит утверждения Председателя Совета министров, до той поры он не реализуется, хотя может становиться причиной правовых последствий. Только согласие премьер-министра придает официальному документу президента качество действительности. В то же время, нет сомнений, что «требование получения контрассигнации, как условие действительности индивидуальных актов президента, не делает из данных актов, в их конституционной конструкции, документов со своего рода совместным авторством – президента и премьера. Это и далее официальные документы формального авторства исключительно данного первого органа»¹⁴, однако, благодаря утверждению Председателя Совета министров, получающие статус действительности. Тот факт, что это именно индивидуальные акты Президента РП, ведет к тому, что он несет ответственность перед Государственным трибуналом за их противоречие Конституции либо закону. Конституционную ответственность также несет премьер-министр, поскольку благодаря его утверждению изданный президентом акт трансформируется в действительный в правовом аспекте официальный документ президента. Следовательно, если бы не согласие Председателя Совета министров, не было бы осуществлено издание действительного в правовом аспекте официального документа президента, нарушающего конституцию или закон. В связи с этим, касательно актов, подлежащих контрассигнации,

¹³ См.: там же, s. 106.

¹⁴ P. Sarnecki, *Uwaga 4 do art. 144*, [w:] L. Garlicki (red.), *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskie. Komentarz*, t. 1, Warszawa 1999, s. 5.

говорим о распределении конституционной ответственности за них на Президента РП и Председателя Совета министров¹⁵.

Для того, чтобы деяние президента могло быть признано конституционным деликтом, оно должно быть совершено хотя бы непреднамеренно. Законодатель тем самым окончательно решил вопрос характера деяния как основание для конституционной ответственности (совершенное только преднамеренно, или также непреднамеренно). Глава государства несет конституционную ответственность как за деяния, совершенные преднамеренно, так и непреднамеренно.

Уголовный деликт

На основании ст. 145 ч. 1 Конституции РП от 2 апреля 1997 г. президент за совершение преступления несет ответственность перед Государственным трибуналом¹⁶, помимо того, согласно положениям закона о Государственном трибунале, перед Государственным трибуналом президент отвечает также за финансовые преступления. Следовательно, в полной мере исключена его уголовная и финансовая ответственность в судах общей юрисдикции или военных судах. В рамках совершенных президентом преступлений Государственный трибунал имеет полный и исключительный характер. Он имеет полный характер, поскольку охватывает собой все преступления, совершенные президентом. В то же время характеризуется исключительностью, поскольку за совершенное преступление президент отвечает только перед Государственным трибуналом. В перспективе конституционализма Польши и других государств специфическое процессуальное положение Президента Республики Польша не является чем-то исключительным. Главным образом следует из особого уважения к занимаемой должности – «наивысшего представителя Республики Польша» (ст. 126 ч. 1 Конституции). Немаловажным является также факт, что президент назначает судей.

Неприкосновенность президента (иммунитет главы государства от юрисдикции), в свою очередь, не имеет постоянного характера. Окончание срока полномочий означает распространение на бывшего президента юрисдикции судов общей юрисдикции и военных судов. Она включает все наказуемые деяния, совершенные экс-президентом как перед вступлением в должность

¹⁵ Cp. A. Frankiewicz, *Kontrasygnata aktów urzędowych Prezydenta RP*, Kraków 2004, s. 243; A. Rakowska, *Kontrasygnata aktów głowy państwa w wybranych państwach europejskich*, Toruń 2009, s. 252.

¹⁶ Более детально по данной теме см. J. Zaleśny, *Odpowiedzialność konstytucyjna w prawie polskim okresu transformacji ustrojowej*, Toruń 2004, s. 193–194.

президента, в течение срока его полномочий, так и после ухода с поста. В пользу недопущения постоянного исключения главы государства из общих принципов осуществления правосудия четко свидетельствует формулировка ст. 2 ч. 2 Закона о Государственном трибунале. Согласно ней в период осуществления своих обязанностей на посту президента не насчитывается срок давности наказуемости преступлений или финансовых преступлений, за которые лицо, находящееся на данном посту, не было поставлено в состояние обвинения перед Государственным трибуналом. Следовательно, *privilegium fori* не служит, таким образом, безнаказанности лица, реализующего обязанности на самом важном посту в иерархии государственной власти. Его целью не является создание оазиса для несоблюдения законодательства. Она направлена на обеспечение лицу, занимающему пост президента, оптимальных условий реализации мандата, а в связи с этим – на защиту института президента. С окончанием срока полномочий президента прекращается формально-правовая защита занимающего данный пост лица.

Производство по вопросу конституционной и уголовной ответственности

Как привлечение президента к конституционной, так и уголовной ответственности получает форму процесса, построенного на последовательно идущих друг за другом и взаимосвязанных деяниях и процессуальных событиях. Порядок производства по делу выдвижения Президенту РП обвинения перед Государственным трибуналом, не зависимо от рода ответственности, которую он несет: конституционной или уголовной, практически один и тот же. Как в рамках привлечения президента к конституционной, так и уголовной ответственности, оно состоит из трех стадий: 1) подготовительной, 2) юрисдикционной и 3) исполнительной. Они реализуются в одних и тех же органах.

Подготовительная стадия состоит из действий, обусловленных направлением Маршалу Сейма предварительного предложения по делу о привлечении к конституционной ответственности (соответственно: уголовной), завершается передачей Председателем Национального собрания Председателю Государственного трибунала обвинительного заключения, либо предпринятых действий, начиная с подачи Маршалу Сейма предварительного предложения о привлечении к конституционной ответственности (соответственно: уголовной), завершаемых прекращением производства Национальным собранием. Юрисдикционная стадия охватывает действия, начинающиеся с внесения в Государственный трибунал обвинительного заключения, завершается всту-

плением в законную силу решения. В свою очередь, исполнительная стадия включает действия по выполнению вступившего в законную силу решения, вынесенного Государственным трибуналом.

Парламентская стадия производства

В течение всего производства по вопросу конституционной ответственности Президента РП соответственное применение имеют положения криминальной процедуры. Так происходит не только в рамках производства, осуществляемого Государственным трибуналом, но также в течение парламентских работ над предварительным предложением о выдвижении обвинения президенту.

В рамках парламентского производства в сфере привлечения к ответственности перед Государственным трибуналом выделяются следующие фазы: 1) подача предварительного предложения Маршалу Сейма, 2) направление Маршалом Сейма предварительного предложения в Комиссию Сейма по конституционной ответственности (далее КОК), 3) рассмотрение Комиссией конституционной ответственности дела, охваченного предварительным предложением, 4) предоставление КОК отчета об обращении к Национальному собранию с предложением о привлечении президента к конституционной ответственности либо прекращением производства по данному делу, 5) принятие Национальным собранием решения об обвинении президента, далее – выбор обвинителей и направление обвинительного заключения в Государственный трибунал либо прекращение производства по делу.

Возбуждение производства по делу предъявления обвинения (как относительно конституционной ответственности, так и уголовной) президента осуществляется по требованию исключительно минимум $\frac{1}{4}$ членов законодательного состава Национального собрания (как минимум 140 депутатов или сенаторов). В то же время, неважно, в какой конфигурации парламентарии иницируют процесс. В законе о Государственном трибунале совершенно четко определены условия, каким должно соответствовать правильно составленное предварительное предложение. Оно должно: 1) соответствовать условиям, требуемым положениями уголовно-процессуального кодекса относительно обвинительного заключения, 2) содержать подписи всех заявителей, а также 3) указывать лицо, уполномоченное выступать от имени инициаторов предложения в дальнейшем производстве в органах Сейма.

Фундаментальное значение для дальнейшей судьбы производства имеет соответствие предварительным предложением требованиям, которые уголовно-процессуальный кодекс ставит к обвинительному заключе-

нию¹⁷. Суть предварительного предложения как информирующего о совершении конституционного деликта должна соответствовать двум основным целям. В первую очередь, оно должно дать возможность лицу, охваченному предварительным предложением, использование права на защиту. Процессуальные гарантии должны быть реализованы только тогда, когда лицу, указанному в предварительном предложении, будет представлено описание инкриминируемого ему деяния и его правовую квалификацию. Именно информация на тему вменяемого деяния определяет рамки защиты. Во-вторых, суть инициативы должна дать возможность Комиссии выработать свою позицию по отношению к ней. Нет никаких сомнений в том, что Комиссия конституционной ответственности не в состоянии высказать свою позицию относительно верности обвинения, если не знает четко, в чем оно заключается, в чем должно было бы заключаться совершение правового деликта.

Рамки четкого составления предварительного предложения следуют из фактических возможностей, коими располагают составляющие его парламентарии. По причине отсутствия соответственных компетенций (квалификации) они не проводят формальное подготовительное производство, дающее возможность собрать необходимый доказательный материал. В сущности, они не в состоянии получить достижимые результаты в уголовном производстве с использованием допроса свидетелей, экспертиз, требования документов и т.д. В связи с отсутствием необходимых правовых инструментов было бы нерациональным требование от инициаторов обращения составления предварительного обращения качественно соответствующего обвинительному заключению, вносимому прокурором в суд. Заявители должны представить материал, в свете которого достаточно обосновано подозрение в том, что лицо, указанное в предварительном предложении, совершило сформулированный в обвинении деликт. Только в обязанности КОК входит уточнение и выявление достоверности или фальсификации представленных в предварительном предложении обстоятельств дела¹⁸.

Правильно составленное предварительное предложение не только должно соответствовать условиям, требуемым положениями уголовно-процессуального кодекса относительно обвинительного заключения. Помимо этого, оно должно содержать подписи как минимум 140 парламентариев и указывать лицо, уполномоченное представлять заявителей в дальнейшем производстве.

¹⁷ Cp. J. Grajewski, *Warunki ustawowe i wymogi formalne wstępnego wniosku o pociągnięcie do odpowiedzialności konstytucyjnej przed Trybunałem Stanu*, „Przegląd Sejmowy” 2003, Nr 1, s. 17.

¹⁸ См.: там же, s. 20.

Оценивая в целом требования, которым должно соответствовать правильно составленное предварительное предложение, необходимо признать, что оно требует значительных расходов средств. Констатируемая правовая строгость продиктована весом оказываемого предварительным предложением процессуального воздействия, стремлением избежать необдуманных выводов, представленных в результате минутного возмущения или существующей политической интриги.

Предварительное предложение о предъявлении обвинения президенту передается Маршалу Сейма. Потенциальная неточность предложения обуславливает вопрос о его дополнении. С формальной точки зрения, т.е. завершенности, предварительное предложение оценивается Маршалом Сейма. Нет сомнений, что на начальном этапе работ (перед возбуждением производства Комиссией конституционной ответственности) отсутствуют правовые обоснования для материальной дисквалификации предварительного предложения, в частности – недопустимо, чтобы Маршал Сейма заблокировал инициативу по корыстным соображениям. Осуществляемой оценке может подлежать исключительно выполнение заявителями формальных элементов предложения как документа, который должен соответствовать условиям обвинительного заключения. Что касается сути, только полное уклонение в обосновании от изложения фактов, доказательств, указывающих на совершение деликта, могло бы привести к возвращению предварительного предложения заявителям для дополнения. Если Маршал Сейма считает, что предложение не соответствует определенным законом требованиям, то, согласовав с Президиумом Сейма, и после получения оценки Комиссии конституционной ответственности, он вызывает представителя заявителей для дополнения предложения в течение 14 дней, указывая при этом необходимую информацию для дополнения. Не осуществление дополнения предварительного предложения в надлежащий срок, или его модификация в недостаточной степени ведет к постановлению Маршала Сейма об оставлении предложения без рассмотрения. Решение Маршала Сейма не подлежит обжалованию. К нему не предусмотрен никакой кассационный инструмент, а также не может быть и речи о возвращении срока. Если заявители не учтут замечания, сформулированные Маршалом и Президиумом Сейма, это следует воспринимать как своего рода утверждение, что недостатки документа настолько весомы, что инициаторы производства не в состоянии их устранить. Вместе с тем нет правовых препятствий для направления в Сейм нового предварительного предложения, аналогичного предыдущему по сути.

Преследование Государственным трибуналом допускается в течение 10 лет с совершения деяния, если только деяние не является преступлением, относительно которого предусмотрен более длительный срок давности. То

обстоятельство, что обвиняемый уже не занимает пост Президента РП, не является препятствием для возбуждения и осуществления производства по вопросу его привлечения к правовой ответственности. Окончание срока делает невозможным проведение каких-либо процессуальных действий, которые можно определить как преследование Государственным трибуналом. Окончание срока давности ведет к тому, что нельзя возбудить производство, а уже возбужденное производство подлежит прекращению.

Производство в Комиссии конституционной ответственности

Признание Маршалом Сейма верности предварительного предложения обуславливает возбуждение КОК производства по вопросу предъявления обвинения президенту. Особого внимания заслуживает тот факт, что хоть обвинение президенту предъявляет Национальное собрание, – то с этой целью не назначается комиссия, совместная для депутатов и сенаторов, а подготовка материала возлагается на Комиссию Сейма по конституционной ответственности. С точки зрения конструкционной чистоты, действующие решения могут вызывать сомнения. Поскольку к компетенциям Национального собрания относится предъявление обвинения президенту, то именно оно должно назначать орган, готовящий данное решение¹⁹.

Заданием Комиссии как специального органа Сейма является рассмотрение обоснованности предварительного предложения путем всестороннего выяснения обстоятельств дела, и на этом основании составлении обращения к Национальному собранию с предъявлением президенту обвинения или с предложением о прекращении производства по данному делу. Регулирования, осуществляемые в КОК, служат уточнению содержания предварительного предложения, т.е. должны вести к установлению, следует ли рекомендовать Национальному собранию внесение в Государственный трибунал обвинительного заключения или необходимо внести предложение о прекращении производства. Разработке оптимальной позиции по делу служит обладание КОК не только стандартными инструментами парламентского влияния, а также инструментарий, применяемый в уголовной процедуре. В течение осуществляемого производства КОК вправе осуществлять допрос свидетелей и экспертов, требовать от государственных и общественных институтов предъявления разного рода актов и документов и т.д. Комиссия уполномочена к поручению Генеральному прокурору или Верховной контрольной палате Польши осуществления производства, расследующего

¹⁹ S. Grabowska, *Modele odpowiedzialności konstytucyjnej...*, s. 105.

определенные обстоятельства дела. Масса инструментов и их качественный характер должны дать возможность Комиссии доказать достоверность (в значении определения фактического положения вещей) осуществления вменяемого деяния и на этом основании передать парламентскому органу соответствующую рекомендацию.

Доказательные действия Комиссия конституционной ответственности проводит на закрытых заседаниях (негласных). Лица, которые без разрешения, предоставленного Председателем Комиссии, публично распространяют информацию по производству до того, как она будет обнародована в производстве Государственным трибуналом, облагаются штрафом, подлежат наказанию путем ограничения свободы или лишения свободы до двух лет.

Процессуальная позиция лица, охваченного предложением об объявлении обвинения перед Государственным трибуналом, отвечает процессуальному положению подозреваемого в уголовном производстве – лица, относительно которого издано постановление о представлении обвинения²⁰. Благодаря представлению обвинения оно знает, в каких границах будет двигаться ведущееся против него производство. Тем самым данное лицо получает возможность приведения в соответствие к делу адекватных инструментов защиты. В рамках реализованных в КОК работ в существенной степени используются также другие институты, заимствованные у криминальной процедуры. Аналогично тому, как лицо, которому в уголовном производстве предъявлены обвинения, лицо, охваченное предварительным предложением, вправе представлять разъяснение (письменное или устное), направлять заявления и пользоваться помощью защитника. Соответственное применение уголовно-процессуального кодекса в производстве КОК, если нормы закона о Государственном трибунале не предусматривают иного, ведет к тому, что обвиняемый вправе использовать также другие средства, следующие из конституционного права на защиту, и находящего свою конкретизацию в формулировках уголовно-процессуального права.

Комиссия работает над предварительным предложением в таком виде, в каком оно было внесено. Она не имеет компетенций для уточнения предложения, устранения содержащихся в нем ошибок. В связи с этим возникает вопрос влияния погрешностей представленного заявителями документа на работу Комиссии Сейма по конституционной ответственности. Необходимо констатировать, что ошибки предварительного предложения оказывают влияние на ход работ КОК и на их конечный результат. Они находят отражение в формулировке составленного нею отчета и рекоменда-

²⁰ См. J. Grajewski, *Warunki ustawowe...*, s. 17–18.

ции, предоставленной Национальному собранию. Они позволяют подавать заявление о прекращении производства по делу. В то же время, ошибки предварительного предложения могут находить отголоски в производстве в Государственном трибунале, если до него дойдет – оказывать влияние на форму вынесенного решения по делу, включая вынесение оправдательного приговора.

КОК связана рамками предварительного предложения относительно установления факта. Исключительно в его рамках ведется производство. Комиссия не располагает компетенциями расширения круга лиц, охваченных предварительным предложением, а также не имеет полномочий предъявления новых обвинений, даже если бы они были взаимосвязаны с ранее предъявленными. Таким образом, речь идет о субъектных и предметных рамках процедуры, осуществляемой комиссией. Если бы в результате работ оказалось, что расширение предложения обязательно, в то же время необходимой становится формулировка – на общих принципах – нового предварительного предложения. Производство в Сейме касается конкретного деяния. Связанность КОК «достоверностью исторического события» не означает, что недопустимо определение объектом производства таких исследуемых обстоятельств, как, например, время, место, функция или вид нанесенного ущерба, главное, чтобы данные обстоятельства касались деяния, на совершение которого указывает предварительное предложение. Проверая его детали, КОК вправе сделать предметом своей работы не только суть предварительного предложения, а также вопросы, касающиеся деяния, не учтенные в предварительном предложении.

Комиссия ограничена исключительно фактическими рамками деяния. Что может иметь значение для рассмотрения дела в ее криминальном аспекте, не связывает КОК правовой квалификацией вменяемого обвинения. Она может по-другому определить правовую квалификацию вменяемого обвинения, не так, как это сделали авторы предварительного предложения. Если только в свете собранного материала обнаружатся новые обстоятельства дела, в связи с которыми необходимо будет по-новому отнестись к правовому описанию деяния, то КОК должна привести в соответствие правовую квалификацию факта к фактическому состоянию, существующему в деле. Правовую квалификацию деяния Комиссия может изменить на аналогичную, более строгую или более мягкую для лица, которого касается предварительное предложение. Определяя собственную правовую квалификацию деяния, комиссия может признать его даже не подлежащим преследованию Государственным трибуналом и внести в Национальное собрание предложение о прекращении производства. Каждый раз, проводя процедуру данного типа, КОК должна учитывать сохранение права на защиту. Аналогично уго-

ловному производству осуществленное изменение правовой квалификации деяния не может являться ловушкой для лица, которого касается предложение. Все его процессуальные права (включая отнесение к новому правовому качеству обвинения) остаются действительными.

Время работы КОК относительно дела по привлечению к ответственности не ограничено. Комиссия располагает ним соответственно необходимости. По отношению к осуществляемому Комиссией производству по вопросу предъявления президенту обвинения не применяется принцип прерывания парламентских работ и запрета их продолжения в Сейме следующего созыва. В то же время, Комиссия конституционной ответственности Сейма нового созыва не связана постановлениями, принятыми Комиссией, ранее рассматривавшей дело. Рациональность принятого решения базируется на констатации того, что политическая конфигурация, определяющаяся в Сейме нового созыва, не может быть ограничена политическими решениями своих предшественников. Вместе с тем, отсутствуют контраргументы для поддержки, если только есть такое желание, ранее разработанных решений. От политических решений, принимаемых в КОК, законодатель отделяет осуществляемые в ней профессиональные действия. Как доказательный материал учитываются доказательства, собранные в ведущемся ранее производстве.

Всесторонний анализ всех собранных по данному делу материалов позволяет Комиссии завершить работу над ней. После реализации действий в рамках производства, осуществляемого комиссией, КОК принимает отчет об обращении к Национальному собранию с предложением о выдвижении президенту обвинений либо о прекращении производства по делу.

Законодатель определяет требования, каким должен соответствовать вносимый Комиссией проект постановления. Предложение о предъявлении обвинения должно содержать все данные, требуемые нормами уголовно-процессуального кодекса по отношению к обвинительному заключению, а предложение о прекращении производства должно содержать фактическое и правовое обоснование данного предложения.

Привлечение к ответственности перед Государственным трибуналом Польши

Решение по вопросу выдвижения обвинения Президенту РП перед Государственным трибуналом принимает Национальное собрание. Определение дальнейшей судьбы предложения, касающегося лица, занимающего пост Президента РП, Сеймом и Сенатом, когда они действуют как Национальное

собрание, а не исключительно нижней палатой парламента (Сейм), обусловлено уважением, оказываемым главе государства, а также взаимно дополняет другие компетенции Национального собрания.

Национальное собрание не связано предложением Комиссии. Оно может иметь к нему негативное отношение. Вправе также не принимать окончательного решения по делу и вернуть КОК внесенный отчет с целью дополнения производства. Отдавая отчет, Национальное собрание определяет направление и сферу дальнейшего производства Комиссии. Постановление по данному делу должно как можно более точно описывать ожидания Национального собрания. Нет препятствий к тому, чтобы перечислить, какие действия КОК – как органа, созданного для рассмотрения и подготовки дел, являющихся предметом работ Национального собрания – должна выполнить. Детализация рекомендаций служит полному удовлетворению требований Национального собрания и тем самым предупреждает возможное повторное направление дела в Комиссию с целью дальнейшего дополнения производства.

Независимо от сути предложения КОК, Национальное собрание всегда голосует о выдвижении обвинения Президенту РП перед Государственным трибуналом. Национальное собрание выдвигает президенту обвинение постановлением, принятым большинством как минимум 2/3 голосов определенным законодательством количеством членов Национального собрания. Результатом непринятия постановления о выдвижении обвинения является прекращение производства относительно лица, которого касалось предварительное предложение. В силу закона оно имеет место, когда предложение о возбуждении производства перед Государственным трибуналом не было поддержано соответственным количеством парламентариев и, тем самым, не было утверждено. Прекращение производства по делу констатирует председатель Национального собрания. Прекращение производства по делу означает, что лицо, которого касается предварительное предложение, не совершило инкриминируемого ему конституционного деликта. Последствием постановления о выдвижении обвинения президенту является выбор двух обвинителей Национальным собранием из числа его членов. Каждый из избранных должен соответствовать условиям, требуемым законом о назначении на пост судьи.

После принятия постановления о выдвижении обвинения Президенту РП, председатель Национального собрания направляет председателю Государственного трибунала постановление Национального собрания с обвинительным заключением. Постановление Национального собрания о переходе к этапу расследования процесса оказывает влияние на правовой статус лица, которого касается предложение. С момента принятия постановления

о выдвижении обвинения президенту исполнение обязанностей соответственного лица приостанавливается.

Производство в Государственном трибунале

Передача председателю Государственного трибунала обвинения завершает предварительное производство и в то же время открывает новый этап производства по делу о правовой ответственности президента – юрисдикционное производство (следственное). Оно проводится с соответственным применением положений уголовно-процессуального кодекса, если только закон о Государственном трибунале не гласит иного. Соответственное применение положений уголовной процедуры является формальной гарантией тщательного производства и вынесения справедливого решения²¹. Аналогичное значение имеет применение в Государственном трибунале принципа двухинстанционности производства.

Аналогично суду общей юрисдикции, Государственный трибунал вправе выдать: 1) обвинительный приговор, 2) оправдательный приговор, 3) постановления, прекращающее производство, 4) постановление, условно прекращающее производство.

Признание Президента РП виновным в инкриминируемых ему деяниях вызывает вопрос наказания. Не всегда признание вины обуславливает наказание. В связи с незначительной степенью общественного вреда деяния либо особыми обстоятельствами дела Государственный трибунал уполномочен остановиться на признании вины Президента РП и отказать от вынесения наказания. Отказ от вынесения приговора имеет абсолютный характер, т.е. ни коим образом не обуславливается дальнейшим поведением виновного в деянии. Как оборот «незначительная степень вредности (опасности) деяния», так и формулировка «особые обстоятельства дела» – это оценочные фразы, в правовом аспекте не до конца определенные, поддающиеся различной интерпретации. Открытость предусмотренных законодателем формулировок широко очерчивает границы конфиденциальной власти Государственного трибунала. Относительно свободно он выносит решения, кающиеся наказания. Следовательно, можно усматривать возможность того, что в специфической конфигурации явлений может дойти до произвольности в данной сфере, когда процесс будет остановлен на признании вины и отказа от приговора к соответственному наказанию. Более стандартным результа-

²¹ Более детально на тему принципов производства и проведения производства в Государственном трибунале см. J. Zalesny, *Odpowiedzialność konstytucyjna w prawie polskim...*, s. 246–281.

том признания вины привлеченного перед Государственным трибуналом, чем остановка на признании вины, является приговор к наказанию.

За совершение конституционного деликта Государственный трибунал выносит одновременно или отдельно следующее наказание: 1) потеря активного и пассивного избирательного права на выборах Президента РП, на выборах в Сейм, Сенат, в Европейский Парламент и на выборах в органы местного самоуправления на период от 2 до 10 лет, 2) запрет занимать руководящие должности либо выполнять функции, связанные с особой ответственностью, в органах государственной власти и в общественных организациях на период от 2 до 10 лет, 3) потеря всех или некоторых орденов, отличий и почетных званий, 4) потеря пожизненного ежемесячного оклада, 5) потеря финансовых средств, предназначенных на содержание офиса, 6) потеря охраны на территории Республики Польша, 7) потеря медицинской помощи, реализованной на принципах, определенных для работников и на условиях, определенных для лиц, занимающих высшие государственные должности. Каждый раз – за исключением прекращения на признании вины привлеченного к ответственности – признание Государственным трибуналом совершения конституционного деликта – ведет к отстранению Президента РП от должности. Следует заметить, что перечень предусмотренных видов наказания в сфере конституционной ответственности перекликается с известными уголовному кодексу видами наказания.

Когда же Государственный трибунал выносит приговор относительно совершения президентом уголовного или уголовно-финансового деликта, то приговаривает к наказанию на общих принципах.

От окончательного приговора Государственного трибунала (в том числе – относительно уголовной ответственности Президента РП) не предусмотрено никакое чрезвычайное средство обжалования. Также не имеет применения право на помилование.

Вынесенный Государственным трибуналом приговор выполняется Окружным судом в Варшаве в режиме правовых норм, касающихся выполнения решений судов общей юрисдикции по уголовным делам.

Гражданско-правовая ответственность

У основ анализа гражданско-правовой ответственности президента находится различие между гражданско-правовой ответственностью органа государственной власти, именуемого «Президент Республики Польша» и гражданско-правовой ответственностью лица, находящегося на посту «Президента Республики Польша», относящегося к частной сфере его жизни.

За нанесенный ущерб в связи с несоответствующими законодательству действиями Президента РП отвечает Казначейство Польши, в то же время, лицо, занимающее пост Президента РП, несет гражданско-правовую ответственность как физическое лицо. Он несет ее на общих принципах²². Это значит, что лицо, занимающее пост Президента РП, участвует в гражданских делах как сторона гражданского процесса, или как участник неспорного производства, если он выразил к этому свою волю, либо когда по воле другого субъекта он был вызван или уведомлен. Он не находится под защитой неприкосновенности президента (иммунитета главы государства от юрисдикции).

Итог

Учитывая сферу и характер принимаемых решений, Президент РП несет конституционную ответственность, т.е. вид правовой ответственности, не имеющей применения относительно подавляющего большинства высших должностных лиц. Она совмещает политические элементы, ключевые при формулировке предварительного предложения и на этапе выдвижения обвинения президенту, а также правовые – доминирующие в судебном процессе в Государственном трибунале.

В специальном порядке президент привлекается к уголовной либо финансово-уголовной ответственности при сохранении самого принципа уголовной или финансово-уголовной ответственности за совершенные деяния. Несение ответственности перед Государственным трибуналом, а не перед судом общей юрисдикции или военным судом, обусловлено правовой и конституционной позицией президента, прежде всего в связи с тем фактом, что он является представителем государства.

Правила процедуры по делу конституционной и уголовной ответственности, хоть и осуществляемой не перед судом, имеют много общего с судебным производством. Она состоит из аналогичных стадий, имеет аналогичный формальный характер. Несомненно, самым существенным этапом процесса реализации конституционной и уголовной ответственности является юрисдикционное производство. В сущности, оно полностью относится к компетенциям Государственного трибунала. Производство в Государственном трибунале осуществляется на основании перечня норм, аналогичных для судебного производства. Их реализация должна привести Трибунал к полному рассмотрению дела, определению объективной истины и на этом

²² A. Chorążewska, *Model prezydentury w praktyce politycznej po wejściu w życie Konstytucji RP z 1997 r.*, Warszawa 2008, s. 256; B. Dziemidok-Olszewska, *Odpowiedzialność głowy państwa...*, s. 112.

основании вынесению справедливого решения, т.е. получения результата, схожего с результатом судебного производства.

Что касается гражданско-правовой ответственности лица, занимающего пост Президента РП, она определяется на общих принципах.

РЕЗЮМЕ

Представленный текст посвящен проблематике правовой ответственности Президента РП. В работе осуществлен анализ вопроса сквозь призму трех видов ответственности, возложенной на президента: конституционной, уголовной и гражданско-правовой. Демонстрируются специфические аспекты ответственности Президента РП, в частности – сложный правовой порядок ее реализации, благодаря которому в период исполнения обязанностей на своем посту маловероятно привлечение Президента РП к правовой ответственности.

Jacek Zalesny

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF RESPONSIBILITY OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF POLAND

The text presents the legal responsibility of the President of the Republic of Poland. Three types of presidential responsibilities have been analyzed: a constitutional, a criminal and a civil one. The paper shows that the specific aspects of the President's responsibility – in particular a complex manner of its implementation – result in the fact that during the time of the presidency, the Polish President practically is neither constitutionally nor criminally accountable. He / she only holds a civil responsibility.

KEY WORDS: *Poland, President, constitutional responsibility, brought to constitutional responsibility, the State Tribunal*

Библиография

- A. Chorążewska, *Model prezydentury w praktyce politycznej po wejściu w życie Konstytucji RP z 1997 r.*, Warszawa 2008.
- J. Ciapała, *Prezydent w systemie ustrojowym Polski (1989–1997)*, Warszawa 1999.

- J. Ciapała, *Zagadnienie odpowiedzialności prawnej Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej*, „Przegląd Sejmowy” 2005, Nr 6.
- B. Dziemidok-Olszewska, *Odpowiedzialność głowy państwa i rządu we współczesnych państwach europejskich*, Lublin 2012.
- A. Frankiewicz, *Kontrasygnata aktów urzędowych Prezydenta RP*, Kraków 2004.
- S. Grabowska, *Modele odpowiedzialności konstytucyjnej prezydenta we współczesnych państwach europejskich*, Toruń 2012.
- J. Grajewski, *Warunki ustawowe i wymogi formalne wstępnego wniosku o pociągnięcie do odpowiedzialności konstytucyjnej przed Trybunałem Stanu*, „Przegląd Sejmowy” 2003, Nr 1.
- R. Mojak, *Instytucja Prezydenta RP w okresie przekształceń ustrojowych*, Lublin 1995.
- A. Rakowska, *Kontrasygnata aktów głowy państwa w wybranych państwach europejskich*, Toruń 2009.
- J. Zaleśny, *Odpowiedzialność konstytucyjna w Europie Środkowo-Wschodniej*, [w:] T. Mołdawa (red.), *Zagadnienia konstytucjonalizmu krajów Europy Środkowo-Wschodniej*, Warszawa 2003.
- J. Zaleśny, *Odpowiedzialność konstytucyjna w prawie polskim okresu transformacji ustrojowej*, Toruń 2004.

STANISŁAW BIELEŃ, ANDRZEJ SKRZYPEK (RED.)

Rosja. Rozważania imperiologiczne

Oficyna Wydawnicza ASPRA – JR,
Warszawa 2015, 263 s.

(Kazimierz Łastawski)

Dążenia imperialne Rosji przez długi czas wpływały na losy Polski, dlatego też podjęty temat ma ważne znaczenie naukowe i może być użyteczny dla praktyki stosunków polsko-rosyjskich. Federacja Rosyjska jest spadkobiercą długich tradycji imperialnych, stałym członkiem Rady Bezpieczeństwa ONZ, dysponuje dużym arsenałem broni jądrowej i znaczącymi zasobami surowców energetycznych. Na jej obecnej pozycję wyraźnie wpłynął prezydent Władimir Putin, który ustabilizował państwo, scentralizował władzę i rozwija różne inicjatywy w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej.

Praca zbiorowa *Rosja. Rozważania imperiologiczne* jest kolejną, wartościową publikacją specjalistów z wielu uczelni uczestniczących w inicjatywach naukowych Międzyinstytutowej

Pracowni Badań nad Rosją i Państwami Poradzieckimi Wydziału Dziennikarstwa i Nauk Politycznych UW. Wielostronnie ukazuje dylematy współczesnej Rosji, która zmierza do utrwalenia imperialnych wpływów, zwłaszcza na obszarze państw poradzieckich i w całej Euroazji. Praca składa się z czternastu rozdziałów przygotowanych przez trzynastu autorów polskich i rosyjskiego badacza Dmitrija Karnauchowa. Prezentuje bogatą panoramę poglądów na temat złożonej tożsamości współczesnej Rosji. Wśród autorów przeważa przekonanie, że Rosja jest mocarstwem regionalnym, ale z ambicjami właściwymi mocarstwom globalnym. Publikację Pracowni cechuje rzetelność naukowa różna od subiektywistycznych ujęć problematyki rosyjskiej w prasie polskiej, czy też publikacjach Andrzeja Nowaka i Pawła Rojka.

Tytuł pracy wskazuje na „rozważania imperiologiczne” i na okładce umieszczono miniatury władców i polityków, którzy przyczynili się do pomyślności imperium rosyjskiego. W perfekcyjnie ujętym *Wstępie* Stanisław Bieleń i Andrzej Skrzypek uzasadniają sformułowanie tytułu dyskusyjnym i zróżnicowanym charakterem prezentowanych analiz, które dopuszczają rozmaite punkty widzenia oraz zróżnicowane interpretacje problemów. Wiele tematów zawiera jednak zbliżone treści i to prowadzi do występowania powtórzeń, zwłaszcza w prezentowaniu rozwoju imperium rosyjskiego, dążeń i działań rosyjskich na obszarze poradzieckim, wpływu prawosławia, rozwoju idei „wielkiej Rosji” oraz osoby prezydenta Władimira Putina.

W pracy wielostronnie zaprezentowano czynniki, wpływające na imperialne ambicje Rosji. Główne z nich to: duży potencjał militarny (z jednym z największych w świecie potencjałem jądrowym), ogromne terytorium położone na obszarze Europy i Azji, wielowiekowa ekspansja imperialna, autorytarny system polityczny, centralistyczny model władzy, duże zasoby surowcowe oraz eksponowanie rosyjskiego posłannictwa dziejowego. Autorzy sygnalizują również bariery w rozwoju mocarstwowości Rosji takie jak: braki nowoczesnej technologii, istnienie mozaiki narodowościowej, niski poziom życiowy społeczeństwa oraz ożywanie nacjonalizmów i podziałów religijnych na obszarze poradzieckim.

Charakterystyczne cechy historycznego imperium Rosji autorzy od-

noszą do wzoru Imperium Rzymskiego. W pierwszym rozdziale Andrzej Skrzypek zaprezentował *Tendencje rozwojowe światowych imperiów*. Wykazał przy tym, że imperia tworzyły się, rozwijały i ulegały zanikowi. Cechował je głównie hierarchiczny sposób organizacji, ekspansjonizm i regulowany ład społeczny (s. 12). Na podobne cechy imperialne wskazuje również Jakub Potulski (s. 41).

Dmitrij Karnauchow i Marian Broda szeroko ujmują historyczne podstawy rosyjskiej idei imperialnej i jej realizację przez wiele stuleci. Charakteryzują proces carskich podbojów kierowanych z Petersburga i Moskwy oraz szczególny rozwój idei Rosji jako Trzeciego Rzymu. Obaj autorzy wskazują również na specyficzną rolę imperium radzieckiego, które po II wojnie światowej tworzyło podstawę bloku wschodniego. Wzorzec imperialny łączy z autorytarno-imperialnym kształtem Rosji oraz kultem silnej i sakralizowanej władzy. Dmitrij Karnauchow przeprowadza również historiograficzną analizę rozwoju imperium rosyjskiego.

Joachim Diec w rozdziale *Próby redefinicji państwowości imperialnej nowej Rosji* wskazuje na różne koncepcje i interpretacje rosyjskiej sytuacji imperialnej. Dowodzi, że tożsamość współczesnej Rosji wynika z doświadczeń przeszłości i wyzwania nowych czasów. Jest pochodną politycznej woli społeczeństwa i elity władzy oraz oddziaływań i zmian całości ładu międzynarodowego (s. 68). Analizuje poglądy wielu zwolenników umacniania nowej tożsamości Federacji Rosyjskiej, w tym nawet określenia jej jako

„Trzeci Rzym bis” i „Piąte Imperium”. Imperialne dążenia Rosji łączy głównie ze współczesnym wymogiem odbudowy mocarstwa zdolnego do powstrzymywania wpływów Zachodu na obszarze Eurazji.

Problemy geopolityczne Rosji w przestrzeni poradzieckiej w zróżnicowany sposób ujmują Jakub Potulski (*Rosyjskie koncepcje geopolityczne jako wyraz poszukiwań formuły imperialnej?*), Stanisław Bieleń (*Rosyjski rewizjonizm geopolityczny w stosunkach międzynarodowych*), Agata Włodkowska-Bagan (*Ambicje imperialne Rosji i innych mocarstw w przestrzeni poradzieckiej*) oraz Paulina Pacak (*Rola przestrzeni w polityce Rosji na obszarze poradzieckim*).

Jakub Potulski wielostronnie charakteryzuje myśl geopolityczną i przestrzeń imperialną Rosji, ukazując zarówno sukcesy, jak i słabości rozwijanych idei imperialnych. Szczególną uwagę skupia na rozważaniach geopolitycznych ideologów, a zwłaszcza Aleksandra Dugina. Stanisław Bieleń skupił główną uwagę na treściach rosyjskich działań geopolitycznych w przestrzeni poradzieckiej. Ukazał proces przemian w tej przestrzeni i geopolityczne starcie na tym obszarze Rosji i Zachodu oraz dążenia władz Federacji Rosyjskiej do konsolidacji wieloetnicznego narodu rosyjskiego i do optymalnego kierowania wielką przestrzenią. Najlepiej ze wszystkich autorów ujął aktualne problemy konfliktu geopolitycznego Rosji z Ukrainą.

Agata Włodkowska-Bagan najszerzej ukazała problemy rywalizacji mocarstwowej na obszarze poradzieckim, eksponując poza Rosją rolę USA, Chińskiej Republiki Ludowej i Unii

Europejskiej. Wskazała wyraźne przezwagi Rosji na tym terenie oraz środki i metody polityki rosyjskiej wobec państw poradzieckich. Z kolei Paulina Pacak charakteryzuje rosyjskie ambicje imperialne, szczególnie eksponując euroazjatyzm. Wskazuje na trzy oblicza imperializmu rosyjskiego: postimperializm, neoimperializm i transimperializm (s. 186–187) oraz na konieczność obrony „rosyjskiego świata”. Ocenia przestrzeń poradziecką jako „strefę uprzywilejowanych interesów współczesnej Rosji”. W powyższych pracach geopolitycznych pewien niedosyt budzi skrótowe ujęcie rosyjskich działań zbrojnych w Gruzji, w Afganistanie, na Ukrainie, a ostatnio w Syrii. Mało wyraźnie ukazano również rolę presji militarnej w polityce zagranicznej Rosji.

Kilka prac wskazuje na istnienie myślenia imperialnego w Rosji i dążenia do utrwalenia kulturowej rosyjskości, przy wykorzystaniu imperialnych sentymentów, związków prawosławia z państwem oraz sukcesów kosmicznych. Problemy te najszerzej eksponują Andrzej Wierzbicki w rozdziale *Russkij mir jako projekt restauracyjny imperium* oraz Alicja Curanović w rozdziale *Rola Cerkwi prawosławnej w kreowaniu tożsamości imperialnej współczesnej Rosji*.

Agnieszka Bryc szczególną uwagę skupiła na osobie współczesnego przywódcy państwa rosyjskiego w rozdziale *Putinizm jako doktryna odbudowy imperium?* Wielostronnie ocenia politykę prezydenta Rosji i szczególny fenomen tradycji silnej władzy. Kierowana przez Putina Rosja rozwija tradycyjny model sprawowania władzy

bazujący na silnej osobowości przywódcy, centralizacji władzy i tradycyjnych wartościach rosyjskich.

Oryginalne rozważania zaprezentował Maciej Raś w rozdziale zatytułowanym *Bariery na drodze do budowy państwa narodowego w Rosji*. Autor wskazuje na trzy różne sposoby określania narodu rosyjskiego: „rossijan”, „russkich” oraz ponadnarodowej wspólnoty świata kultury rosyjskiej – *russkiego mira*. Ukazuje przekonanie wielu ideologów rosyjskich odmawiających Ukraincom i Białorusinom prawa do odrębności narodowej od Rosjan jako Wielkorusów (s. 172). Wskazuje też na różnice wśród specjalistów w sprawie oceny państwowości rosyjskiej. Konkluduje, iż Rosję można obecnie uznać jako państwo narodo-*we in statu nascendi*.

Publikację Międzyinstytutowej Pracowni Badań nad Rosją i Państwa-

mi Poradzieckimi wzbogacają również interesujące rozważania o charakterze imperialnym Anny Jach (*Rosyjska nostalgia imperialna*) i Adama Bosiackiego (*Prawne ograniczenia rosyjskiej ekspansji terytorialnej*). Ich sposób ujęcia tematu obejmuje różne aspekty problemu i różni się w ocenie możliwości rosyjskiej ekspansji.

Praca *Rosja. Rozważania imperio-logiczne* wielobarwnie prezentuje specyfikę kulturową i współczesne atuty imperialne Rosji. Wykazuje współczesne dążenia do konsolidacji wieloetnicznego narodu rosyjskiego, którego przywódcy za najbardziej korzystne uznają działania o charakterze imperialnym. Dla uzyskania tego celu władze Rosji wykorzystują zarówno tradycyjne działania *hard power* i bardziej współczesne – „*soft power*”.

Kazimierz Łastawski

Авторы

Малгожата Абассы, доктор гуманитарных наук в области культурологии, адъюнкт Института России и Восточной Европы Ягеллонский университет (Краков).

Вахит Хумидович Акаев, доктор философских наук, профессор, гл. н. с. КНИИ РАН.

Елена Юрьевна Баженова, кандидат экономических наук, доцент каф. Института социологии и регионоведения ЮФУ.

Ирина Александровна Батанина, ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», профессор, доктор политических наук.

Тадеуш Бодио, профессор Варшавского университета, зав. каф. Восточных Исследований, председ. науч. сов. журнала «Новая восточная политика».

Ирина Алексеевна Василенко, доктор политических наук, профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Анджей Вежбицки, профессор каф. восточных исследований Институт политических наук Варшавского университета гл. ред. журнала «Восточная политика».

Владимир Александрович Гутуров, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ.

Яцек Залесны, доктор Института политических наук Варшавского университета, занимается изучением конституционного права. Печатается в журналах, напр. «Сравнительное конституционное обозрение», «Проблемы в российском законодательстве», «МЕМЛЕКЕТТИК БАСҚАРУ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТИК ҚЫЗМЕТ ғылыми-талдау журналы», «Journal of Constitutionalism & Human Rights».

Артем Юрьевич Каратеев, кандидат исторических наук, Московский государственный университет (МГУ) имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, кафедра истории и теории политики.

Анастасия Александровна Лаврикова, ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», доцент, кандидат политических наук.

Анатолий Владимирович Лубский, доктор философских наук, проф. каф. теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ.

Михаил Иванович Пастухов, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права «БИП – Институт правоведения». Специализируется в области конституционного права, судостроительства и судопроизводства.

Иван Владимирович Радиков, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры теории и философии политики, заместитель декана факультета политологии. Профессор, доктор политических наук.

Пшемислав Серадзан, кандидат политических наук, Институт Политологии Университета г. Гданьск.

Александр Михайлович Старостин, доктор политических наук, профессор, зав. каф. философии Южно-российского института управления РАНХ и ГС.

Лариса Григорьевна Титаренко, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Белорусский госуниверситет (Минск).

Анджей Ян Ходубски, Профессор политических наук, Университет г. Гданьск.

Виктор Владимирович Черноус, кандидат политических наук, профессор ИСиР ЮФУ, зам. гл. редактора ж-ла «Гуманитарий Юга России».

Ольга Евгеньевна Шумилова, ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», доцент, кандидат политических наук.

Андрей Юрьевич Шутов, доктор исторических наук, профессор, Декан факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Stanisław Bieleń, profesor nauk społecznych, zatrudniony w Instytucie Stosunków Międzynarodowych Wydziału Dziennikarstwa i Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego. W latach 1993–1999 i 2008–2012 – prodziekan Wydziału Dziennikarstwa i Nauk Politycznych. W okresie 1999–2014 redaktor naczelny czasopisma „Stosunki Międzynarodowe – International Relations”. Zajmuje się polityką zagraniczną Rosji, polityką wschodnią Polski, a także problemami tożsamości i procesami negocjacyjnymi w stosunkach międzynarodowych.

Elena Brodovskaya, Dr. political science, Scientific Head of the Institute for the High-Hume technology in social computing of Sholokhov Moscow State University for the Humanities.

Anna Dombrowskaya, Candidate Sociol. Sciences, Head of the Laboratory “Sociology of the Internet,” of the Institute for the High-Tech technology in social computing of Sholokhov Moscow State University for the Humanities.

Kazimierz Łastawski, profesor w Instytucie Politologii Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu.

Alicja Stępień-Kuczyńska, profesor nauk politycznych, dyrektor Instytutu Studiów Politologicznych Uniwersytetu Łódzkiego.

Stanisław Sulowski, profesor nauk politycznych, dyrektor Instytutu Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego.

STUDIA POLITOLOGICZNE

Wytyczne dla Autorów

Forma przekazania tekstu: e-mail'em, w edytorze Word na adres: zalesnyjacek@gmail.com.

Do tekstu dołącza się oświadczenie o oryginalności pracy oraz o tym, że aktualnie nie uczestniczy ona w innym postępowaniu wydawniczym.

Redakcja tekstu

Układ analizy:

Autor

Tytułu analizy w języku polskim

Kluczowe słowa: 5 w języku polskim

Tekst artykułu

Streszczenie: w języku polskim do 600 znaków

Tytułu analizy w języku angielskim

Streszczenie: w języku angielskim do 600 znaków

Kluczowe słowa: 5 w języku angielskim

Bibliografia

Nota o Autorze (w tym: nazwa instytucji, w której jest zatrudniony, tytuł naukowy, stopień naukowy, adres e-mailowy, adres do korespondencji).

Czcionka: Times New Roman, „13”

Akapit: wyrównanie do prawej i lewej, wcięcie: 1,25 cm pierwszy wiersz, 1,5 odstępu między wierszami.

Przypisy polskie: na dole strony, numeracja ciągła, czcionka „10”, według wzoru:

¹ S. Huntington, *Trzecia fala demokratyzacji*, Warszawa 1995, s. 206.

¹ Tamże, s. 27.

¹ M. Cichosz, *Transformacja demokratyczna – przyczyny, przebieg i efekty procesu*, [w:] A. Antoszewski (red.), *Systemy polityczne Europy Środkowo-Wschodniej*, Wrocław 2006, s. 52.

¹ S. Huntington, *Trzecia fala...*, s. 176.

¹ T. Kowalski, *Formy i przesłanki obecności kapitału zagranicznego w mediach drukowanych*, „Zeszyty Prasoznawcze” 1998, nr 1–2, s. 37.

¹ M. Górak, *Cyfrowa prasa: chwilowa moda czy przyszłość*, <http://internetstandard.pl/artkuły/45301.html>, 6.12.2004.

Tekst podstawowy i przypisy: wyjustowane.

Ustawienia strony: standardowe.

Objętość: 25–35 tys. znaków (wraz ze spacjami).

W celu przeciwdziałania „ghostwriting” i „guest authorship” Redakcja „Studiów Politologicznych” wprowadziła procedury związane z zaporą „ghostwriting”.

„Ghostwriting” oraz „guest authorship” są przejawem nierzetelności naukowej. Wszelkie wykryte przypadki będą demaskowane, włącznie z powiadomieniem odpowiednich podmiotów (instytucje zatrudniające Autorów, towarzystwa naukowe, stowarzyszenia edytorów naukowych itp.).

Z „*ghostwriting*” mamy do czynienia wówczas, gdy ktoś wniósł istotny wkład w powstanie publikacji, bez ujawnienia swojego udziału jako jeden z Autorów lub bez wymienienia jego roli w podziękowaniach zamieszczonych w publikacji.

Z „*guest authorship*” („*honorary authorship*”) mamy do czynienia wówczas, gdy udział Autora jest znikomy lub w ogóle nie miał miejsca, a pomimo to jest Autorem/współautorem publikacji.

Autor publikacji jest zobligowany poinformować o źródłach finansowania publikacji, wkładzie instytucji naukowo-badawczych, stowarzyszeń i innych podmiotów („*financial disclosure*”).

Redakcja „Studiów Politologicznych” wymaga od Autorów publikacji ujawnienia wkładu poszczególnych Autorów w powstanie publikacji (z podaniem afiliacji oraz informacji, kto jest Autorem koncepcji, założeń, metod, protokołu itp. wykorzystywanych przy przygotowaniu publikacji). Autor ponosi odpowiedzialność za zgłoszoną publikację.

Redakcja „Studiów Politologicznych” dokumentuje wszelkie przejawy nierzetelności naukowej, zwłaszcza łamania i naruszania zasad etyki obowiązujących w nauce.

Teksty przekazywane do opublikowania w „Studiach Politologicznych” podlegają postępowaniu recenzyjnemu. W ciągu 2 miesięcy od złożenia tekstu Autor jest informowany o zakwalifikowaniu go do postępowania recenzyjnego lub odrzuceniu ze względu na uchybienia formalne. Następnie każda praca (po nadaniu jej anonimowości) jest opiniowana przez jednego z Redaktorów „Studiów Politologicznych”. Po uzyskaniu pozytywnej opinii, tekst jest przekazywany dwóm recenzentom zewnętrznym, tj. spoza członków Redakcji. W przypadku uzyskania recenzji negatywnej informacja o tym fakcie jest podawana Autorowi, a postępowanie publikacyjne ulega zakończeniu ze skutkiem dlań negatywnym. W przypadku recenzji negatywnej Autor otrzymuje recenzję nadesłanego tekstu (po usunięciu personaliów recenzenta) oraz informację, że postępowanie publikacyjne uległo zakończeniu ze skutkiem negatywnym.

Redakcja nie zwraca tekstów niezamówionych oraz zastrzega sobie prawo do ich redagowania i skracania.

STUDIA POLITOLOGICZNE
(„ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”)

Указания для авторов

Форма предоставления текстов (на русском языке): по электронной почте, в редакторе Word на адрес: zalesnyjacek@gmail.com.

К тексту прилагается заявление об оригинальности работы и о том, что на данное время она не заявлена в другие издания.

Редактирование текста

Схема статьи:

Автор

Название статьи на русском языке

Ключевые слова: 5 на русском языке

Текст статьи

Резюме: до 600 знаков на русском языке

Название статьи на английском языке

Резюме: до 600 знаков на английском языке

Ключевые слова: 5 на английском языке

Библиография

Информация об авторе (наименование учреждения, в котором он работает, ученое звание, ученая степень, адрес).

Шрифт: Times New Roman «13»

Сноски: внизу страницы, непрерывная нумерация, шрифт «10», согласно образцу:

¹ И. В. Чубыкин, *Государственное управление стран ближнего зарубежья России*, Москва 2006, с. 99.

¹ Там же, с. 27.

¹ См.: Н. Дж. Мельвин, *Узбекистан: переход к авторитаризму на шелковом пути*, [в:] С. И. Кузнецова (ред.), *Страны Центральной Азии на рубеже XX–XXI веков: становление национальных государств*, Москва 2006, с. 78.

¹ А. С. Автономов, *Процесс становления парламентаризма в Казахстане*, „Представительная власть” 1995, № 2, с. 27.

¹ M. Górak, *Cyfrowa prasa: chwilowa moda czy przyszłość*, <http://internetstandard.pl/artykuly/45301.html>, 6.12.2004.

Параметры страницы: стандартные.

Объем: 25–35 тыс. знаков с пробелами.

С целью противодействия «ghostwriting» и «guest authorship» редакция «Studiów Politologicznych» ввела процедуры, связанные с преградой «ghostwriting».

«Ghostwriting» и «guest authorship» являются проявлением научной недобросовестности. Все обнаруженные случаи будут разоблачены, включая уведомление соответствен-

ных субъектов (учреждений, в которых работают авторы, научные общества, сообщества научных редакторов и т.п.).

С «*ghostwriting*» имеем дело, когда кто-то внес весомый вклад в создание публикации, не сообщая о своем участии в роли соавтора либо без упоминания его роли в благодарностях, помещенных в публикации.

С «*guest authorship*» («*honorary authorship*») имеем дело, когда участие автора мизерно мало либо вообще отсутствует, и не смотря на это, он является автором/соавтором публикации.

Автор публикации обязан сообщить об источниках финансирования публикации, вкладе научно-исследовательских учреждений, обществ и других субъектов («*financial disclosure*»).

Редакция «Studiów Politologicznych» требует от авторов публикаций представления вклада всех конкретных авторов в создании публикации (с указанием аффилиации и данных, кто является автором концепции, основных тезисов, методов, протокола и т. п., использованных в подготовке публикации). Автор несет ответственность за заявленную публикацию.

Редакция «Studiów Politologicznych» документирует все проявления научной недобросовестности, в частности нарушения принципов этики, действующих в науке.

Тексты, направляемые для публикации в «Studiach Politologicznych», подлежат процессу рецензирования. В течение 2 месяцев с момента подачи текста автор уведомляется о том, что он допущен к процессу рецензирования либо не допущен в связи с формальными погрешностями. Далее каждая работа (после ее анонимизации) оценивается одним из редакторов «Studiów Politologicznych». После получения положительной оценки текст передается двум независимым рецензентам, не являющимся членами редакции. В случае отрицательной рецензии, данную информацию сообщают автору, а процесс публикации завершается с негативным результатом. В случае негативной рецензии автор получает рецензию на отправленный текст (после удаления имени рецензента) и информацию, что процесс публикации завершен с негативным для него результатом.

Редакция не возвращает не заказанных текстов и оставляет за собой право к их редактированию и сокращению.

STUDIA POLITOLOGICZNE
("POLITICAL SCIENCE STUDIES")

Instructions for Authors

Papers should be submitted by email in Word format to the following address:
zalesnyjacek@gmail.com.

Paper should include a statement concerning the original character of the paper and the fact that it is not under consideration for publication elsewhere.

Editing of the text

A scheme of the analysis:

Author

Title of analysis

Abstract (up to 600 characters)

Key words: 5

The text of the article

Bibliography

A separate note about the Author is also required (including the name of the institution where they are employed, the academic title and academic degree, address)

Font: 13-point font size (Times New Roman)

References: at the bottom of the page, continuous pagination, 10-point font size, according to the following model:

- ¹ F. Millard, *Elections, Parties and Representation in Post-Communist Europe*, Palgrave Macmillan 2004, p. 135.
- ¹ Ibidem, p. 27.
- ¹ T. Zittel, *Legislators and their representational roles: strategic choices or habits of the heart?*, [in:] M. Blomgren, O. Rozenberg (eds.), *Parliamentary Roles in Modern Legislatures*, Routledge 2012, p. 107.
- ¹ F. Millard, *Elections, Parties...*, p. 176.
- ¹ A. Grant, *The Politics of American Campaign Finance*, "Parliamentary Affairs" 1998, № 2, p. 227.
- ¹ M. Górak, *Cyfrowa prasa: chwilowa moda czy przyszłość*, <http://internetstandard.pl/artyki/45301.html>, 6.12.2004.

Page setup: standard

Length: 25,000–35,000 characters (spaces included)

To counteract "ghostwriting" and "guest authorship", the Editorial Board of "Studia Politologiczne" implemented procedures connected with blocking "ghostwriting".

„*Ghostwriting*” and “*guest authorship*” are signs of scientific unreliability. All detected cases will be disclosed, including notifying the proper entities (institutions employing the Authors, scientific societies, associations of scientific editors etc.).

We are dealing with “*ghostwriting*” when somebody who has made a significant contribution to the text does not disclose their participation as one of the Authors or when their role is not mentioned in the acknowledgements included in the publication.

We are dealing with “*guest authorship*” (“*honorary authorship*”) when the Author’s participation is negligible or it is none despite the fact he/she is referred to as the Author/co-author of the publication.

The Author of a publication is obliged to provide information on the sources of financing the publication, the contribution of scientific and research institutions, associations and other entities (“*financial disclosure*”).

The Editorial Board of “*Studia Politologiczne*” requires that the Authors disclose the contribution of particular Authors to the publication (providing affiliations and information on the Author of the concept, assumptions, methods, protocol, etc. used while preparing the publication). The Author bears responsibility for the submitted text.

The Editorial Board of “*Studia Politologiczne*” documents all signs of scientific unreliability, especially of breaking and infringing the principles of ethics binding in science.

Texts submitted for publication in “*Studia Politologiczne*” are reviewed. Within 2 months after submission of the text, the Author is informed on the text being qualified for the reviewing procedure or rejected due to formal faults. Next, each paper (after being anonymized) undergoes the assessment procedure by one of the Editors of “*Studia Politologiczne*”. After receiving a positive opinion, the text is passed on to two external reviewers, i.e. from outside the Editorial Board. In case of a negative opinion, the information on this fact is given to the Author and the process of publishing is closed with a negative result. In case of a negative opinion the Author receives the review of the text (with personal data of the reviewer removed) and the information that the process of publishing has been closed with a negative result.

The Editorial Board does not return the texts which have not been requested and reserves the right to edit and abridge them.

